

Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»

ХРАМ ПОБЕДЫ

материалы
научно-практической конференции

Санкт-Петербург
2009

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

профессор Н.В. БУРОВ (главный редактор),
профессор М.А. Арварский, А.В. Квятковский, Н.Н. Коренева,
профессор В.П. Яковлев,
Е.К. Чернышева (зам. главного редактора), А.П. Витушкин (редактор)

В 1709 году в ознаменование победы под Полтавой, одержанной 27 июня в день памяти преподобного Сампсона Странноприимца, в Петербурге, на Выборгской стороне была заложена деревянная Сампсониевская церковь. Освященная в 1710 году церковь скоро стала одной из богатейших в новой столице. Здесь хранились личные дары Петра I, печатное Малое Евангелие 1703 года с посвящением цесаревичу Алексею, оригинальная серебряная дарохранительница. Среди икон особенно замечательными были образа Толгской Божией Матери и Тихвинской Божией Матери в серебряной ризе. В период с 1728 по 1740 гг. строится каменная Сампсониевская церковь, в западном лонгете ее центрального преддверного нефа появляется изображение Петра I в момент объявления Полтавской победы, подчеркивающее мемориальность храма. Собор украшен золоченым пятирусным деревянным иконостасом с подписными иконами XVIII в., Лицевыми святыми, одними из самых крупных в Санкт-Петербурге, иконами Свт. Николая Чудотворца в житии с 32 клеймами и Св. Иоанна Воина и Михаила Маленна в рамах в стиле «рококо».

Начиная с 1890 года, наряду с празднованием Полтавской победы, в северной столице отмечались и юбилеи Сампсониевского храма. Особо памятным было его 200-летие — Указом Императора Николая II храму была присвоен статус собора, на южном и северном фасадах колокольни установлены чугунные мемориальные доски с текстами речей Петра I к воинам-участникам Полтавского сражения, перед собором открыт памятник Петру I, выполненный по модели скульптора М.М. Антокольского.

В сборнике представлены материалы научно-практической конференции «Храм Победы», посвященной юбилею одного из старейших в Санкт-Петербурге и первого храма-памятника в честь военной победы России — Сампсониевского собора.

Кафедра. Мат. науч.-практ. конф. «Храм Победы». — СПб., 2009. — 370с.

Уважаемые читатели, друзья и коллеги!

Вашему вниманию представляется ежегодный сборник научных трудов музея «Кафедра».

Впервые сборник открывает слово Святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла, произнесенное им за литургией в Исаакиевском соборе 5 апреля 2009 года. Этим выступлением мы возрождаем традицию, заложенную в 1876 году старостой Исаакиевского собора генералом Евгением Васильевичем Богдановичем, публиковать на страницах «Кафедры» проповеди, произносимые с кафедры Исаакиевского собора.

В этом году сборник статей посвящен 300-летию основания Сампсониевского храма, неразрывно связанного с победой под Полтавой, названной Петром Великим «Русское Воскресение».

На страницах сборника вы сможете познакомиться с историей строительства собора, особенностями его декоративно-художественного убранства, современной жизнью храма-памятника. Особо хочется обратить Ваше внимание на публикуемые исторические материалы, посвященные 150-летию и 200-летию Сампсониевского храма: «Краткое описание С.-Петербургской Сампсоновской церкви, что на Выборгской сторонѣ, съ исторіею ея прихода. Къ полуторастолѣтнему юбилею цѣркви, подготовленного священником Александром Владимірским» и «Отчетъ Комитета по организаци и празднованію 200-тъ лѣтняго юбилея основанія Сампсоніевскаго храма, заложеннаго Императоромъ Петромъ I-мъ въ память Полтавской побѣды 1709 года 29-го Іюня» и «Гимнъ на 200-лѣтіе Полтавской побѣды» сочиненный княгиней Маріей Трубецкой.

Завершает «Кафедру» перечень научных материалов о Сампсониевском соборе, подготовленных сотрудниками музея в период с 1985 по 2009 год.

*Директор
Государственного музея-памятника
«Исаакиевский собор»*

Н.В. Буров

**СЛОВО СВЯТЕЙШЕГО ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ КИРИЛЛА
ЗА ЛИТУРГИЕЙ В ИСААКИЕВСКОМ СОБОРЕ
5 АПРЕЛЯ 2009 ГОДА**

В Неделю Пятую Великого поста Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл совершил Божественную литургию в Исаакиевском соборе.

После чтения Евангелия Патриарх обратился к присутствующим с Первосвященительским словом.

Во имя Отца и Сына, и Святого Духа!

В только что прослушанном отрывке Евангелия от Марка мы находим очень важное повествование: Господь, обращаясь к ученикам, сказал о том, что Ему надлежит пострадать, быть казненным и в третий день воскреснуть. Это удивительное откровение, которое Учитель передал своим ученикам, но также удивительна и нелогична реакция учеников на это откровение. Двое ближайших учеников Спасителя – а Иаков и Иоанн, братья Зеведевы, обратились к нему с неожиданной просьбой: Господи, посади нас по правую и левую стороны от Тебя, когда Ты явишься во славе Твоей. В их словах не было сострадания к Учителю, не было переживаний и горя, а было желание использовать силу своего Учителя, чтобы обрести некое благо, возвыситься над другими людьми. Господь говорит им, что не имеет власти посадить их по правую и левую стороны от Себя. И завершается Евангельское повествование словами: тот, «кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою».

В человеческую природу заложено стремление к развитию, совершенствованию. И чаще всего люди определяют степень своего развития, жизненной удачи по тому, какое положение в обществе они занимают. Поэтому стремление обрести более высокое положение диктуется самой природой человека, предрасположенной к развитию и совершенствованию. Иногда в жизни это стремление приобретает совершенно болезненное выражение. Про таких людей мы говорим – это честолюбивый, тщеславный человек, который все свои силы направляет только на то, чтобы стать выше других, сесть по правую или левую стороны, конечно не Господа, какого-нибудь начальника, сначала местного, затем и выше, а потом, может, и вообще занять его место. Удивительно, что Господь не осуждает учеников за то, что они попросили Его о высоком месте. Он не сказал им: почему вы думаете о себе, когда Я говорю вам о Своих страданиях? Он не сказал им, что их мысли неправильны и греховны, Он не оспаривает их желание, но Он дает ясное понимание того, что означает для человека положение выше, чем то, которое имеют окружающие. Господь ясно определяет основную ценность высокого положения человека – единственную ценность, которая существует в очах Божиих и которая связана с властью. Этой ценностью является способность служить другим.

Стремление к власти может быть греховным и буквально убийственным для человеческой души, если оно сопровождается непременным стремлением от власти получать личные блага – материальные, социальные, общественные, служить самому себе, поднимаясь по ступеням служебной лестницы. Всякое использование власти во имя личных интересов является грехом. Почему один человек должен господствовать над другим? Почему свободные люди подчиняют свою волю другим людям? Существует тайна человеческой вла-

сти, до конца, может быть, и не понимаемая нами. Но у этой тайны есть нравственное и Божественное измерение. Тайна власти обращается во спасение тогда, когда сама власть служит другим. И нет иного измерения власти, только служение. И чем выше человек продвигается по ступеням служебной лестницы, чем больше у него власти, тем должно быть больше внутреннего смирения, тем должно быть выше осознание необходимости свое положение употреблять во благо других людей. Это справедливо не только в отношении тех, кто имеет политическую власть, это справедливо и по отношению к тем, кто имеет экономическую власть. Это справедливо по отношению к богатым людям. Потому что богатство – это всегда власть, в том или ином размере. И богатство может быть во благо, и богатство может быть в осуждение и погибель. Если человек имеет средства, которые по своему объему превышают необходимые затраты на жизнь такого человека, то это означает, что ему вручается Богом особая ответственность за других. Добрые дела, благодетельства – это не прихоть богатого человека, а это требование к нему, если он желает, чтобы богатство не обернулось погибелью души. Точно также и для людей, обладающих политической властью – требование служить другим заключает в себе единственное правильное и Богом определенное понимание власти.

Почти все беды человеческой истории – скорби, болезни, войны, революции, общественные катаклизмы – порождались безудержным стремлением людей иметь власть. Для того, чтобы завладеть властью, многие шли на страшные преступления. Разве власть, принятая безнравственно и преступно, может обернуться служением для других? Никогда! Разве деньги, нажитые нечестным путем и направляемые на удовлетворение все возрастающих потребностей, могут принести счастье и благополучие? Никогда!

То, что мы говорим по отношению к власти и богатству, имеет непосредственное отношение и к власти церковной. В Церкви тем более всякая власть должна сопровождаться служением, и чем выше поднимается человек по ступеням церковной власти, тем более жертвенным и самоотверженным должно быть его служение. Только этим может оправдаться тот, кому Бог вручает власть над другими. Вот почему Спаситель, отвечая на странное вопрошение Иакова и Иоанна, говорит им: «дать сесть у Меня по правую сторону и по левую – не от Меня зависит». В противном случае это было бы нарушением Богом учрежденного порядка, разрушение которого приводит к уничтожению человеческой жизни. Мы знаем, что ни одна кровавая борьба за власть, ни одна революция не сопровождалась миром, покоем, радостью, благополучием, потому что те, кто устремлялся к власти, прежде всего думали не о служении, а о том, чтобы именно им принадлежала властная и возделенная возможность повелевать другими людьми.

Мы говорим сейчас о высоких материях, о политической власти, о богатстве...

Однако большинство тех, кто сейчас слушает меня, не имеют политической власти и богатства. Так что же, это слово евангелиста Марка не к нам обращается? К нам, потому что стремление властвовать над другими вообще присуще человеку.

Краткое описание
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЙ САМПСОНОВСКОЙ ЦЕРКВИ,
ЧТО НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНѢ
 съ исторіею ея и прихода.
КЪ ПОЛУТОРАСТОЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ ЦЕРКВИ
 Священника Александра Владимірскаго

Краткія свѣдѣнія о заселеніи Выборгской стороны
 и составъ Сампсоновскаго прихода

Ко времени основанія Петербурга на Выборгской сторонѣ, въ предѣлахъ Сампсоновскаго прихода не было ничего, кромѣ нѣсколькихъ чухонскихъ деревень въ два, три двора. Такъ, въ теперешнемъ Строгановскомъ саду, на берегу Невки находились деревни Кискена и Вихари; противъ Ботаническаго сада, гдѣ нынѣ выходитъ на Невку Фризовъ переулокъ, была деревня Путтуксъ. Отъ нынѣшняго малаго Сампсоновскаго проспекта до Гардерева (по старому Гордонова) переулка находились двѣ деревни Эйткѣ и Макура. Въ углу, образуемомъ новою и малою муринскими дорогами, находился кирпичный заводъ, который въ первое время застройки Петербурга вырабатывалъ кирпичъ на печи первыхъ жилищъ для поселенныхъ здѣсь людей. Въ части Сампсоновскаго прихода, обращенной къ большой Невѣ, ко времени основанія Петербурга, на мѣстѣ садовъ, медицинской академіи и госпиталей, былъ разбитъ артиллерійскій паркъ, принадлежавшій городу Нізнь-Шанцу, находившемуся въ мѣстности теперешней Большой Охты.

Въ 1703 году Петръ I-й положилъ основаніе Петербургу. Бревенчатыя избы, мазанковме домики, мѣстами даже шалаши, раскинутые среди роцей и болотъ, составляли всѣ зданія нашей юной столицы, въ царствованіе Петра Великаго, ея основателя, и Петербургская сторона вмѣщала въ себя весь почти городъ, до 1710 года.

Постройка домовъ и заселеніе Выборгской стороны начинается съ 1710 года.

1709 года, 27 іюня, въ день преподобнаго Сампсона Страннопримца, Петръ I-й одержалъ подъ Полтавой надъ Карломъ XII, королемъ Шведскимъ побѣду, которую современники признавали не только знаменитѣйшею въ цѣломъ свѣтѣ, но и чудесною. Въ благодарность Господу за эту побѣду, в концѣ 1709 года, по повелѣнію Петра, былъ заложенъ, и въ 1710 году освященъ деревянный храмъ во имя Св. Сампсона Страннопримца на Выборгской сторонѣ. Указавъ это, отдалѣнное отъ центра города, мѣсто для церкви, Государь опредѣлилъ устроить при ней общее городское кладбище, какого тогда въ Петербургѣ еще не было. Къ заведенію общаго кладбища для Петербурга понудила царя, открывшаяся тогда въ Петербургѣ смертность. По преданію, царь имѣлъ при этомъ слѣдующее соображеніе: преподобный Сампсонъ былъ страннопримецъ, и на Петербургской землѣ поселились странники, люди пришлые; пусть они и покоются подъ стѣною стариннопримца. У Голикова читаемъ: «Его Величество прибылъ въ Петербургъ 23 ноября 1709 года, занялся гражданскими дѣлами, а между оныхъ, въ погребеніе странныхъ и пришельцевъ, заложилъ церковь св. Сампсона».

Въ 1717 году на Выборгской сторонѣ Петръ I-й приступилъ къ сооружеию госпиталя. Каменное зданіе госпиталя строилъ архитекторъ Трезини. Зданіе состояло изъ 2-хъ флигелей, по 65 сажень протяженіемъ, обращенное впоследствии подъ анатомическій театръ.

Къ важнѣйшимъ изъ произведенныхъ въ это время построекъ нельзя не причислить построеннаго на Выборгской сторонѣ (по выше госпиталя) перваго сахараго завода московскимъ промышленникомъ Вестовымъ¹⁾.

По проэкту генералъ-полицеймейстера Дивьера, предлагавшаго Сенату въ 1721 году взимать съ жителей столицы сборъ за освѣщеніе улицъ, на Выборгской сторонѣ, въ справкѣ показано погонныхъ по улицѣ сажень 3 902 $\frac{1}{2}$, а квадратныхъ саженьъ подъ дворовыми мѣстами 107 668 $\frac{1}{2}$. «Въ томъ числѣ, читаемъ въ докладѣ, у простыхъ мастеровыхъ вѣдвннхъ городовыхъ дѣлъ и другихъ солдатъ и каменщиковъ» подъ ихъ домами квадратныхъ саженьъ 21 698. Сверхъ того, въ справкѣ указаны на Выборгской сторонѣ вновь построенный дворъ бѣзильной фабрики.

Нижнншій баталліонный переулочъ былъ границею къ Невѣ отведеннаго участка для жительства рабочихъ и мастеровыхъ вѣдомства канцеляріи строеній г. С.-Петербурга. При этой канцеляріи состоялъ баталіонъ нижнихъ чиновъ, составлявшнхъ сторожевую и частію рабочую команду при городской канцеляріи. Въ 1721 году мѣста для нижнихъ чиновъ и офицеровъ баталіона строеній были не только

¹⁾ Сахарный заводъ существуетъ до нынѣ; теперь онъ принадлежитъ извѣстному сахарно-заводчику Л.Е. Кенегу.

отведены, но и застроены слободами, доходившими по Невкѣ до теперешнихъ московскихъ казармъ. Слободы бывшего баталіона строеній шли параллельно отъ Выборгской дороги (нынѣ большого Сапсоновскаго проспекта) къ Невкѣ, гдѣ теперь проходятъ переулки: Мало-Сапсоновскій, Крапивный, Роченсальскій, Бастедоновъ, Фризовъ, Форбесовъ, Зеленковъ и Серебряковъ.

Первый подробный проэктъ объ устройствѣ Петербурга данъ былъ въ 1739 году, въ царствованіе Анны Иоанновны, но не ранѣе, какъ со времени царствованія Екатерины II, Петербургъ началъ принимать видъ правильнаго, систематически расположеннаго города, и обогащаться новыми зданіями, съ соблюденіемъ всѣхъ требованій изящнаго вкуса, господствовавшаго тогда в Европѣ.

20 августа 1739 года послѣдовалъ докладъ комиссіи о Петербургскомъ строеніи, въ частности и объ устройствѣ Выборгской стороны по плану, составленному фонъ-Зихтеймомъ. По этому плану, комиссія прежде всего отнесла отъ зданія сухопутнаго госпиталя деревянныя служительскіе домики, представлявшіе опасность въ пожарномъ отношеніи. У госпиталя тогда разбить былъ по плану садъ. Позади этого сада комиссія полагала «пустить площадь и сдѣлать улицу, ведя ее отъ Невки до большой Невы прямою линіей на Охтенскую церковную куполь». Кромѣ пробитія этой дороги комиссія считала нужнымъ для Выборгской стороны «сдѣлать пять перспективныхъ дорогъ, а именно: одну отъ вновь строящейся госпитальной церкви, а прочія по сторонамъ оной, въ томъ числѣ одну провести подлѣ мѣстъ, опредѣленныхъ для погребенія усопшихъ тѣлесъ греческаго исповѣданія и другихъ закововъ, мимо церкви св. Самсона до Сампсоньевской слободы — пустить шириною

8 ½ сажень. И по обѣимъ сторонамъ этой улицы, для лучшаго удобства въ проѣздѣ къ Сампсоновской церкви, выкопать канальцы; работу же этой улицы, т. е. нынешняго Сампсоновскаго проспекта комиссія возлагала на жителей Выборгской стороны, потому что «отъ того имъ будетъ общая выгода и польза». Въ томъ же докладѣ комиссія касается и кладбища при Сампсоновской церкви. Комиссія полагала, – для стока воды – въ то время очень обильной, потому что мѣстность была болотиста и низменна, – и прибавки высоты, чтобы можно было могилы копать поглубже, вокругъ того мѣста выкопать канальцы и, ради «проѣзда изъ Невки мелкими судами до самого того кладбища, сдѣлать каналы», которыхъ, впрочемъ, Анна Иоанновна не утвердила. «И то кладбище, представляла комиссія, слѣдуетъ огородить деревяннымъ заборомъ, построить потребные для караула и жилья могильщику деревянные покои». Противъ кладбищъ православнаго и другихъ исповѣданій, по берегу Невки находились тогда ветхе деревянные (пеньковые) амбары, кото-рые комиссія за ненадобностию предлагала отдавать въ наемъ частнымъ лицамъ.

Высочайшая резолюція разрѣшила: «амбары по Невкѣ изъ умѣреннаго найма отдавать для поклажи лѣсныхъ матеріаловъ и для складки хлѣба; а когда оныя обветшаютъ, то ломать; а ежели кто пожелаетъ «тѣхъ мѣстъ» подъ строеніе же амбаровъ, то въ томъ позволить». По мысли той же комиссії предполагалось къ Невкѣ сдѣлать торговую площадь, построить на ней казенный питейный домъ, лавки, и «маркитанскіе и хлѣбниковы двory», а на берегу Невки выше сахарнаго завода построить торговые бани. Место предполагавшейся торговой площади осталось незастроеннымъ.

На этой площади при Александрѣ I построена каменная гауптвахта, а лавокъ не оказывается; да едва-ли и въ боле отдаленныя времена онѣ здѣсь были? По всей вѣроятности, въ торговыхъ рядахъ, за ограниченностію спроса и малостію населенія на Выборгской сторонѣ, нужды не оказывалось.

Первый С.-Петербургскій генералъ-полицеймейстеръ Дивизъ, дѣлая раскладку квадратнаго земельного налога съ домовладѣльцевъ, считалъ возможнымъ бѣдныхъ обывателей Выборгской стороны обложить самымъ малымъ взносомъ. Зная ихъ убожество и рассчитывая трудность для нихъ взноса, даже по полущкѣ съ квадр. сажени земли въ годъ, онъ ходатайствовалъ объ отмянѣ съ нихъ всякаго сбора. И въ докладѣ комиссіи 1739 года есть указаніе, что жили здѣсь при Анне Іоанновнѣ въ жалкихъ лачугахъ, безъ порядка, въ страшной тѣсотѣ. «Понеже, – писала комиссія въ своемъ докладѣ, въ реченой Сампсоньевской слободѣ многіе находятся ветхіе и тѣсные двory и улицы нерегулярныя; чего ради оныя исправить, и которые двory тѣсны и къ пожару опасны, оныя сломать будущимъ лѣтомъ, а которые не опасны и не тѣсны, хотя не регулярно построены и по плану въ линію не придуть, тѣ оставить, покуда впредь обветшаютъ».

Съ Сампсоновскаго проспекта собственно назначено было къ переноскѣ строеніе, подлѣ каменной Сампсоньевской церкви, деревянное, угрожавшее ей пожаромъ. Переносить полагалось постройку дальше отъ берега, за линію настоящаго Сампсоновскаго проспекта; – гдѣ, впрочемъ, положено давать земли и подъ огородами, съ платою поземельныхъ денегъ. Возводить-же постройки безъ указанія архитектора и безъ плана было рѣшительно воспрещено²⁾.

²⁾ См. Петровъ, Петербургъ с его основанія, изд. 1885 г.

Если отличное устройство, блескъ и роскошь, соответствующіе царственному городу, столица получила въ царствованіе Александра I-го и въ послѣднее время, то въ частности относительно устройства Выборгской стороны этого сказать нельзя. Съ перенесеніемъ центра столицы съ Петербургской стороны, Выборгская часть, какъ отдаленнѣйшая, по прежнему, оставалась и пустынною, и бѣдною. Даже во 2-й четверти настоящаго столѣтія на всей Выборгской сторонѣ числилось каменныхъ домовъ всего 55, считая въ томъ числѣ конечно всѣ казенныя каменные строенія и заводскія и фабричныя постройки; деревянныхъ же домовъ было 308. И въ настоящее время нѣкоторыя переулки Выборгской части представляютъ картину совсѣмъ не лучшую, чѣмъ ту, какую рисовала въ своемъ докладѣ коммиссія строеній въ 1739 году при Императрицѣ Анне Іоанновнѣ; жалкія лачуги, немощенныя улицы и переулки – явленіе даже до послѣднихъ лѣтъ было совсѣмъ обыкновенное.

Составъ прихожанъ, можно сказать, былъ одинаковъ всегда. Какъ съ основаніемъ Петербурга здѣсь селились по преимуществу люди бѣдные, рабочіе, да чины баталіона строеній, такъ и до настоящаго времени приходъ состоитъ по преимуществу изъ такихъ же бѣдняковъ, работающихъ на фабрикахъ и заводахъ Выборгской стороны.

Численностію народонаселенія за время своего существованія Сампсоновскій приходъ значительно увеличился. Такъ, въ 1762 году по книгамъ Сампсоновской церкви значится: рожденных и крестинъ было – 29 мужскаго пола и 27 женскаго, браков – 22, умершихъ – 40 мужчинъ и 40 женщинъ; общее число прихожанъ показано

465 душъ. За 1796 годъ крещеній было 89, браковъ – 19, исповѣдовалось – 695 человекъ, число дворовъ показано 55; общее число прихожанъ 773. Объ относительномъ увеличеніи населенія прихода въ послѣдующее время можно судить по следующимъ выпискамъ изъ метрическихъ и исповѣдныхъ книгъ нашей церкви. Крещеній было: въ 1830 г. 80, въ 1840 – 123; въ 1850 – 129; въ 1860 – 214; въ 1870 – 233; въ 1880 – 247; въ 1889 – 382. Исповѣдниковъ было: въ 1830 году – 466; въ 1840 – 567; въ 1850 – 1.490; въ 1860 – 2.501; въ 1870 – 2.271; въ 1880 – 2.700; и наконецъ въ прошломъ 1889 году – 3.734.

Въ послѣднія три десятилѣтія, какъ видно изъ приведенныхъ цифръ, съ развитіемъ фабричной промышленности число прихожанъ значительно возросло. А такъ какъ большинство ихъ народъ пришлый, не оцѣмный, то точное число ихъ показать невозможно. Расширяется фабричная дѣятельность, увеличивается число рабочихъ, а вмѣстѣ съ этимъ увеличивается и число богомольцевъ Сампсоновской церкви. Сокращается ли почему фабричное дѣло, и число прихожанъ убываетъ.

По вѣроисповѣданію преобладающее большинство живущихъ въ Сампсоновскомъ приходѣ конечно принадлежитъ къ Православной церкви. Раскольниковъ и за старинные годы находилось здѣсь мало, а теперь ихъ считать нужно только единицами. За то къ великой скорби каждого православнаго христіанина, за послѣдніе 15 или 20 лѣтъ, съ пріобрѣтеніемъ недвижимости, поселились здѣсь рьяные распространители вновь изобрѣтенной Пашковской секты, которые всякими неправыми путями стараются вербовать къ себѣ послѣдователей. По этому великій долгъ

лежить как на пастырях Сампсоновской церкви, так и на духовенствѣ находящихся въ приходѣ домовыхъ церквей, имѣющемъ нерѣдкое соприкосновеніе съ прихожанами Сампсоновской церкви, а также и на всѣхъ истинныхъ прихожанахъ церкви, со всей силой противостоять злу и не позволять сѣять плевелы на нивѣ Господней.

Въ составъ прихода входятъ слѣдующія улицы: Большой Сампсоновскій проспектъ, Финляндскій проспектъ, Оренбургская улица, Астраханская ул., Саратовская ул., переулки: Сахарный, Ломанскій, Нейшлотскій, Выборгская набережная большой Невки, малый Сампсоновскій проспектъ, Крапивный переулокъ, Роченсальскій пер., Ловицкій пер., Фризов переулокъ, Басте-доновъ переулокъ, Бабурингъ переулокъ, Форбесовъ переулокъ, Флюговъ переулокъ, Чугунная улица и другія, занятая огородами; всего въ приходѣ считается теперь свыше 170 дворовъ.

Первоначальная деревянная церковь

Послѣ Полтавской побѣды 27 іюня 1709 года, – побѣды, которую, какъ мы выше сказали, признавали тогда не только знаменитѣйшее въ цѣломъ свѣтѣ, но и чудесною (Зерцало Россійскихъ Государей Мальгина. Спб. 1794 г., стр. 534), въ концѣ 1709 г. основана и въ 1710 г. освящена небольшая однопрестольная деревянная церковь св. Самсона Странноприимца съ кладбищемъ на Выборгской сторонѣ, на Большомъ Сампсоновскомъ проспектѣ. Здѣсь до времени Императрицы Екатерины II происходилъ ежегодно 27 Іюня церковный

парадь, на котормъ иногда присутствовали Государи. Въ особенной службѣ церковной, на сей день составленной, глубоко дѣйствующей на сердца молящихся своимъ изряднымъ осмогласіемъ, вся Православная Россія призывается превозносить Бога въ Троицѣ славимаго и благодарить триипостасного побѣдителя, даровавшаго силу вѣрнымъ, пагубу и студи еретикамъ, а всѣмъ окрестнымъ народамъ, желающимъ брани, указывается на то, какъ Господь видимо побораетъ по насъ, на него надѣющихся и свою силу въ Немъ полагающихъ, ибо побѣда, – побѣдившая міръ, – есть вѣра наша.

Къ сожалѣнію, свѣдѣнія объ этой первоначальной церкви остались самыя скудныя. Наружный видъ ея, здѣсь предлагаемый и заимствованный нами у Рубана³⁾, можетъ дать хотя малое представленіе о первоначальной Сампсоновской церкви. Какъ и всѣ первыя постройки Петербурга, она была бревенчатая, небольшая по размерамъ и низкая; окна малыя, квадратной формы. На шатровой крышѣ церкви находился небольшой куполъ, на куполѣ глава и крестъ. Придѣлы, устроенные позднѣе для раннихъ литургій, примыкаютъ къ западной части храма съ сѣверной и южной стороны. При церкви была, конечно, и колокольня, какъ видно по рисунку у Рубана. Она стоитъ отдѣльно отъ церкви и походитъ на четырехгранникъ. Церковь и кладбище были обнесены крутомъ деревяннымъ заборомъ.

Незатѣйливая по внѣшнему виду, не обширная внутри, однако скоро эта стариннѣйшая церковь, вслѣдствіе устроеннаго при ней перваго и единственнаго для Петербурга кладбища, дѣлается трехпрядѣльною и сравнительно богатою своимъ внутреннимъ благолѣпіемъ, утварью и ризницею.

³⁾ Описаніе Петербурга по 1751 г. Изд. 1779 г., стр. 299, 329.

Указать съ точностію, когда устроены два боковые придѣла, мы не можемъ по недостатку данныхъ. Достоѣрно только, что съ сѣверной стороны храма придѣлъ во имя св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова былъ устроенъ раньше, чѣмъ южный придѣлъ во имя св. Архистратига Михаила. Въ Архивѣ Святѣйшаго Синода намъ пришлось видѣть дѣло подѣ № 276 за 1725 годъ объ освященіи при Сампсоновской церкви придѣла во имя Архистратига Михаила для служенія разныхъ литургій по умершимъ. Въ архивѣ же Духовной Консисторіи за 1721 годъ подѣ № 4, въ дѣлѣ о перемѣщеніи С.-Петербургскаго Троицкаго собора іерея Василя Терлецкаго къ Сампсоновской церкви находится опись церковнаго имущества, гдѣ южный придѣлъ названъ «новый придѣлъ», но кромѣ престола и жертвенника въ немъ ничего не показано.

Изъ упомянутой сейчасъ описи имущества Сампсоновской церкви видно, что, спустя 10 лѣтъ послѣ своего основанія, она была уже далеко не бѣдная. Въ главномъ храмѣ престолъ имѣлъ нѣсколько облаченій съ серебряными позументами крестами. На престолѣ находился агтиминсъ, печатанный на бѣломъ атласѣ, росписанный золотомъ и обложенный серебрянымъ позументомъ. На престольное Евангеліе, которыхъ въ описи показано не одно, имѣло на верхней доскѣ серебряныя вызолоченныя изображенія Спасителя и Евангелистовъ, украшенныя половинчатымъ жемчугомъ. На престольный крестъ съ св. мощами, двѣ перемѣны сосудовъ и дарохранильница показаны также серебряныя и вызолоченныя.

Надъ престоломъ, подобно настоящему храму, устроена была сѣнь.

Иконъ въ главномъ алтарѣ было 18, а именно: Спаса Нерукотвореннаго на горнемъ мѣстѣ, Тихвинскія Божія Матери надъ жертвенникомъ, Софіи Премудрости Божіей, Успенія Пресвятыя Богородицы, Антонія Римлянина, Николая Чудотворца, св. Царей Константина и Елены, преп. Сергія и др.; нѣкоторыя изъ этихъ иконъ были украшены серебряными окладами и вѣнцами.

Въ иконостасѣ главнаго храма показано 10 иконъ, нѣкоторыя изъ нихъ также были украшены чеканными серебряными вѣнцами, или жемчутомъ съ изумрудами.

Однѣхъ священническихъ ризъ въ описи показано болѣе тридцати; относительно нѣкоторыхъ изъ нихъ помѣчено, — кѣмъ онѣ пожертвованы.

Паникадилъ показано 4, изъ нихъ одно большое литое мѣдное. Словомъ, церковь тогда имѣла все необходимое въ совершенно достаточномъ количествѣ и могла считаться одною изъ богатыхъ церквей юной столицы.

Описаніе настоящаго храма

Вскорѣ, однако, эта первоначальная деревянная церковь, вѣроятно вслѣдствіе спѣшности и непрочности постройки, приш-ла въ такую ветхость, что явилась необходимость въ замѣнѣ ея новою церковью. Отъ 10-го мая 1728 г. священникъ Сампсо-новской церкви Василій Терлецкій съ братією и приходскими людьми обратился въ Святѣйшій Синодъ съ прошеніемъ слѣдующаго содержанія:

«Церковь Самсона Страннопримца послѣ полученной подѣ Полтавской баталии въ 1710 году для приходу обывателямъ и погребенія отошедшихъ въ вѣчный покой православныхъ христіанъ, при которой имѣется два придѣла, – первый Св. Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, второй Архистратига Михаила и прочихъ безплотныхъ силъ, и со онаго 1710 году при той Сампсоновской церкви христіанскаго народа въ погребеніи многое число и знатныхъ и всякихъ персонъ и приходъ имѣется не малый. А имѣтъ та Сампсоновская церковь съ придѣлы опила и обветшала и впредь къ служенію не надежна. Поэтому просимъ, чтобы повелѣно было вмѣсто оной деревянной создать каменную церковь съ придѣлами и о томъ созиданіи дать изъ Святѣйшаго Синода благословенную грамоту». Изъ Синодальнаго казеннаго приказа на приведенное прошеніе послѣдовала слѣдующая резолюція: «По Его Императарскаго Величества Указу, Святѣйшій Синодъ приказали Вамъ просителемъ вмѣсто оной деревянной церкви съ придѣлами вновь каменную церковь съ придѣлами жъ во имена техъ, которыя назначены въ деревянной церкви, близъ той, – гдѣ прилично, строить и о томъ строеніи изъ Синодальнаго казеннаго приказу дать благословенную грамоту на построеніе, по подобію прочихъ святыхъ церквей, безъ всякаго по своему смышленія. Приложенія, или умаленія и, устроя, убрать Святими иконами и прочимъ церковнымъ благолѣпіемъ подобающему, какъ по отеческимъ преданіямъ и уставамъ церковнымъ содержится обычай. А какъ оная церковь и придѣлы построятся и къ освященію со всѣмъ готовы будутъ, и для освященія, о обѣ освященныхъ антиминсахъ и кому освятить, – бить челомъ вамъ въ Святѣйшемъ Синодѣ»⁹.

⁹ Дѣло Спб. Консисторіи 1740 г., № 2090.

Такимъ образомъ, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода въ 1728 г., нѣсколько южнѣе ветхаго деревяннаго храма, заложенъ былъ новый каменный храмъ съ двумя придѣлами. Онъ сооружался попеченіемъ пригта, купца Лапшина и частныхъ лицъ. Въ 1733 г. придѣлм новаго храма были готовы и освящены: правый, св. Архистратига Михаила, 1733 г., сентябрь 9 дня – членомъ Святѣйшаго Синода Леонидомъ, епископомъ Сарскимъ, а антиминсъ полученъ изъ Св. Синода; и лѣвый, Іоанна Богослова, 26 сентября того же 1733 года – Варсонофіемъ, архимандритомъ Соловецкимъ, а антиминсъ въ этотъ придѣлъ перенесенъ изъ старой деревянной церкви, гдѣ служба должна была прекратиться.

Съ устройствомъ и освященіемъ двухъ придѣловъ старая церковь, еще до окончательнаго устройства главнаго каменнаго храма, въ 1737 г. была разобрана. На мѣстѣ престола разобранной церкви поставлена каменная часовня, и въ ней есть плита, на которой вычеканенъ образъ Пресвятыя Троицы. Часовня эта сохраняется до сихъ дней, она обнесена желѣзною рѣшеткой.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1740 г. священнослужители Сампсоновской церкви съ приходскими людьми доносятъ Святѣйшему Синоду, что новая каменная церковь во имя святаго Сампсона Страннопріимца строеніемъ окончена; престолъ, жертвенникъ и иконостасъ поставлены; святыми иконами и всякимъ церковнымъ благолѣпиемъ украшена; освященный антиминсъ изъ старой разобранной церкви имѣется въ цѣлости, – почему и просятъ Святѣйшій Синодъ разрѣшить освященіе новаго храма.

Святѣйшій Синодъ отъ 14 августа далъ благословеніе учинить освященіе храма члену Синода, преосвященному Варсонофію, епископу Архангелогородскому и Холмогорскому, освящавшему въ 1733 г. придѣль Іоанна Богослова, въ санѣ архимандрита.

Освященіе храма состоялось 19 августа 1740 г., было совершено преосвященнымъ ⁵⁾Варсонофіемъ. Такимъ образомъ, въ нынешнемъ 1890 г. 19 августа исполняется 150 лѣтъ со дня освященія главнаго алтаря во имя святаго Сампсона Страннопримца.

Въ кляировыхъ вѣдомостяхъ Сампсоновской церкви за старинные года, у всѣхъ историковъ Петербурга и въ историко – статистическихъ свѣдѣніяхъ о С.-Петербургской епархіи⁶⁾ днемъ освященія главнаго алтаря Сампсоновской церкви указывается 18 августа; между тѣмъ изъ имѣющагося у насъ подъ руками подлиннаго репорта причта Сампсоновской церкви видно, что освященіе состоялось 19 августа⁶⁾. Приводимъ здѣсь дословно указанный репортъ:

«Въ С.-Петербургское духовное правленіе церкви Святаго Сампсона Страннопримца, что на Выборгской сторонѣ, Священнослужителей съ причетники Репортъ. Ея Императорскаго Величества Указъ изъ предреченнаго С.-Петербургскаго Духовнаго Правленія писанной августа 18 дня подъ № 1019, объ освященіи новопостроенной каменной настоящей церкви Святаго Сампсона Страннопримца, мы нижайшіе того жъ числа получили, и по тому Ея Императорскаго Величества Указу помянутую настоящую церковь и два антимиса Святѣйшаго Правительствующаго Синода Членъ, Преосвященный Варсонофій, Епископъ Архангелогородскій и Холмогорскій, сего

⁵⁾ Том 7, стр. 165.

⁶⁾ Дѣло Дух. Консисторіи 1740 г. № 2090.

Августа 19 дня освятилъ. А при той же церкви два придѣла освящены: первый Св. Архистратига Михаила бывшимъ Святѣйшаго Синода Членомъ, Леонидомъ, Епископомъ Сарскимъ, прошедшаго 1733 года Сентября 9 дня, а антимины взяты из Святѣйшаго Синода, и за оной пошлинными деньгами тогда жъ заплачены; второй – Св. Иоанна Богослова поминаемымъ же Епископомъ Варсонофіемъ, тогда бывшимъ Архимандритомъ Соловецкимъ, помянутаго жъ 1733 года, Сентября 26 дня, а антимины во ономъ придѣлѣ имѣется старый в цѣлости; и тѣ оба придѣла освящены были по словесному прошенію бывшего у той церкви Священника, что нынѣ имѣется въ Соборѣ Исаакія Далматскаго Протопресвитеромъ Василія Терлецкаго, и о томъ С.-Петербургскому Духовному Правленію мы низжайшіе благопочтенно репортуемъ. – Іерей Симеонъ Лукинъ, Іерей Матвей Максимовъ, Діаконъ Іоаннъ Григорьевъ, Дьячекъ Софонія Герасимовъ. Августа 20 дня 1740 года».

Настоящій трехпрестольный храмъ, по наружному своему виду, византийской архитектуры, представляетъ продолговатый четырехугольникъ, съ полукружьемъ на восточной стороне для алтаря и съ открытыми, на сѣверной и южной сторонѣ главнаго храма, наружными галлереями.

На храмъ устроенъ въ 1761 г., усердіемъ попечителя храма, директора Лапшина, деревянный, обшитый желѣзомъ, фальшивый пятиглавый куполъ⁷⁾, а надъ главнымъ алтаремъ небольшая глава.

⁷⁾ Архивъ Св. Синода, дѣло № 80, 1761 года.

Главный входъ въ храмъ устроенъ съ западной стороны, а всѣхъ съ боковыми входныхъ дверей въ храмъ шесть. Надъ главнымъ входомъ находятся двѣ иконы: Господа Вседержителя и Знаменія Божіей Матери, по бокамъ же Сампсона Страннопримца и Іоанна Богослова, послѣднія три писаны на цинкѣ. Снаружи и внутри храмъ отштукатуренъ и окрашенъ, снаружи клеевою, а внутри масляною краскою.

Вблизи храма стоитъ каменная четырехугольная колокольня; она соединяется с храмомъ глухою каменною галлереею. Галерея имѣетъ длины 13 саж. и ширины 1 саж. и 1 арш. Колокольня имѣетъ пять этажей съ каменнымъ шпиремъ и съ желѣзнымъ вызолоченнымъ наверху крестомъ. Окно въ ней: въ первомъ ярусѣ 1, во второмъ – 4, въ третьемъ – 4, въ четвертомъ и пятомъ – по 8 малыхъ. Построена колокольня одновременно съ церковью⁶⁾. По лѣвую сторону колокольни находится каменная часовня, устроенная около 1800 г. С.-Петербургскимъ купцомъ Рыбарѣцкимъ.

Сампсоновской церкви принадлежала и другая деревянная часовня, находящаяся въ Спасской мызѣ (нынешній Лесной); она въ 1864 г. передана въ вѣдѣніе причта Орлово – Новосильцевской церкви.

Внутри храмъ дѣлится каменною стѣною на двѣ половины: восточную и западную. Первая и есть собственно храмъ во имя пр. Сампсона Страннопримца; въ западной же половинѣ по сѣверной и южной сторонамъ устроены придѣлы: на сѣверной сторонѣ – во имя Апостола Іоанна Богослова, а на южной – во имя Архистратига Михаила. Въ серединѣ между ними, между двумя колоннами и подъ аркою, раздѣляющею придѣльные алтари, входъ въ главный храмъ.

⁶⁾ См. Рубанъ, стр. 454.

Храмъ освѣщается 18 окнами. Внутренняя длина всего храма, безъ главнаго алтаря, 17 саж. И 13 вершковъ, ширина въ главномъ храмѣ 6 саж. и 12 вершк., а въ придѣлахъ 10 саж. и 4 вершка.

Главный алтарь, полукруглый съ восточной стороны, имѣеть ширины 3 сажени, а въ длину (отъ царскихъ до восточной стѣны) 4 саж. 7 вершковъ.

Въ настоящее время полъ во всехъ алтаряхъ и на солеяхъ паркетный дубовый, а во всемъ храмѣ, кромѣ ризницы и угольника, сосновый неокрашенный. Первоначально во всемъ храмѣ полъ былъ чугунный, затѣмъ въ 30-хъ годахъ настоящаго столѣтія онъ былъ замѣненъ каменнымъ плитнымъ. Но и этотъ полъ оказался крайне неудобнымъ: даже в лучшія времена года, въ сухую и теплую лѣтнюю погоду, онъ покрывался влагою, отдавая холодомъ и сыростію во всемъ храмѣ, вредно дѣйствовавшими на здоровье молящихся и портившими величественный золоченный иконостасъ. Для устраненія этого неудобства въ послѣднее время и устроены были деревянные полы, а для совершеннаго уничтоженія сырости сдѣланы въ стѣнахъ четыре вентиляціонныхъ канала.

Въ настоящее время весь храмъ теплый и отапливается десятью печами, но до 1852 г. передняя восточная половина храма была холодною. В зимніе мѣсяцы богослуженіе совершалось обыкновенно въ теплыхъ заднихъ придѣлахъ. Помѣщеніе въ нихъ для молящихся было тѣсное. Тогда въ 1852 году рѣшено было и передній главный придѣлъ сдѣлать теплымъ, чрезъ это в храмѣ стало и удобнѣе, и просторнѣе.

Во всехъ трехъ придѣлахъ алтари и соли ограждены желѣзною рѣшеткою. Таковою же рѣшеткою обнесены у западной стѣны мѣста для женщинъ, поднятыя надъ поломъ на одну ступень.

Въ главномъ алтарѣ во имя пр. Сампсона Страннопримца св. престоль сдѣланъ изъ простаго дерева, высотой 1 арш. и 8 вершк., шириною и длиною 2 арш. 4 вершка, съ рѣзными вызолоченными символическими изображеніями четырехъ евангелистовъ на углахъ, а внутри, въ срединѣ – Предвѣчнаго Апста. Въ 1885 году престоль обложенъ бѣлымъ мраморомъ.

Надъ престоломъ устроена на деревянныхъ рѣзныхъ вызолоченныхъ колоннахъ сѣнь. Вверху, внутри сѣни, на полотнѣ написаны изображенія: въ срединѣ – Св. Духа, по четыремъ сторонамъ – моленіе Исуса Христа въ саду Гевсиманскомъ, распятіе, снятіе со креста и положеніе во гробъ.

Жертвенникъ также обложенъ бѣлымъ мраморомъ.

Алтарь украшенъ, кромѣ запрестольнаго креста и образа Знаменія Божіей Матери на горнемъ мѣстѣ, одиннадцатію иконами, помѣщенными въ 7 кіотахъ. Всѣ иконы украшены серебряными ризами и вѣнцами.

Предъалтарный иконостасъ устроенъ въ четыре яруса, украшенъ различными деревянными рѣзными золочеными колоннами, изображеніями херувимовъ и другими украшениями. Онъ производитъ глубокое впечатлѣніе на молящегося и ясно свидѣтельствуетъ о своей старинѣ. Случайные посѣтители нашего храма прежде всего поражаются стариною иконостаса и его величественностію.

Всѣ образа въ иконостасѣ писаны на доскахъ. Иконы перваго нижняго яруса всѣ въ серебряныхъ ризахъ, помѣщены въ деревянныхъ рѣзныхъ вызолоченныхъ рамахъ за стекломъ и расположены въ слѣдующемъ порядкѣ.

На царскихъ вратахъ икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и 4 Евангелиста.

Направо отъ царскихъ вратъ икона Воскресенія Христова, высотой 2 арш. 8 $\frac{1}{4}$ вершк., шириною 1 арш. и 1 верш., имѣеть серебряную, украшенную простыми камнями и вызолоченную ризу, вѣсомъ 20 фунт. и 92 золотника.

Икона св. Иоанна Крестителя, Предтечи Господня, обложена серебряною ризою, вѣсомъ 20 фунтовъ и 20 золотниковъ.

Храмовая икона преп. Саломона Стариннопримца, высотой 2 $\frac{1}{2}$ арш. шириною 16 $\frac{1}{4}$ вершк., имѣеть крутомъ серебряный окладъ и два вѣнца, составленные изъ стазъ, въ серебряной оправѣ, серебра въ окладѣ и вѣнцахъ 22 фунта.

Рядомъ съ нею помѣщается икона св. Пророка Илїи, вѣсу въ серебряной ризѣ 13 фунт. 53 зол.

По лѣвую сторону Царскихъ вратъ находится икона Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, высотой 2 арш. 8 $\frac{1}{4}$ вершк., шириною 1 арш. и 1 верш., украшена серебряною ризою, вѣсомъ въ 22 ф. и 65 золотниковъ.

Икона Покрова Пресвятыя Богородицы украшена серебряною вызолоченною ризою въ 19 фун. 78 золотниковъ.

Икона Святителя Николая Чудотворца украшена серебряною ризою въ 25 фунт. 33 золотн.

Икона Св. Благовѣрнаго князя Александра-Невскаго, украшена серебряною ризою въ 21 ф. 16 золотниковъ.

Кромѣ поименованныхъ иконъ, въ первомъ ярусѣ на сѣверныхъ и южныхъ дверяхъ находятся изображенія Архидіаконовъ Стефана и Лаврентія.

Иконы остальныхъ ярусовъ писаны на доскахъ и украшеній не имѣютъ.

Надъ Царскими вратами помѣщается икона Тайной вечери.

Въ линіи съ этой иконой между первымъ и вторымъ ярусами находятся иконы дванадцати праздниковъ, въ рамкахъ овальной формы.

Во 2-мъ ярусѣ, въ срединѣ находится икона Господа Вседержителя, сидящаго на престолѣ славы; по правую сторону иконы Св. Апостоловъ: Павла, Матѣя, Андрея Первозваннаго, Симона, Іакова; по лѣвую сторону: Петра, Іоанна Богослова, Іакова Алфеова, Ѳомы и Варооломея.

Въ 3-мъ ярусѣ находятся иконы: въ срединѣ Божіей матери и по сторонамъ Пророковъ: Соломона и Аарона, Мельхиседека, Іоны и Іереміи, Давида и Іліи, Захарія и Моисея.

Завершается иконостасъ 4-мъ ярусомъ, гдѣ въ срединѣ помѣщена икона Распятія Христа Спасителя, по правую сторону – икона положенія Иисуса Христа во гробъ, по лѣвую – икона снятія Господа нашего Иисуса Христа со Креста.

За рѣшеткой, отдѣляющей солею отъ храма, противъ клиросовъ главнаго придѣла, находятся краснаго дерева кѣты одинаковой формы, съ помѣщенными въ нихъ иконами, съ правой стороны Скорбящей Божіей матери, а с лѣвой – Казанской Божіей матери.

Обѣ иконы украшены серебряными, съ вызолоченными вѣнцами, ризами. Съ боковъ сѣхъ кіотъ, со входа на солею, помѣщаются очень изящныя и цѣнныя хоругви: онѣ сдѣланы изъ позлащенной бронзы, ажурной гравированной работы, съ накладными частями и кистями и витыми веревками. Въ главномъ же придѣлѣ на углахъ женскихъ мѣсть помѣщаются другія хоругви – тоже очень изящныя, но другого вида, устроенныя по одной сторонѣ изъ золотого шекового море съ серебряною вышивкою, а на другой – изъ золотого полупшелкаго море съ писаннымъ серебромъ рисункомъ.

Въ срединѣ храма, у южной стѣны въ большомъ краснаго дерева кіоте помѣщается образъ Святителя Николая. У сѣверной стѣны въ такомъ же кіоте помѣщается особенно мѣстно чтимая икона Толгской Божіей матери, обращающая на себя вниманіе и по своему древнему письму. Эта икона, $13\frac{1}{2}$ вер. вышины и $13\frac{3}{4}$ ширины, украшена серебряною вызолоченной ризой. Икона вѣлана въ срединѣ другой большихъ размѣровъ иконы, изображающей чудеса, бывшія отъ иконы Толгской Божіей матери. Страждущіе различными недугами особенно часто возносятъ свои молитвы предъ этою Св. иконою.

Кромѣ поименованныхъ иконъ въ главномъ придѣлѣ, всѣ образа и въ остальныхъ двухъ придѣлахъ, за самымъ малымъ исключеніемъ, имѣютъ серебряныя ризы.

Въ храмѣ имѣется пять всякихъ люстръ, изъ нихъ одна большая, мѣдная и посеребренная, съ 54 трубками для свѣчей, виситъ предъ главнымъ алтаремъ.

Капитальный ремонт церкви производился в конце прошлого столетия при Священнике Иоанне Григорьеве, в 30 годах настоящего столетия, потом в 1880 году и наконец последний раз в 1885 году.

К святыням и древностям храма принадлежат.

1) Икона страданий Господа нашего Иисуса Христа и многих святых угодников Божіих, с вѣзанными в нее двумя сребропозлащенными крестами и тремя таковыми же ковчезцами, в коих находится часть ризы Господней и многія частицы Св. мощей. Какъ кресты, такъ и ковчезцы утверждены в иконѣ и расположены в такомъ видѣ: в срединѣ иконы крестъ древяно устроена и обыкновенной напостольной величинѣ, надъ нимъ меньшій его крестъ; внизу и по обѣимъ сторонамъ большаго вреста утверждены серебряные ковчезцы, по одному на каждой сторонѣ. Внизу иконы находится слѣдующая надпись: «в нижнемъ ковчезцѣ хранится часть Ризы Господни, в большомъ крестѣ – части мощей Святителей Моисея, Иоанна и Никиты Новгородскихъ, Преп. Антонія Римлянина, Макарія Египетскаго, Евѣимія Новгородскаго и Анастасія Персіянина, камень отъ стопы Господнихъ съ гора Елеонскія и земля вертепа, идѣже Христось родился. Съ правой стороны креста (мощи) Феодора Тирона, съ лѣвой Евстафѣя Плакиды великомучениковъ; в маломъ крестѣ: Святителей Иоанна Златоуста, Аванасія Александрійскаго и прочихъ святыхъ мощи». Лики сихъ святыхъ изображены на этой же иконѣ. Когда и откуда пріобрѣтена в хоамѣ сія святыня, – неизвѣстно. Очень возможно, что большой крестъ съ мощами есть тотъ самый, который лежалъ на престолѣ старой деревянной церкви и значится в церковной описи за 1721-й годъ. В настоящее время икона эта помѣщена у солеи около праваго клироса в бронзовомъ золоченномъ кіотѣ на рѣзномъ золоченномъ аналогіѣ.

2) Икона Успенія Божіей матери въ серебряной ризѣ, въ ней вложены въ серебряномъ же ковчезѣ частицы мощей Св. Отецѣ, избіенныхъ въ обители Св. Саввы.

3) Икона Толгской Божіей матери, о которой было сказано.

4) Икона Пресвятыя Троицы, написанная на каменной плитѣ, находится въ маленькой часовнѣ, на мѣстѣ бывшаго деревяннаго храма.

Древностію замѣчательны слѣдующіе предметы:

1) Фелонь изъ золотой парчи (въ настоящее время сохранилось только оплечье, а низъ замѣненъ новой парчей) съ оплечьемъ изъ зеленого бархата, на которомъ вышита икона Успенія Божіей Матери и лики святыхъ. Внизу оплечья жемчугомъ вышита надпись: «сіи ризы въ церковь преп. Сампсона Страннопримца въ С.-Петербургѣ дала вкладу Серпуховитинка Акилина Кишкина 1760 году».

2) Серебряный вызолоченный потиръ, покрытый снаружи серебряной сѣткой; его пожертвовалъ Оберъ-Секретарь Докудовскій, въ память жены его, умершей въ 1726 году.

3) Дарохранильница серебряная вызолоченная, вѣсомъ въ одинъ пудъ 9 фунтовъ, сдѣланная на подобіе сѣни, подъ которой ковчезъ, въ видѣ гроба, для храненія Св. Даровъ. На дарохранильницѣ надпись: «1763 году, Декабря 1 дня, въ церковь Св. Сампсона старнопримца, сдѣлана сія дароносица тцаніемъ Директора Михаила Грязновскаго-Лапшина».

4) Евангеліе малое старинное, Кіевскаго изданія (1703 года). Въ началѣ его помѣщены символическіе стихи въ честь Царевича Алексѣя Петровича – въ родѣ посвященія ему: На знаменіе – Царскія породы пресвѣтлаго и благовѣрнаго Государя Царевича и великаго Князя Алексѣя Петровича.

«Предварилъ еси его благословеніемъ благостнымъ
 Царя храбра Петра сынъ Алексѣй любимый
 Въ своемъ младомъ возрастѣ Богомъ его хранимый,
 Самъ Богъ Отецъ и Богъ сынъ его предваряетъ
 И Дух святой въ сердцу орла его обитая,
 Учитъ: да будетъ сердцемъ горъ возлетая;
 Петръ святой и Алексѣй орлу пособствуютъ
 Горъ летати, и се явъ извѣствуютъ.
 Орелъ великій самъ Петръ въ любовь къ Богу званный,
 Въ любовь ему и птенецъ Алексѣй избранный,
 Любве крылами орла паряще здѣ зряще,
 Пищцы благовѣстей; намъ пишутъ се гласяще:
 Покрываетъ гнѣздо свое, въ своей крѣпкой силѣ,
 Собравши любовію вѣрныя подѣ крилъ:
 Подѣ кровомъ симъ орлимъ да цѣло обитаеть
 Обитель Печерская, мольба то желаетъ
 Отъ заступникъ Печерскихъ Богу приносима.
 За храма богородична съ стражи ихъ хранима».

5) По древности замѣчательны еще пять Евангелій: два изъ нихъ напечатаны въ 1703 году, одно въ 1748, одно 1789 и одно въ 1798 году. Всѣ они, въ обыкновенный листъ бумаги, обложены серебряномъ, или бархатомъ съ обыкновенными серебряными украшеніями на углахъ и въ срединѣ.

6) Изъ церковной библіотеки по древности замѣчательны слѣдующія книги: Минея мѣсячная въ кожаномъ переплетѣ (12 книг), изданіе 1754 г. Минея общая въ 1/8 долю листа, печатана въ Москвѣ въ 1751 году. Трїодъ постная и цвѣтная въ листъ, въ кожаномъ переплетѣ, изд. 1790 году. Кормчая печатана въ Москвѣ въ 1727 году. Поученія на Св. Четырдесятницу Илиіи Мнигїя, изд. 1768 г. Книга истинное благочестіе христіанское 1768 г.

7) Колоколъ въ 400 пудовъ. На немъ изображены Пр. Сампсонъ Страннопрїимецъ, Св. Архистратигъ Михаилъ и надпись: «Лета 1763; – іюня 1-го дня въ С.-Петербургѣ, къ церкви Преподобнаго Сампсона Страннопрїимца, что на Выборгской сторонѣ, вкладъ директора Михаила Грязновскаго – Лапшина, вѣсу 400 пудовъ; литъ сей колоколъ въ Москвѣ, колокольныхъ работъ содѣлателя Димитрія Пиратова. Всехъ колоколовъ 14 и звонъ вообще благозвученъ».

8) Изображеніе, блаженныя памяти Государя Императора Петра I-го, находящееся на западной стѣнѣ, над входомъ въ главный храмъ. Императоръ представленъ стоящимъ въ лагерной палаткѣ, съ открытою головою, въ рыцарскомъ одѣяніи и порфирѣ; лѣвая рука его приложена къ груди, а правая опущена. Подлѣ Императора столъ, на которомъ на подушкѣ лежатъ корона, скипетръ и держава. По сторонамъ: шлемъ, кирасы, знамена, барабанъ, пушка и пирамида ядеръ. О времени написанія этого изображенія предположить можно, что оно сдѣлано въ царствованіе Императрицы Екатерины II-й, или въ ближайшіе послѣ сего годы.

9) Надпись о построении храма, сделанная на железной доске, буквами из листового золота и находящаяся над главным входом в церковь. На вершине доски – крест, с словами вокруг: «симъ побѣдиши». Подъ крестомъ написано: «Святый храмъ сей построенъ повелѣниемъ благочестивѣйшаго Государя Императора Петра Великаго, въ воспоминаніе побѣды надъ шведскими войсками подъ Полтавою, лѣта 1709, Іюня 27-го дня».

Богослуженіе въ Сампсоновской церкви отправляется, со времени назначенія къ ней съ 1863 г. втораго священника, каждодневно.

Съ 1881-го года для религіозно-нравственнаго просвѣщенія прихожанъ помимо собственно-церковной проповѣди, мѣстнымъ причтомъ и при участіи постороннихъ священниковъ, по воскреснымъ днямъ ведутся духовныя бесѣды. Въ 1885 году для достиженія той же цѣли, устроена при церкви церковно-приходская бібліотека, которую бесплатно пользуются по преимуществу бѣдные прихожане. Нерѣдки впрочемъ случаи, что берутъ книги для чтенія и лица сосѣднихъ приходовъ.

Къ настоящему году, при содѣйствіи добрыхъ людей, образовался при церкви свой народный хоръ, который и поетъ теперь раннія Литургіи по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ.

Зданія принадлежація церкви

Сампсоновская церковь, церковныя зданія и принадлежащая къ ней земля, въ количествѣ 10733 квадрат. Сажень, обнесены крутомъ каменною оградой. Несомнѣнно, что эта ограда устроена въ давнія времена, такъ, напримѣръ, она значится на планѣ 1815 года, но показыва-еть-ли она границы прежняго кладбища, на это отвѣчать не беремся.

Ограда имѣетъ въ вышину 1 сажень и 1 арш., толщина ея около аршина. Первоначально она была покрыта каменной плитой, которая отъ времени во многихъ мѣстахъ свалилась и потомъ была замѣнена желѣзною крышею. По линіи Большаго Сампсоновскаго проспекта старой каменной ограды сохранилось самое малое пространство, между новымъ причтовымъ домомъ и часовнею. Но остальномъ протяженіи проспекта она замѣнена частію вновь выстроенными по линіи ограды домами церкви и мѣстнаго благотворительнаго общества, а на остальномъ протяженіи поставлена новая желѣзная рѣшетка, на цокольномъ фундаментѣ, окончательно устроенная въ настоящемъ 1890 году на средства Дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника Михаила Георгіевича Петрова.

Около 6 тысячъ квадрат. Сажений дерновой земли съ 30-хъ годовъ настоящаго столѣтія отдается въ арендное содержаніе подъ огородъ, приносящій нимъ 700 рублей въ годъ, а остальное пространство находится подъ оградой, четырьмя церковными домами со службами къ нимъ и подъ домомъ благотворительнаго общества.

Первоначально въ Петербургѣ, при постройкѣ церквей, не отводилось особеннаго мѣста для церковныхъ службъ и для домовъ священнослужителей; такъ было и при Сампсоновской церкви. Вслѣдствіе этого для церквей нерѣдко являлись многія затрудненія, приходилось отдѣльнымъ причтамъ каждому за себя хлопотать о надѣлѣ землею ихъ церкви, такъ напр., въ 1722 году, Священникъ Сампсоновской церкви Василій Терлецкій ходатайствуетъ передъ Синодомъ объ отводѣ при церкви земли для священно-служительскихъ домовъ. Просьба была удовлетворена, а вскорѣ вышло и Правительственное узаконеніе, коимъ повелѣвалось для каждой церкви отводить землю въ собственность ея. На этой землѣ священно-церковнослужители могли строить для себя дома съ правомъ для церкви, въ случаѣ выбытія изъ состава причта владѣльца недвижимости, пріобрѣтать ее въ свою собственность.

Первыя свѣдѣнія о церковныхъ священнослужительскихъ домахъ при Сампсоновской церкви относятся къ прошлому столѣтію⁹⁾.

Во второй половинѣ прошлаго столѣтія усердіемъ Попечителя и Директора Михаила Грязновскаго-Лапшина былъ выстроенъ по линіи Сампсоновскаго проспекта каменный одноэтажный домъ для причта, длиною 28 сажень и глубиною около 8 сажень, съ деревянными при немъ службами. Домъ этотъ до послѣдняго времени и занимался причтомъ; до 1863 года, когда составъ его былъ одноклирный, нѣкоторая часть дома отдавалась въ наемъ; съ утвержденіемъ же

⁹⁾ Дѣло Дух. Консист. № 15973 за 1793 г.

двухклирного состава въ причтѣ, помещенія въ домѣ для всѣхъ оказалось недостаточно, квартиры въ немъ были крайне тѣсны, сыры и неудобны. Съ 1884 года, этотъ домъ отдается въ аренду и приноситъ церкви въ настоящее время чистаго дохода ежегодно 1 500 руб.

Въ 1883 году по линіи же Сампсоновскаго проспекта отстроены и освящены новый каменный трехэтажный домъ, длиною 11 сажень, глубиною 7 саж. 2 аршина. Въ немъ въ настоящее время и помещается причтъ, пользуясь прекрасными и удобными во всѣхъ отношеніяхъ квартирами. Честь постройки этого дома принадлежитъ всецѣло высокоуважаемому Ктитору Храма, Потомственному Почетному Гражданину Николаю Дмитріевичу Егорову.

Ко дню 150-лѣтняго юбилея, со времени освященія главнаго придела Сампсоновской церкви, завершится и еще одно благое дѣло, именно: окончится постройка каменнаго трехэтажнаго дома на церковной землѣ, на углу Большаго Сампсоновскаго проспекта и Нейшлотскаго переулка. Домъ этотъ строится съ благотворительной чисто цѣлю, для помещенія въ немъ заштатныхъ сиротъ и вдовъ изъ причта Сампсоновской церкви. Починъ этому, по истинѣ благому, дѣлу положили своимъ щедрымъ пожертвованіемъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Михаилъ Георгіевичъ Петровъ, Староста церкви Николай Дмитріевичъ Егоровъ, мѣстное благотворительное Общество и другіе добрые люди. Домъ строится по проекту Архитектора Александра Васильевича Иванова, который безвозмездно принялъ на себя весь трудъ при постройкѣ дома.

Вѣчная признательность и постоянное молитвенное поминовение означенныхъ добрыхъ людей, какъ отъ настоящаго, такъ и будущаго Сампсоновскаго причта, вотъ единственное выраженіе заслуженной благодарности, какое они должны имѣть и имѣютъ къ своимъ благодѣтелямъ.

Кромѣ означенныхъ домовъ, Сампсоновской церкви принадлежать еще два дома. Одинъ изъ нихъ небольшой, каменный примыкаетъ къ колокольнѣ съ южной стороны; въ немъ живутъ церковные сторожа. Другой, деревянный, построенный въ 1889 г., вмѣсто стараго обветшавшаго на церковномъ огородѣ, – для арендатора послѣдняго.

Кладбища Сампсоновской церкви

Съ основанія Петербурга до 1710 года умершихъ, по обычаю того времени, хоронили при приходскихъ церквахъ, и непременно, въ знаменіе покровительства Бога и св. церкви къ нимъ, въ оградѣ церковной. Но рабочіе люди, жившіе на Охтѣ, которые занимались стройкою города, погребали тамъ же, близъ селеній умершихъ своихъ товарищей. Смертность была въ тотъ періодъ, по недобротѣ климата, по отсутствію всякихъ удобствъ жизни, по усиленной работѣ, по недостатку врачебныхъ пособій, такъ велика, что при церквахъ для похоронъ не достало бы мѣста. Послѣ освященія Сампсоновской церкви, Петръ Великій указалъ, чтобы умершихъ погребали при этой церкви. Св. Самсонъ былъ страннопріимецъ, а на эту Петербургскую землю пришли и на ней жили все, такъ сказать, странники, люди другихъ странъ. Это соображеніе, какъ гласить

преданіе, навело Государя на мысль назначить кладбище у св. Сампсона: «Пусть де странники и пришельцы покоются подъ сѣнью Страннопримца». Христіанъ иновѣрныхъ исповѣданій, съ основанія Петербурга, погребали отдѣльно отъ православныхъ, на нынѣшнемъ Аптекарскомъ островѣ. Но по множеству въ то время въ Петербургѣ воровъ и разбойниковъ, которымъ благопріятствовали окружавшіе городъ лѣса, тѣла на Аптекарскомъ островѣ часто находили вырытыми и ограбленными. Для предотвращенія такого злодѣянія, до 1710 года существовало разрѣшеніе иновѣрцевъ предавать землѣ при домахъ, гдѣ они умирали. Послѣ же построенія Сампсоновской церкви съ православнымъ кладбищемъ, и для иновѣрцевъ отведено тамъ, около госпиталей, особое подъ кладбище мѣсто. Такимъ образомъ, всѣ жители Петербурга должны были, съ 1711 года, погребать своихъ покойниковъ на Сампсоновскомъ кладбищѣ. Но и далеко, и черезъ Неву – не удобно, а по временамъ даже не возможно было доставлять покойниковъ съ Московской стороны къ погребенію на Сампсоновское кладбище. Сообразивъ эти обстоятельства, Петръ Великій въ 1719 году предписалъ Феодосію Архимандриту Невского монастыря устроить кладбище при церкви Іоанна Предтечи, въ Ямской слободѣ, и тамъ погребать тѣла усопшихъ всякаго чина людей, не требуя за мѣста никакой платы. Феодосій въ предписаніи причту Сампсоновской церкви, поясняя указъ Государя, внушилъ, чтобы «за мѣста для погребенія никакихъ платъ, не только съ бѣдныхъ, но и могущихъ, не взыскивали, развѣ кто съ волеяго своего произволенія, самъ отъ себя, на церковное строеніе что дастъ, и то

записывать въ книги, въ приходъ и расходъ имянно, и въ погребеніи задержанія никакого не чинить». Какъ единственный памятникъ исполненія приказа – не брать денегъ за мѣста погребенія, а пожертвованія записывать, сохранилась въ церковномъ архивѣ, «книга записная приходу церкви св. Сампсона деньгамъ всякимъ и вещамъ. Началась 26 іюня 1725 года въ должности тоя церкви старосты Никифора Григорьева, сына Плотникова». Запись въ этой книгѣ доведена до 1749 года. Въ мѣсяць получалось 9 или 10 руб., вмѣстѣ съ вырученными отъ продажи свѣчъ.

Приведенное выше распоряженіе хоронить умершіихъ только на двухъ кладбищахъ у церкви св. Сампсона на Выборгской сторонѣ и въ Ямской – у церкви св. Іоанна Предтечи, во всей строгости однако не исполнялось ни ранѣе 1730 г., ни послѣ сего времени. Между тѣмъ, Святейшій Синодъ хотѣлъ устроить постоянныя кладбища, чтобы не хоронить усопшихъ повсюду, гдѣ кому взбумается.

26 октября 1732 года, Святейшій Синодъ представилъ Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ особый докладъ о погребальныхъ мѣстахъ въ С.-Петербургѣ, и Государыня утвердила его. По опубликованному распоряженію, на основаніи этого доклада, при Сампсоновской церкви предписывалось хоронить только людей своего прихода. Такимъ образомъ, изъ общаго Сампсоновское кладбище становилось частнымъ, только для прихожанъ.

Однакожь, распоряженіе это не было окончательнымъ и почему-то весьма часто подвергалось измѣненіямъ. Такъ, чрезъ 9 мѣсяцевъ, а именно: 19 января 1734 года Святейшій Синодъ опять разрѣшилъ хоронить всѣхъ на Сампсоновскомъ кладбище, что и подтвердилъ Указомъ 23 октября 1738 года.

В царствованіе Императрицы Елизаветы Петровны Сампсоновское кладбище существовало, и на немъ погребали умершихъ. Изъ сохранившихся надписей надъ нѣкоторыми плитами, находящимися въ оградѣ церковной, видно, что позднѣйшія изъ нихъ были положены въ 1773 году.

Въ 1798 году священникъ Сампсоновской церкви Іоаннъ Григорьевъ входитъ съ прошеніемъ на имя Высокопреосвященнѣйшаго С.-Петербургскаго Митрополита Гавріила¹⁰, въ коемъ, указывая на крайнюю обветшалость церкви и совершенный недостатокъ средствъ къ обновленію вслѣдствіе закрытія при ней кладбища, просилъ или открыть при церкви кладбище, или же избрать другое средство къ поддержанію ея. Такимъ образомъ, къ концу прошлаго столѣтія кладбище при Сампсоновской церкви было закрыто. Что послужило причиною къ закрытію 1-го и стариннѣйшаго кладбища, съ достовѣрностію опредѣлить не беремъ. Предполагаемъ, что къ концу 18-го столѣтія окрестныя кладбищу мѣста застроились обывательскими зданіями, поселилось въ этомъ краю довольно народу, это-то вѣроятно и послужило къ закрытію при церкви кладбища.

Кромѣ кладбища въ оградѣ Сампсоновской церкви принадлежало другое кладбище, съ церковію во имя св. Апостола Іоанна Богослова. Въ архивѣ духовной консисторіи за 1761 годъ, за № 4835, есть дѣло о приготовленіи къ освященію церкви, что на Выборгской сторонѣ, и о бытіи священнику Алексѣю Антонову, доколѣ не освящена будетъ та церковь, при Сампсоновской церкви. Кладбище находилось въ полуторахъ верстахъ къ востоку отъ церкви. Земля подъ оное кладбище была потомъ вымежевана, 21 августа 1774 года, изъ дачи Тайнаго

¹⁰ Дѣло Духовной Консисторіи № 284, за 1798 г.

Свѣтника Теплова, въ количествѣ 3 десятины 2.304 квадрат. саживый. Но была-ли когда освящена Иоанно-Богословская церковь, за неизвѣннѣмъ достаточныхъ свѣдѣній, сказать трудно. Уже въ 1779 году изъ конторы Государственной коллегіи экономіи въ С.-Петербургскую духовную консисторію поступилъ указъ, коимъ предписывалось причту Сампсоновской церкви передать смотрителю Смоленской кладбищенской церкви нѣкоторыя церковныя вещи, какъ-то: требникъ большой московской печати, канонникъ, часословъ, 2 кадила, чайникъ мѣдннй и щипцы желѣзные, хранившіеся въ Сампсоновской церкви изъ упраздненной Иоанно-Богословской церкви¹¹⁾.

Въ 1788 году, въ ноябрь мѣсяцъ получено было Духовною Консисторіей изъ С.-Петербургскаго Губернскаго Правленія сообщеніе, что на Выборгской сторонѣ, въ дачѣ графа Александра Андреевича Безбородко, въ мелкомъ лѣсу стоитъ безъ всякаго присмотра пустая ветхая, не имѣющая ни иконостаса, ни образовъ Иоанно-Богословская церковь, – она служить пристанищемъ для бѣглыхъ людей; поэтому Губернское Правленіе проситъ объ уничтоженіи названной церкви.

По наведеніи должныхъ справокъ, Духовная Консисторія, по приказанію митрополита Гавріила, сдѣлала слѣдующее распоряженіе. Упраздненную Иоанно-Богословскую церковь, или вѣрнѣе, деревянныя стѣны ея отдала въ вѣдѣніе Сергіевскаго всей Артиллеріи Собора, кладбище же, бывшее при этой церкви, она признала нужнымъ какъ для жителей Выборгской стороны, такъ и для сухопутнаго и морскаго госпиталей. Но въ виду отдаленности этого кладбища, крайнихъ неудобствъ въ сообщеніи въ осеннее и весеннее время,

¹¹⁾ Дѣло духовной консисторіи № 2612, за 1780 г., ср. Указъ духовной консисторіи 1832 г., № 3184.

а также по влажности грунта, не позволявшего копать глубоко могилам, Консисторія просила Губернское Правленіе, вмѣсто названнаго кладбища, отмежевать изъ казенной земли другое мѣсто для кладбища, болѣе близкое къ Сампсоновской церкви и обнести такое заборомъ¹²⁾.

По упраздненіи Богословской церкви, кладбище включено было въ общую дачу Англійской фермы, за которою и числилось до 1810 года. Въ этомъ году Казенная Палата продала его съ аукціона мѣщанину Матѣевскому и купцу Шошкину. Въ 1841 году, по опредѣленію Правительствующаго Сената, земля эта окончательно утверждена была за владѣльцами, купившими ее отъ казны, а вмѣсто утраченнаго такимъ образомъ для города кладбища, въ томъ же году на счетъ городскихъ доходовъ прибрѣтена покупкою полъ новое кладбище для обывателей Выборгской стороны другая земля, близъ бывшаго Богословскаго кладбища, изъ дачи купчихи Мейеръ. Въ 1842 году, эта земля поступила въ вѣдѣніе Сампсоновской церкви и состояла за нею до 1852 года, а потомъ отчислена къ Спасобочаринской церкви.

Въ 1831 году, на время холерной эпидеміи открыто было на Выборгской сторонѣ холерное кладбище, которое находилось тогда въ вѣдѣніи Сампсоновской церкви. По окончаніи эпидеміи, это кладбище закрыто и находится въ вѣдѣніи Городскаго Управленія. Ни церкви, ни часовни на немъ не существуетъ и не было.

¹²⁾ Дѣло духовной консисторіи № 3444, 1788 г.

Изъ числа могилъ, сохранившихся до настоящаго времени при Сампсоновской церкви, обращаютъ на себя вниманіе могиламъ слѣдующихъ лицъ: Такъ, внутри храма погребены: Секретарь Тайной Канцеляріи Иванъ Ѳедоровичъ Набоковъ (+1753 г.), арміи Секундъ-Маіоръ Иванъ Николаевичъ Набоковъ (+1760 г.), Генераль-Аншефъ и дѣйствительный Камергеръ Василій Ермолаевичъ Скворцовъ (+1769 г.). Вънѣ храма, на южной сторонѣ главнаго алтаря, погребены: Протопресвитеръ Троицкаго Собора Іоаннъ Симеоновъ (+1740 г.), Петербургскій купецъ Михаилъ Яковлевъ Грязновскій-Лапшинъ (+1769 г.), бывшій, какъ гласитъ могильная надпись, усерднѣйшимъ попечителемъ и директоромъ храма; на сѣверной сторонѣ храма погребенъ: Прокуроръ Государственной Губернской Коллегіи Ѳедоръ Васильевичъ Безобразовъ (+1773 г.); на южной – бывшій Кабинетъ-Министръ Артемій Петровичъ Волинскій (+1740 г. 27 Іюня) и с нимъ Хрущовъ и Еропкинъ – жертвы злобы Бирона.

Первый памятникъ на общей могилѣ этихъ трехъ страдальцевъ русской земли былъ сооруженъ вскорѣ по вступленіи на престолъ Императрицы Елизаветы Петровны дѣтми казненнаго А.П. Волинскаго, когда они были возвращены изъ ссылки, на другой же годъ послѣ его казни, признанной съ высоты Монаршаго Престола несправедливою. Памятникъ этотъ состоялъ изъ каменной плиты въ 1 ¼ аршина длины и около ¾ аршина ширины, размѣръ далеко не соответствовавшій пространству трехъ могилъ. На этой плитѣ выбита слѣдующая надпись:

Во имя въ триѣ лицахъ Единого Бога
здѣ лежитъ Артемеі Петровичъ Вольтской.
Которой жизни своея имѣлъ 51 годъ
преставился июня 27 дня 1740 году
Туже погребены Андрей Ѳеодоровичъ Хрущевъ
и Петръ Еропкинь

Существовала ли тогда общая могила въ большемъ размѣрѣ, или она ограничивалась размѣрами надгробной плиты – неизвѣстно. Въ царствованіе Екатерины II, которая торжественно провозгласила въ особой запискѣ о невинности казеннаго Кабинетъ-Министра и которая оказывала особое вниманіе его дѣтямъ, было сдѣлано обновленіе общей могилы, состоявшее въ томъ, что на плитѣ былъ установленъ цоколь изъ желтаго плитняка съ желобчатой над ней колонкой изъ сѣраго гранита, на которой была укрѣплена урна изъ бѣлаго мрамора; на этой урнѣ была вырѣзана мелкими буквами, въ двѣ строки такая же надпись, каковая выбита на плитѣ. Этотъ памятникъ въ полуразрушенномъ отъ времени видѣ оставался на могилѣ до 1885 года.

По мысли глубокоуважаемаго Редактора Русской Старины, Тайнаго Совѣтника Михаила Ивановича Семевского, подъ его личнымъ руководствомъ и при содѣйствіи добрыхъ людей въ 1885 г. было приступлено къ устройству новаго памятника, по составленному Профессоромъ М.А. Щуруповымъ проекту.

При производствѣ земляныхъ работъ для фундамента, былъ обнаруженъ въ могилѣ одинъ гробъ изъ дубоваго дерева, въ видѣ большаго ящика, и рядомъ съ нимъ доски отъ другихъ гробовъ. Въ большомъ гробѣ найдено много костей и одна задняя часть черепа, съ плотно прилипшей къ ней рогожей. Въ черепѣ, какъ ни странно это встретить, спустя около 150 лѣтъ послѣ погребенія, – оказался высохшій мозгъ, сохранившійся во всей своей формѣ. Кромѣ того, въ могилѣ найденъ каблукъ отъ сапога и желѣзная скобка.

Памятникъ представляетъ пирамидальный темно-бронзовый монолитъ, вышиною въ 5 аршинъ, установленъ на гранитномъ пьедесталѣ, окруженномъ массивною, выкованною изъ желѣза, рѣшеткою. Верхняя часть монолита, съ полукруглымъ фронтономъ, заканчивается по бокамъ валютами, обращенными вверхъ; средняя же часть фронтона совмѣщаетъ въ себѣ рельефный гербъ А.П. Волынскаго; такъ какъ гербъ состоитъ изъ одного лишь креста, который, какъ бы по предопредѣленію судьбы, знаменуетъ тяжелый крестъ, посланный на долю Волынскаго, то составитель проекта призывалъ соотвѣственнымъ поместить этотъ гербъ въ верхней части памятника, замѣнивъ имъ обыкновенный надгробный крестъ.

Средняя часть монолита, съ лицевой его стороны, отведена подъ барельефъ, на которомъ изображены: фигура, представляющая богино исторіи, указывающую правою рукою на удаляющагося змія, какъ аллегорію зла, а въ левой рукѣ вѣнокъ и бумажный свитокъ, на свиткѣ начертано слѣдующее: (Слова Императрицы Екатерины II 1765 г.)

«И пусть падеть! Но будетъ живъ
«Въ сердцахъ и памяти народной
«И онъ, и пламенный порывъ...

«Сыны отечества! Въ слезахъ
«Ко храму древнему Сампсона!
«Тамъ за оградой, при вратахъ,
«Почтеть прахъ врага Бирона...

(Дума «Волынской», К. Ө. Р. 1822 г.)

Въ правой сторонѣ барельефа изображенъ на колоннѣ горящій свѣтильникъ, какъ олицетвореніе правды, а колонна обвита оливковою вѣтвью въ знакъ примиренія съ прошлымъ. – Между колонной и удаляющимся зміемъ начертано: «27 Іюня 1740 года».

Къ нижней части монолита, съ лицевой стороны, примыкаетъ саркофагъ, ниже котораго, съ обѣихъ сторонъ, выступаютъ меньшіе два саркофага. Эта часть памятника указываетъ, что онъ поставленъ на трехъ могилахъ. Подъ среднимъ саркофагомъ находится надпись:

Артемій Петровичъ Волынской.

Род. 1689 г. † 27 Іюня 1740 г.

Боковыя стороны монолита украшены потухающими факелами, обращенными опнемъ внизъ.

При постановкѣ монолита, во внутрь могилы подъ каменный сводъ помѣщена колонка, составляющая главную часть прежняго памятника; старая же плита съ надписью положена во внутрь бронзоваго монумента.

Перечисленные нами могилы, не считая других весьма немногих (числомъ до 35), – это почти единственные остатки, сохранившіеся до нашего времени отъ большаго столичнаго кладбища, существовавшаго болѣе полувѣка.

Не сохранилось также и въ церковномъ архивѣ метрическихъ записей отъ времени существованія кладбища.

Причтъ церкви

Причтъ Сампсоновской церкви, когда было здѣсь кладбище, состоялъ изъ двухъ и трехъ священниковъ (къ нимъ, кромѣ того, иногда прикомандировывались и другіе; такъ, въ 1722 г., прикомандированы были къ тремъ штатнымъ священникамъ, еще двое – Суздальскій протопопъ Герасимъ Володиміровъ, а потомъ свящ. Герасимъ Васильевъ), діакона и трехъ или четырехъ причетниковъ. Къ концу 18-го столѣтія, когда кладбище было упразднено, здѣсь остались: священникъ, дьячекъ и пономарь. Въ 1828 г. здѣшній дьячекъ, Іоаннъ Михайловъ Ярославскій, былъ посвященъ во діакона съ обязательствомъ исполнять и дьяческую должность и пользоваться дьяческой долею дохода. Въ 1863 г. по нуждамъ прихода определенъ сюда второй священникъ, причемъ и діаконъ сдѣланъ штатнымъ. Съ 1863 года до нынѣ причтъ составляютъ: два священника, діаконъ и 2 псаломщика. О первыхъ членахъ причта извѣстно слѣдующее.

Въ 1713 году къ священнику Сампсоновской церкви Дмитрію Андрееву прибылъ зять его, Ѳеоктистъ Гавриловъ, дьячекъ Казанской Сущевской, въ Москвѣ, церкви. Ѳеоктиста Гаврилова въ 1712 г. московскій духовный приказъ назначилъ, въ числѣ 50 человекъ, по указу царя, къ отсылкѣ въ Петербургъ для определенія въ плотники къ адмиралтейству. Гавриловъ какими-то происками умѣлъ уклониться отъ этого назначенія, а въ 1713 г. прибылъ свободно въ Петербургъ къ тестю своему. По хлопотамъ тестя и по прошенію прихожанъ, въ Петербургѣ его произвели во діакона къ Сампсоновской церкви. Въ новомъ санѣ Ѳеоктистъ Гавриловъ приобрѣлъ незавидную извѣстность своими «непотребствами» и въ 1721 году съ него взята была въ Тууской конторѣ подписка, чтобы впредь ему, діакону Гаврилову, «не крамольничать, а жить благочинно, и ни съ кѣмъ не ссориться, и ничего не проискивать». Ибо прихожане свидѣтельствовали о Гавриловѣ, что онъ «не малый крамольникъ», живетъ не смирно, и ни съ которымъ священникомъ не имѣетъ согласія, и ни малаго предъ ними, священниками, не имѣетъ послушанія, и въ церкви Божіей съ ними, священниками, чинить брань. (Опис. Док. Св. Сн., т. 1, стр. 626 -627). Такъ, между прочимъ, діаконъ Гавриловъ донесъ Синоду, что ассесоръ Синода, протоіерей Пѣтропавловскаго собора Петръ Григорьевъ, въ бытность его священникомъ Сампсоновской церкви, не записывалъ въ приходо – расходныя книги прихода и расхода ризамъ, утвари, жертвованнымъ деньгамъ и пр. Ассесоръ отвѣчалъ, что были у него книги съ описью ризницы, за скрѣпою его предшественника Максима Ѳедорова въ которой «иное и при немъ, Петрѣ, записано есть, и которая хранится у Сампсоновскаго старосты Негодяева». Духовникъ этого Григорьева,

причтъ, староста и 25 человекъ почетныхъ прихожанъ Сампсоновской церкви дали ему заручныя одобрительныя свидѣтельства о его безкорыстїи, заботливости о церкви и неукоризненномъ поведенїи. Самъ доносчикъ на страстной недѣль прислалъ ему повинное письмо, и въ тотъ же деньполучилъ слѣдующій отвѣтъ отъ протопопа Григорьева: «хотя онъ, протопопъ, по совѣсти, считаетъ себя претерпѣвшимъ отъ Феоктиста неправо, и желанїе имѣлъ искать на него отъ Св. Синода; но ради страстей Господа Иисуса Христа, во всемъ, съ своей стороны, прощаетъ и испцомъ не будетъ». Возобновленная опять діакономъ жалоба привела ассесора къ полному оправданїю отъ безчестїа, а діакономъ лишень былъ сана, который послѣ опять былъ возвращень ему, по ходатайству коллегии адмиралтейства. Такимъ образомъ, первыми священнослужителями Сампсоновской церкви были іереи Димитрій Андреевъ, Максимъ Федоровъ и Петръ Григорьевъ. Въ реестръ священниковъ, служавшихъ въ С.-Петербургѣ въ 1723 г., по вѣдомости Тиунской конторы, при Сампсоновской церкви показаны три священника: Димитрій Андреевъ, Василій Павловъ и Василій Аванасьевъ. (Опис. док. Св. Синода, том III, Прилож. XXXII). Въ дальнѣйшей же исторїи Сампсоновской церкви, особенно къ концу прошлаго столѣтїа, совершенно невозможно строго уазать на время служенїа при Сампсоновской церкви того или другаго священника. Достаточно сказать, что въ нѣкоторые годы, отъ 1780 по 1797 годъ, когда при Сампсоновской церкви былъ одинъ уже священникъ, въ метрическихъ книгахъ за одинъ мѣсяць пишется одинъ священникъ, за другїе – другой. Частой ли смѣной священниковъ, или другими причинами, напр. болѣзнію, нужно объяснить это, – опредѣленно отвѣчать, не погрѣшая, не беремъя.

За 1721 г. (№ 108) въ архивъ духовной консисторіи имѣется дѣло объ обруганіи діакономъ Сампсоновской церкви Ѳеоктистомъ Гавриловымъ священника той же церкви Василія Аванасьева, а другое дѣло (№ 16) за тотъ же годъ – ходатайство объ опредѣленіи во дьячки Егора Васильева, – подписанное тремя священниками: Василіемъ Аванасьевымъ, Василіемъ Павловымъ (вѣроятно Терлецкимъ) и Димитріемъ Андреевымъ, который потомъ въ 1725 году назначенъ былъ во флотъ. Такимъ образомъ, къ 1721 году при Сампсоновской церкви причтъ состоялъ изъ трехъ священниковъ, изъ нихъ Василій Павловичъ Терлецкій назначенъ былъ старшимъ. (Дѣло дух. конс. № 4 за 1721 г.).

Объ Терлецкомъ извѣстно слѣдующее. Онъ въ 1719 г. былъ переведенъ изъ Москвы, отъ церкви Ильи пророка, что на Воронцовомъ полѣ, въ Троицкій соборъ, изъ котораго въ 1721 г. по прошенію перемѣщенъ къ Сампсоновской церкви, которая тогда, по благолѣпію иконъ и ризницы и по средствамъ содержанія, была лучше другихъ. При ней онъ прослужилъ до 1737 г., когда произведенъ былъ въ протопopa Исаакіевскаго собора. Въ 1724 г. въ высокаторжественные дни велѣно было «предиковать», т. е. произносить проповѣди, между прочими учеными священниками – и духовнику преосвященнаго Ѳеодана Прокоповича, Василю Терлецкому, но онъ отказался, «понеже онъ предъ Его Императорскимъ Величествомъ, скудоумія ради своего, предиковать не можетъ», да и потому, что откуда взять къ той предикѣ матерію, накакого вѣдѣнія и довольнаго числа потребныхъ книгъ, кромѣ самыхъ къ служенію нужныхъ, не имѣть. Также, ради многаго и едва ли ежечаснаго, при той церкви, священныхъ потребъ исправленія, ему Терлецкому, такихъ предикъ затверживать весьма невозможно, и о семъ онъ доноситъ самую сущую правду.

Список священниковъ сей церкви
въ порядкъ служенія ихъ при ней съ 1710 г. слѣдующій:

Димитрій Андреевъ, съ построенія церкви, поступилъ во флотъ въ 1725 г.

Максимъ Федоровъ, неизвѣстно когда выбылъ изъ причта Сампосоновской церкви.

Петръ Григорьевъ, перешель въ Петропавловскій соборъ, ассесоръ Святейшаго Синода, одинъ изъ достойнѣйшихъ священнослужителей того времени – до 1721 года.

Василій Павловичъ Терлецкій – съ 1721 по 1737 годъ.

Василій Аванасьевъ, не изъ ученыхъ – съ 1713 года.

Юаннъ Георгиевъ переведень изъ Москвы въ 1729 году.

Симеонъ Лукинъ – съ 1733 по 1750 годъ.

Иванъ Михайловъ, переведень изъ села Старога погоста, отъ Николаевской церкви – съ 1739 года.

Павель Лукинъ, переведень изъ Новой Ладоты отъ церкви Климента папы Римскаго – съ 1739 года.

Матвей Максимовъ – въ 1740 году.

Юаннъ Никоновъ – въ 1747 году.

Иуда Ефремовъ – въ 1759 году.

Емельянъ Пименовъ, переведенный потомъ въ Князе-Владимирскій соборъ съ 1763 по 1779 годъ.

Лука Семеновъ – въ 1778 году.

Василій Михайловъ, запрещенный за дурное поведеніе – въ 1778 году.

Николай Яковлевъ – въ 1779 году.

Иванъ Ивановъ, изъ діаконовъ Новодѣвичьяго монастыря – въ 1779 году.

Савва Осиповъ – въ 1781 году.

Алексѣй Царевскій – до 1793 года.

Федоръ Антоновъ – съ 1793 года по 1796 годъ.

Юаннъ Григорьевъ – съ 1797 года.

Петръ Андреевъ – съ 1800 г. 1801 годъ.

Петръ Митрофановъ – въ 1802 году.

Савва Андрузскій, перешелъ въ Госпитальную церковь, до 1807 года.

Алексѣй Степановъ – съ 1807 года по 1816 годъ.

Федоръ Барсовъ – съ 1816 года по 1826 годъ.

Михаилъ Кедровъ – съ 1826 года по 1848 годъ.

Петръ Ареновъ – съ 1848 года по 1864 годъ.

Николай Булгаковъ, перешелъ въ Петергофскую придворную церковь въ 1863 году.

Алексѣй Иоанновъ Ярославскій изъ студентовъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи – съ 1863 г. по 1884 годъ.

Николай Андреевъ Травинскій изъ студентовъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, благочинный зарѣчныхъ церквей, нынѣ Протоіерей Спасо-сѣновской церкви, – съ 1864 по 1880 годъ.

Александръ Владимірскій, кандидатъ С.-Петербургской Духовной Академіи – съ 1880 года состоитъ при сей церкви, съ 1884 г. настоятель храма.

Александръ Маляревскій, кандидатъ С.-Петербургской Духовной Академіи, перешелъ къ Пантелеймоновской церкви – съ 1884 по 1888 годъ.

Сергій Успенскій, кандидатъ С.-Петербургской Духовной Академіи – съ 1888 года состоитъ священникомъ сей церкви.

Списокъ діаконовъ съ 1713 года:

Еооктисть Гавриловъ – съ 1713 года по 1729 г.

Иоаннъ Протопоповъ – съ 1729 года по 1733 г.

Иванъ Григорьевъ, замѣшанный въ дѣлъ раскольника Сергѣева – съ 1733 года по 1741 годъ.

Андрей Иоанновъ – съ 1742 года по 1750 годъ.

Иуда Ефремовъ – съ 1750 года.

Иванъ Афанасьевъ, уволенный въ 1766 году въ монашество въ Новгородскій Хутынъ монастырь.

Михаилъ Герасимовъ, уличенный въ святотатствѣ съ 1767 по 1778 годъ.

Андрей Григорьевъ – съ 1778 года.

Иоаннъ Ярославскій – съ 1828 года по 1848 годъ.

Иоаннъ Зосимовскій – съ 1863 года по 1888 годъ.

Василій Кудрявцевъ – съ 1888 года состоитъ при сей церкви.

Списокъ причетниковъ съ 1718 года:

Иванъ Васильевъ, перешель діакономъ въ Ревель – съ 1718 года.

Софонія Герасимовъ – съ 1721 года по 1750 г.

Егоръ Васильевъ – въ 1721 году.

Иларіонъ Назарьевъ, Андрей Васильевъ, Макарь Савельевъ – въ 1729 году.

Иванъ Григорьевъ – въ 1731 году.

Василій Ивановъ – съ 1777 года.

Петръ Ивановъ и Антиповъ – въ 1796 г.

- Феодоръ Антоновъ (7-ми лѣтъ) – въ 1797 году.
- Сергій Емельяновъ – съ 1799 года.
- Николай Андреевъ – въ 1800 году.
- Иродіонъ Еремѣевъ – съ 1802 года.
- Василій Петровъ Смирновъ – съ 1832 года по 1860 годъ.
- Михаилъ Васильевъ Дубягскій – съ 1860 года по 1866 годъ.
- Петръ Иоанновъ Красногвонецъ – съ 1866 года по 1871 годъ.
- Николай Васильевъ Васильевъ, студентъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи, опредѣленъ къ сей церкви Псаломщикомъ въ 1871 году.
- Студентъ С.-Петербургской Духовной Семинаріи Константинъ Гавриловъ Вознесенскій – съ 1872 г. по 1877 годъ.
- Павель Николаевъ Заклинскій – съ 1872 года по 1889 годъ.
- Николай Александровъ Яворскій съ 1888 г. состоитъ при церкви.
- Иванъ Николаевъ Заклинскій съ 1889 г. состоитъ при сей церкви.
- Причтъ Сампсоновской церкви пользуется отъ церкви квартирами съ отопленіемъ въ каменномъ трехъ-этажномъ домѣ. Средствомъ содержанія его служатъ 325 р. процентовъ съ капитала въ 7 128 р., внесеннаго въ разное время на поминаненіе усопшихъ, и случайные доходы за требы. Содержаніе причта ограничено, потому что въ приходѣ 5 церквей казеннаго вѣдомства. Въ старинные годы кромѣ вышеуказанныхъ средствъ, духовенство Сампсоновской церкви получало еще: а) 57 руб. 14 $\frac{2}{7}$ коп. серебромъ изъ Медицинскаго Департамента Министерства Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи Высочайшаго дозволенія, изъявленнаго 1-го Августа 1808 года, въ замѣтъ отшедшихъ отъ Сампсоновской церкви прихожанъ Аптекарскаго острова къ новоустроенной Преображенской церкви на Аптекар-

скомъ островѣ; б) 150 р. серебромъ отъ пригнѣ князе-Владимірской церкви при Орлово-Новосильцевскомъ Богоугодномъ заведеніи и 60 руб. серебромъ – отъ г-жи Новосильцевой, учредительницы означеннаго Богоугоднаго заведенія, на основаніи указа С.-Петербургской Духовной консисторіи отъ 4-го Апрѣля 1844 года за № 1255.

До 1721 года церковныя свѣчи въ С.-Петербургѣ продавались по улицамъ и около церквей, въ разноску, разными лицами. Свѣчи были не одинаковыхъ, иной разъ – затейливыхъ формъ. Разносчики, чтобы имѣть болѣе покупателей, показывая проходящимъ свѣчи, дѣлали смѣшныя выходки, съ разными восклицаніями и присловьями, и при этомъ, ради прибытковъ, внушали народу даже суевѣрныя на счетъ свѣчей понятія. Такой непристойный сбытъ принадлежностей Богос-луженія обратилъ на себя вниманіе Петра I-го и духовенства. Кромѣ того, надѣялись, что свѣчная продажа будетъ приносить доходъ св. церкви и на выручку отъ ней откроется возможность устроить при церквахъ благотворительныя заведенія, о которыхъ не мало думалъ Петр I. И вотъ, по имянному его повелѣнію отъ 28 Февраля 1721 года, объявленъ былъ изъ Святѣйшаго Синода указъ слѣдующаго содержанія:

- 1) чтобы при каждой церкви состоялъ одинъ приставникъ для продажи свѣчъ;
- 2) чтобы этотъ приставникъ былъ церковнымъ старостою, – человекъ, вѣроятія достойный, и его должны выбрать прихожане изъ мѣстныхъ жителей, по письменному приговору, за своими руками;
- 3) чтобы на деньги отъ продажи свѣчъ построить при каждой церкви богадѣльни, ради нищенствующихъ и больныхъ, которыхъ тамо кормить, по пропорціи коеяждо церкви доходовъ;

4) чтобы продающимъ свѣчи не отъ лица церкви учинить заказъ, дабы они впередъ оныхъ свѣчей не продавали и въ купечествѣ своемъ не держали, а которыя у нихъ, приготовленныя къ продажѣ, свѣчи обрѣтаются и за тѣ заплативъ имъ настоящую цѣну, отобрать къ церквамъ и приготовлять оныя свѣчи по образцу. Святѣйшій Синодъ при указахъ разослалъ отъ себя и образцы церковныхъ свѣчъ. Форма ихъ, сдѣланная въ Невскомъ монастырѣ въ достаточномъ количествѣ экземпляровъ, имѣла слѣдующій видъ: нижняя часть должна имѣть толстоту противъ верхней вдвое, а верхняя толстоту противъ нижней въ половину, а длина была бы противъ нижней толстоты впятеро. Форма эта взята съ греческаго образца и называлась у насъ греческою.

Въ синодальной епархіи указъ этотъ приводился въ исполненіе мало-по-малу и осуществился повсюду не скоро. Но при церкви Преподобнаго Сампсона старинопримца старосты существовали съ самаго изданія указа; нѣкоторые изъ нихъ получали, на основаніи закона, отъ церкви жалованье до 60 рублей въ годъ. Первымъ старостою былъ извѣстный строитель богадѣльни, посадскій человекъ Иванъ Леонтьевъ, Негодяевъ, у котораго, какъ ссылается ассесоръ Петръ Григорьевъ, хранились приходорасходныя книги.

Никифоръ Григорьевъ Плотниковъ – съ 1726 г. по 1728 годъ.

Купецъ Иванъ Андреевъ Лапшинъ, извѣстный строитель настоящаго каменнаго храма и колокольни – съ 1728 года по 1740 годъ.

Илларионъ Ивановъ – въ 1740 году.

Михаиль Яковлевъ Грязновскій-Лапшинъ, бывшій, какъ видно по могильной надписи, усерднымъ попечителемъ и директоромъ храма, служилъ до своей смерти, до 1769 года. Со смертію его нѣкоторое

время церковное имущество находилось въ завѣдованіи вдовы умершаго ктитора Параскевы Карповой Лапшиной.

Михаилъ Петровъ Пастуховъ, родственникъ Лапшина – съ 1778 года по 1797 годъ.

Сержантъ Аванасій Авдѣевъ – съ 1797 года по 1801 годъ.

Аванасій Фроловъ (неграмотный) – съ 1802 года.

Купецъ Марковскій – до 1812 года.

Симеонъ Родіоновъ – съ 1812 года по 1814 годъ.

Иванъ Степановъ – съ 1815 года по 1817 годъ.

Георгій Петровъ, отецъ учредителя Сампсоновскаго благотворительнаго общества и щедрого благодѣтеля приходской церкви, – Д. С. С. М.Г. Петрова, – съ 1818 года по 1824 годъ.

Петръ Ермиловъ – съ 1825 года по 1830 годъ.

Петръ Яковлевъ – съ 1831 года по 1835 годъ.

Григорій Аверинъ – съ 1836 года по 1844 годъ.

Василій Аверинъ – съ 1844 года по 1850 годъ.

Иванъ Петровъ – съ 1850 года по 1853 годъ.

Иванъ Павловъ Ѳedorовъ – съ 1853 года по 1864 годъ.

Иванъ Михайловъ Михайловъ – съ 1864 года по 1874 годъ.

Павель Михайловъ Михайловъ, родной братъ предшественника – съ 1874 года по 1882 годъ.

Птомственный почетный гражданинъ, С.-Петербургскій 1-й гильдіи купецъ Николай Дмитріевъ Егоровъ – съ 1882 года состоитъ въ должности старосты и въ настоящее время.

Богадѣльни и учебныя заведенія въ Сампсоновскомъ приходѣ

Старѣйшая Сампсоновская церковь, первая давшая упокое-
ніе подъ своєю своєю упокоимъ христіанамъ созидавшейся столи-
цы, первая пришла на помощь призрѣнія и упокоенія меньшей
братіи Господней, бѣдныхъ и неимущихъ.

По именному указу Петра I, объявленному Святѣйшимъ Сино-
домъ 28 февраля 1721 года, повелѣно было при каждой церкви
Петербурга, на прибыльные деньги от продажи свѣчъ, построить
богадѣльню «пробыванія ради нищенствующиихъ больныхъ, которыхъ
тамо и кормить, по пропорціи коеяждо церкви доходовъ, понеже
церковныя имѣнія – нищихъ имѣнія суть». Государь хотѣлъ построить
богадѣльни по всему духовному вѣдомству: по монастырямъ и
при церквахъ. На этотъ призывъ къ христіанскому милосердію въ
С.-Петербургѣ, первые посѣпили отозваться сестра Государя и при-
хожанинъ Сампсоновской церкви, купеческій человекъ Емеліанъ
Яковлевичъ Москвинъ. За нѣсколько лѣтъ до обнародованія выше-
приведеннаго Царскаго указа въ 1714 году, купеческій человекъ
Емеліанъ Яковлевичъ Москвинъ устроилъ при церкви св. Самсона
Страннопріимца мужскую богадѣльню, въ которой помѣщалось
десять человекъ бѣдныхъ и убогихъ мужскаго пола, которые питались
подаченіемъ мірскихъ людей. Сампсоновская мужская богадѣльня,
такимъ образомъ, была первымъ въ С.-Петербургѣ явленіемъ
епархіальной приходской благотворительности.

5 июля 1721 года, Посадский человек Иванъ Негодяевъ просилъ Святѣйшій Синодъ, чтобы ему разрѣшили устроить при церкви св. Сампсона богадѣльню для лицъ женскаго пола, а мужскую не удобно поставленную перенести на лучшее мѣсто¹³⁾ Святѣйшій Синодъ писалъ къ полиціймейстеру Дивіеру, и Сампсоновскимъ богадѣльнямъ были отведены мѣста. Въ 1722 году Негодяевъ построилъ довольно просторныя избы. Въ женской богадѣльнѣ Негодяева, въ половинѣ 1722 года, помѣщалось уже 20 старухъ.

Какъ Сампсоновскія, такъ и богадѣльни при другихъ церквяхъ находились въ вѣдѣніи Святѣйшаго Синода. Къ нему восходили прошенія жаждущихъ поступить въ ту или другую богадѣльню. Право на это давали: дряхлость, болѣзнь, убожество, отсутствіе силъ для работъ, прежнія заслуги и труды просителя имѣли силу при опредѣленіи въ богадѣльню и ближайшихъ его родственниковъ – жены и дѣтей.

Въ тѣхъ конторѣ разсматривались просьбы, отбирались показанія, и отъ ней же исходили указы и водвореніи въ богадѣльни просителей. Указы посылались причтамъ церквей, при которыхъ числились богадѣльни избы. Принимались въ богадѣльни одни православныя и лица всякаго званія, въ томъ числѣ были и духовныя; но въ большинствѣ, онѣ, по мысли Петра I, были населены отставными солдатами, а женскія отдѣленія – вдовами ихъ. По представленію старшаго священника Терлецкаго, солдаты Сампсоновской богадѣльни, съ разрѣшенія Святѣйшаго Синода, отъ 8 Декабря 1721 года, вмѣсто наемныхъ сторожей, были служителями и держали при церкви карауль.

¹³⁾ Дѣло Духовной Консисторіи № 15, 1721 г.

Участіе въ управленіи богадѣльнями принимало мѣстное приходское духовенство. Его наблюденію, по самому мѣсту своего жительства и по зависимости отъ Святейшаго Синода, подчинены были богадѣльнскіе старики и старухи. Но потомъ богадѣльни поставлены были въ ближайшую зависимость отъ причтовъ и церковнымъ закономъ. Протопопъ Успенскаго собора Симеонъ Ярмерковскій, скоро послѣ заведенія богадѣльнскихъ избъ, просилъ въ Святейшемъ Синодѣ инструкціи на счетъ того, въ какой силѣ содержать богадѣльни, и при своемъ прошеніи представилъ списокъ женщинъ, поступившихъ въ богадѣльню. Святейшій Синодъ на первый разъ утвердилъ личный составъ вдовъ и сиротъ, на счетъ содержанія предписалъ получать имъ пищу отъ подавателей милостыни, а на счетъ управленія и житія далъ инструкцію, которая состояла изъ слѣдующихъ 12-ти пунктовъ.

1) «Въ началѣ, смотрѣть священникамъ съ братіею, чтобы отъ определенныхъ въ оной богадѣльнѣ женщ не было святѣй церкви противницъ и раскольниковъ; а ежели таковыя противницы явятся, доносить о тѣхъ въ Туускую контору немедленно.

2) Чтобы оныя богадѣльнки непрестанно приходили ко Святой церкви, къ вечерни, утрени, паче же к литургіи, по вся дни, безлѣтно, кромѣ подлежащія необходимыя нужды, и повсягодно исповѣдывались и, по достоинству, Св. Тайнъ приобщались.

3) Ему, духовенству смотрѣть, чтобы оныя богадѣльнки на кабакахъ и въ непотребныхъ мѣстахъ и въ вольныхъ и мірскихъ домахъ (кромѣ добрыхъ людей), не бродили и не ночевали, и безвременно не пьянствовали-бъ, дабы въ нихъ не происходило какое непотребство; такожъ, по улицамъ и по приходскимъ домамъ, по міру не шатались

(чего ради именованъ Его Императорскаго Величества указомъ воспрещено). И ежели которыя противъ сего повинны явятся, таковымъ, для смиренія, присылать въ оную Туускую контору.

4) Для смотрѣнія всего надъ ними, выбрать изъ оныхъ богадѣленокъ добродѣтельную жену въ старости.

5) Ежели которой женѣ прилучится нужда идти къ сродникамъ своимъ, и имъ ходить съ вѣдома той богадѣлни старости, а сей спрашивать ея кому она идетъ, и какая ей нужда, и отпускать съ разсмотрѣніемъ.

6) Подаваемую отъ христіанскихъ людей милостивно принимать съ благодареніемъ и отбирать въ особый ящикъ, который имѣть помянутой старости за своей печатью, и что собрано будетъ денегъ, или харчеваго и проч., раздѣлять, помѣсячно или понедѣльно, всѣмъ по равной части, дабы ни отъ кого жалобы и роптанія не происходило.

7) Еще приказать той опредѣленной старости смотрѣть, чтобы въ оной богадѣлнѣ не происходило какого безчинія, смѣхотворенія, шума, крику, ссоръ, дракъ и проч., тому подобнаго.

8) А которыя во оной богадѣлнѣ весьма прстарѣли (или которыя тяжело занеможать), а имѣются быть безродны и работать ничего не могутъ, для сохраненія къ таковымъ опредѣлять оной старости другихъ богадѣленокъ по очереди, и чтобы въ томъ на больныхъ роптанія ни отъ кого не было.

9) Чтобы въ оной богадѣлнѣ мужскимъ персонамъ пристанища и ночлега не было, дабы оттого какого зазора не произошло; такожъ и постороннія, хотя и женскаго пола, въ оной богадѣлнѣ не приставали бы и не ночевали, чтобы прочимъ утѣшенія отъ того не было.

10) Буде когда въ богадѣльню придетъ, для посвященія къ кому, какая сродница и обночаетъ, и о такихъ, о вѣдѣніи старостихъ доносить протопопу съ братією.

11) Буде и отъ богадѣленокъ, которая умреть, и о томъ въ Туускую контору подавать вѣдѣніе немедленно; собою же никого, безъ Тууской конторы не опредѣлять.

12) А ежели неусмотрѣнемъ и нерадѣнемъ вашимъ въ оной богадѣльнѣ происходитъ будетъ какое непотребство и безчиніе, и о томъ въ Туускую контору учинится, мимо васъ, вѣдомо и за то на васъ взять будетъ штрафъ, а опредѣленной старостихъ учинено будетъ жестокое наказаніе».

Этою инструкціею, которая простиралась и на Сампсоніевскія богадѣльни, живущія въ нихъ уже прямо поставлялись въ подчиненіе духовенству приходскихъ церквей.

Сборъ добровольныхъ приношеній на богадѣльни обыкновенно производился такъ. Обитатели богадѣленъ мужскаго и женскаго пола, поочередно, становились съ запечатанными кружками у св. воротъ церквей, при которыхъ жили, прося у проходившихъ милостыньки. На руки имъ не позволялось ничего брать, а проходящіе опускали деньги прямо въ кружку. Еженедѣльно, по субботамъ, сборъ дѣлился поровну между бѣдными, и деньги отдавались каждому на руки. Сверхъ того, въ указахъ 28 февраля 1721 года и 7 сентября 1739 года, положено было употреблять на содержаніе приходскихъ богадѣленъ деньги, собираемые отъ продажи свѣчъ и въ кошелекъ съ назначеніемъ «на госпиталь». Но употреблялись-ли, действительно, сборы сіи на богадѣльни, въ какомъ количествѣ и на какіе именно предметы, на это нѣтъ опредѣленнаго разъясненія.

Въ это время продолжали принимать участіе въ богадѣльняхъ также и Члены Императорской фамилии. По смерти Госыдарыни Царевны Екатерины Іоанновны, приславо было въ Сампсоніевскую женскую богадѣльню 4 руб. на поминъ ея души. Въ 1733 году, Великая Княжна Елисавета Петровна прислала въ день своего рожденія 5 руб. Въ томъ же году, сама Императрица Анна Іоанновна дала на богадѣльню 15 руб., въ день воспріятія Всероссійскаго престола. Такія пожертвованія, разумѣется, были случайными и совсѣмъ особенными средствами къ пропитанію богадѣленокъ.

Сверхъ того, богадѣльными старухи умѣли трогательно изображать въ бѣдственномъ положеніи свою жизнь. Краснорѣчіе пріобрѣтало имъ большія знакомства между служащими и рабочими населеніемъ Петербурга. Сострадательные люди, особенно изъ женщинъ, приглашали ихъ къ себѣ, кормили, поили, иногда и запрещенными напитками, и въ богадѣльню давали кушанья.

Богадѣльни, содержавшіяся подаваніемъ мірскихъ судей, по закрытіи Тууской избы, перешли въ распоряженіе С.-Петербургскаго Духовнаго правленія. Порядокъ поступленія въ богадѣльню, въ рукахъ правленія, принялъ болѣе точный и опредѣленный характеръ. Какой-нибудь отставной солдатъ, напримѣръ, наскучивъ бродячею жизнію, рѣшался пристроиться на мѣсто болѣе спокойное и обезпеченное. Явившись въ Духовное правленіе, онъ подавалъ бумагу объ опредѣленіи его въ богадѣльню, съ прописаніемъ въ ней своей болѣзни и бѣдственнаго положенія. Правленіе спрашивало у него отставку, и, снявъ копію, прилагало къ прошенію, возвращая подлинный документъ просителю. Затѣмъ, производились справки: у причта Сампсоньевской церкви о томъ, есть-ли вакантное мѣсто въ богадѣльнѣ,

а у полкового начальства о томъ, дѣйствительно-ли проситель не здоровъ, и имѣть-ли у него какихъ средствъ къ пропитанію себя. Получивъ справки, правленіе, на основаніи ихъ, или отказывало, или опредѣляло просителя въ богадѣльню. Въ послѣднемъ случаѣ, причту посылался указъ о помѣщеніи его.

Указомъ отъ 2 августа въ 1731 году, живущимъ въ Епархіальныхъ приходскихъ богадѣльняхъ подтверждены обязанности, изложенныя въ приведенной выше инструкціи, съ приложеніемъ немногихъ новыхъ правилъ, а именно:

- 1) чтобы они не бродили по улицамъ просить милостыни;
- 2) чтобы всегда ходили нелѣбно въ церкви;
- 3) чтобы во время богослуженія по церкви не шатались, но стояли бы на указанныхъ мѣстахъ кротко, и, по окончаніи церковного гдѣнія, милостыню, кто что дастъ на пропитаніе, собирали-бы на общество благочинно. Священнослужители церкви, при которой имѣлась богадѣльня, обязывались наблюдать за исполненіемъ сихъ правилъ, и въ томъ расписываться на указахъ Духовнаго правленія.

Въ женскихъ богадѣльняхъ, между большими старухами постоянно возникали ссоры, непріятности, другъ на дружку пореченія (жалобы), иногда дѣло доходило и до войнъ. Духовенство пришло къ необходимости учредить въ нихъ по 4 § инструкціи, начальство въ видѣ старостихи. Эта старшая, какъ называли ее иначе, утверждалась въ своихъ правахъ не иначе, какъ Духовнымъ правленіемъ. Для безпрепятственнаго смотрѣнія надъ другими, для содержанія ихъ въ миролюбивомъ настроеніи и порядкѣ, она имѣла слѣдующія права: кельи не топить, у св. воротъ не стоять съ ящикомъ для сбора

милостыни. Хотѣли было сдѣлать, чтобы ей давалось побольше другихъ и денегъ на кормъ изъ сборной кружки. Но подчиненныя противъ этого возстали, начали возражать, что это противно инструкціи, что старостиха и кельи не топить и денегъ не собираеть; за что же давать ей больше людей? Такъ дѣло это и кончилось. Старостиха осталась при однихъ преимуществахъ чести и власти, безъ матеріальнаго прибавленія на кормъ.

Вопросъ о благотворительности, однакоже, не остановился на данныхъ, нами приведенныхъ, но принялъ въ царствованіе Анны Иоанновны гораздо большее развитіе. И гражданское правительство принялось строить богадѣльни отъ себя для призрѣнія убогихъ. Правительствующій Сенатъ издалъ 19 мая 1733 года свое распоряженіе, чтобы построить изъ канцеляріи отъ строеній въ С.-Петербургѣ при церквахъ богадѣльни и, между прочими, двѣ при Самсоновской церкви, – одну для мужчинъ, и другую для женщинъ. Каждая богадѣльская изба была въ 4 сажени, а сѣни въ 3 сажени. Строенія были деревянныя. Богадѣленный подрядчикъ, которому сдано было это дѣло, строилъ ихъ изъ собственнаго матеріала, и за каждую богадѣльню взялъ по 89 руб. 50 коп. ассигнаціями.

Сенатъ самъ разбиралъ бывшихъ въ «приводѣ» бѣдныхъ и больныхъ. Ихъ опредѣляли въ новопостроенныя богадѣльни, а съ годными къ работѣ и нищими по ремеслу поступали по указамъ о нихъ. Указомъ Сената отъ 21 января 1740 года окончательно постановлено было С.-Петербургскимъ богадѣльнямъ быть въ вѣдомствѣ Камер – Конторы (Собр. Зак. Т. XI, стр. 12 Ук. № 8008). Долго ли существовали богадѣльни при церквахъ съ переходомъ

управленія ими отъ духовнаго вѣдомства къ вѣдѣнію свѣтскаго начальства, отвѣчать опредѣленно, на неизмѣнимъ данныхъ, не рѣшаемся. Въ 1747 году священнослужители Сампсоновской церкви съ причетниками и приходскими людьми обращались къ архіепископу с.-петербургскому Феодосію съ просьбою не позволять строить на Сампсоновскомъ кладбищѣ, на дорогѣ, ведущей прямо въ церковь, предполагаемая, по проэку архитектора Трезини, богадѣленные избы, а построить ихъ внѣ кладбищенской ограды¹⁴. Увѣчалось ли это ходатайство успѣхомъ, намъ неизвестно. Важно, кажется, въ данномъ случаѣ для насъ то, что съ переходомъ мѣстныхъ приходскихъ благотворительныхъ учреждений въ руки свѣтскаго начальства между ними появляется какъ бы нѣкоторая непріязнь, ясная, между прочимъ, изъ приведеннаго прошенія.

Съ оживленіемъ приходской благотворительной дѣятельности съ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, ожила эта дѣятельность и въ приходѣ преподобнаго Сампсона Страннопримца. 13 октября 1874 года здѣсь учреждено при церкви благотворительное общество. Честь учрежденія его, поддержанія и развитія до того твердаго и отличнаго состоянія, какимъ оно является къ настоящему времени, принадлежитъ Действительному Статскому Совѣтнику Михаилу Георгіевичу Петрову. Сначала общество выдавало бѣднымъ денежныя пособія и даровыя квартиры. Съ 27 іюня 1880 года, обществомъ выстроены и освящены собственный каменный трехъ-этажный домъ, стоящій не менѣе 50 тысячъ рублей. Въ немъ помѣщаются: во 2-мъ этажѣ богадѣльня для престарѣлыхъ женщинъ, въ 3-мъ – убѣжище для бѣдныхъ дѣтей – дѣвочекъ, въ

¹⁴ Дѣло Духовной Консисторіи № 713, за 1747 г.

возрастъ отъ 4 до 12 лѣтъ. Нынѣ общество имѣетъ наличный капиталъ въ 65 тысячъ рублей, что съ недвижимостію составляетъ болѣе 100 000 рублей. Кромѣ содержанія богадѣльни и убѣжища, общество содержитъ нѣсколько дѣтей стипендіатами въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, – среднихъ и низшихъ, выдаетъ ежемѣсячныя постоянныя пособія бѣднымъ семьямъ, помогаетъ во всѣхъ несчастныхъ случаяхъ пожара, смерти и др., и вообще не закрываетъ свое лицо предъ нуждою, а само въ лицѣ мѣстныхъ попечителей отыскиваетъ нужду, съ цѣлью помочь ей.

Учебными заведеніями Сампсоновскій приходъ похвастаться не можетъ. Въ петровскія времена здѣсь было училище отъ вѣдомства Городовой Канцеляріи¹⁵⁾, съ учителями Димитріемъ Ивановымъ и Аванасіемъ Кирилловымъ. Сколько лѣтъ оно существовало и удовлетворяло ли мѣстному обществу, искавшему книжнаго наученія, сего не вѣдаемъ.

Со временъ Екатерины II, въ Сампсоновскомъ приходѣ устроены были училища – Сампсоніевское уѣздное и приходское. Последнее перешло въ недавнее время въ вѣденіе С.-Петербургской городской думы, а первое со своею выѣзскою «Сампсоновское городское училище», перекочевало на Петербургскую сторону, въ приходъ Введенской церкви. Жители выборгской стороны до сихъ поръ бесполезно воздыхаютъ объ этомъ училищѣ, желая вернуть его опять въ Сампсоновскій приходъ. Говорятъ, училище не могло найти на Выборгской сторонѣ подходящаго помѣщенія и перешло на Петербургскую.

Въ настоящее время въ Сампсоновскомъ приходѣ находятся слѣдующія учебныя заведенія:

¹⁵⁾ Описание Док. Св. Синода, т. 11, № 926.

1) Александрo-Маринскій пріютъ Ивана Базилевскаго, учрежденіе въ высшей степени полезное для бѣдныхъ жителей Выборгской стороны. Въ немъ обучается ежегодно до 200 дѣтей обоего пола. Дети этого пріюта съ давняго времени поютъ въ Сампсоновской церкви воскресныя позднія литургии.

2) Три городскихъ начальныхъ училища для дѣвочекъ.

3) Два такихъ же училища для мальчиковъ.

Но перечисленныхъ училищъ совершенно не достаточно, такъ какъ ежегодно въ каждомъ изъ нихъ многимъ отказываютъ въ приѣмѣ, по недостатку свободныхъ мѣстъ.

Для желающихъ дать своимъ дѣтямъ среднее образованіе, а таковыхъ въ приходѣ имѣется не малое число, – въ приходѣ Сампсоновскомъ, даже болѣе, на всей Выборгской сторонѣ, нѣтъ, кромѣ мужской прогимназіи, ни одного заведенія. И приходится бѣднымъ родителямъ отпускать своихъ дѣтей въ заведенія городской стороны. Что дѣвочки 10 – 15 лѣтняго возраста отъ Лѣснаго во всякую погоду совершаютъ путешествіе до Пяти угловъ, въ Маринскую гимназію, это явленіе не рѣдко, – но не слишкомъ ли тяжело и не усиленно оно?! Хлопотали нѣсколько лѣтъ тому назадъ объ устройствѣ на Выборгской сторонѣ, если не женской гимназіи, то Маринскаго женскаго училища, но результатъ получился печальный.

ОТЧЕТЪ

Комитета по организаціи празднованія
200-тъ лѣтняго юбилея основанія
Сампсоновскаго храма,
заложеннаго Императоромъ Петромъ I-мъ въ память
Полтавской побѣды 1709 года 29-го Іюня

I.

ПРАВИЛА,

кими Комитетъ долженъ быть руководствоваться въ своей дѣятельности (утвержденныя Епархіальнымъ Начальствомъ 3-го марта 1908 г. за № 225).

1) Комитетъ имѣеть своею цѣлю опредѣлить и произвести необходимыя работы по ремонту и отдѣлкѣ Сампсоніевскаго храма, изыскать для этого средства, имѣть хозяйственный и техническій надзоръ за производствомъ работъ и организовать самое юбилейное торжество.

2) Въ составъ Комитета входятъ: причтъ и староста Сампсоніевскаго храма, двое представителей отъ прихода и другія лица, кои могутъ быть полезными для цѣлей Комитета. Предсѣдателемъ Комитета состоитъ одинъ изъ священниковъ Сампсоновскаго храма, по назначенію Владыки Митрополита. Въ случаѣ болѣзни или отсутствія предсѣдателя по другой причинѣ, въ собраніи Комитета предсѣдательствуетъ другой священникъ храма; казначеемъ состоитъ церковный староста, а секретаремъ штатный діаконъ храма.

3) Дела въ Комитетѣ рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ.

4) Комитетъ имѣть право сношеній по своимъ дѣламъ съ разными лицами и учрежденіями, принимать пожертвованія на свои цѣли, заключать условія съ поставщиками и подрядчиками, расходовать поступившія въ его распоряженіе суммы и пользоваться для своихъ дѣл печатью Сампсоновскаго храма.

5) На поступившія пожертвованія Комитетъ выдаетъ квитанціи за подписью предсѣдателя Комитета.

6) Комитетъ ведетъ прихода-расходную шнуровую книгу за скрѣпку и печатью С.-Петербургской Духовной Консисторіи.

7) По окончаніи юбилейнаго торжества, Комитетъ представляетъ Епархіальному Начальству отчетъ о своей дѣятельности вмѣстѣ съ прихода-расходной книгой, счетами, условіями, смѣтами и другими оправдательными документами, по провѣркѣ коихъ Епархіальное Начальство закрываетъ Комитетъ.

II.

Составъ Комитета

Комитетъ состоялъ подъ покровительствомъ Его Великопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Антонія, Митрополита СПетербургскаго и Ладожскаго.

Въ составъ его входили: Почетный Предсѣдатель, Дворцовый Комендантъ, Генераль-Адъютантъ В.А. Дедюлинъ, и почетные члены: С.-Петербургскій Градоначальникъ, Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Генераль-Маіоръ Д.В. Драчевскій, С.-Петербургскій Городской Голова,

Действительный Статскій Совѣтник Н.А. Рѣзцовъ, Генераль-отъ кавалеріи, Баронъ А.А. Билльдердингъ, Оберъ-Егермейстеръ ВЫСОЧАЙШАГО Двора, Графъ С.Д. Шереметевъ и Свиты ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА, Генераль-Маіоръ, Графъ А.Д. Шереметевъ и Гофмейстеръ Высочайшаго Двора К.М. Злобинъ.

Предсѣдатель, Священникъ Сампсоновскаго собора В.А. Покровский и члены: Настоятель Сампсоновскаго собора Священникъ И.Е. Острогорскій, Діаконы того-же собора А.А. Щипуновъ и А.Е. Лебедевъ, цеконный староста Н.В. Елизеевъ, выборные отъ Сампсовскаго прихода Н.А. Украсинъ и А.А. Аванасьева, почетные прихожане А.Д. Лебедевъ, В.Д. Лебедевъ, А.В. Озеровъ и Д.Н. Егоровъ, Гласные Городской Думы В.Н. Крестинъ и Д.И. Поршнева, Профессоръ архитектуры ИМПЕРАТОРСКОЙ Академіи художествъ А.Н. Померанцевъ, И. об. Завѣдывающаго ВЫСОЧАЙШЕ утвержденнаго Комитета попечительства о русской иконописи В.Т. Георгіевскій, Гражданскій Инженеръ-археологъ Н.Ф. Романченко, Архитекторъ-художникъ Д.П. Рябовъ, Художникъ археологъ П.С. Костинъ, Гражданскій Инженеръ Н.Н. Егоровъ, Начальникъ Архива Святѣйшаго Синода К.Я. Здравомысловъ, Делопроизводитель Городской Думы В.В. Епифановъ, Бухгалтеръ Капитула Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и Царскихъ Орденовъ В.Г. Деденевъ, Ф.Я. Колобовъ, Н.Я. Колобовъ, Архитекторъ Комитета, Гражданскій Инженеръ А.П. Аплаксинъ и Секретарь Комитета Діакон Сампсоновскаго собора П.А. Владимірскій.

III.

Дѣятельность Комитета.

Въ течение двухъ лѣтъ (съ 25-го февраля 1908 г. по 18 марта 1910 года) Комитетъ имѣлъ сорокъ восемь пленарныхъ засѣданій, въ томъ числѣ два чрезвычайныхъ.

Кромѣ пленарныхъ засѣданій, были засѣданія состоявшихся при Комитетѣ Комиссій, а именно: Ревизионная Комиссія имѣла 18 засѣданій, Строительная Комиссія – 24 засѣданія, Издательская Комиссія – 7 засѣданій и Архивно-музейная – 2.

Дѣятельность Комитета выразилась, прежде всего, въ тѣхъ реставраціонно-ремонтныхъ работахъ по Сампсоновскому храму, которыя, будучи подъ наблюдениемъ ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссії выполнены, обняли собою всю реставрацію столичнаго памятника Полтавской битвы, какъ съ внутренней его стороны, такъ и съ наружной.

Кромѣ реставраціонно-ремонтныхъ работъ, Комитетъ выполнилъ цѣлый рядъ новыхъ капитальныхъ сооружений, связанныхъ съ реставраціей храма, а именно: поставилъ предъ Сампсоновскимъ храмомъ памятникъ Державному Основателю его, ИМПЕРАТОРУ ПЕТРУ I; соорудилъ каменную часовню на мѣстѣ престола перваго деревяннаго Сампсоновскаго храма и новую каменную паперть къ храму; построилъ каменный двухъ этажный юбилейный домикъ (для музея, архива, библиотеки и ризницы) и церковную ограду на гранитномъ фундаментѣ съ желѣзными воротами и рѣшеткой.

Свою дѣятельность Комитетъ завершилъ организаціей трехдневныхъ юбилейныхъ торжествъ въ память славныхъ Полтавскихъ дней, начавшихся 25-го Іюня освященіемъ реставрированнаго Сампсоновскаго собора и окончившихся 27-го Іюня открытіемъ памятника Венценосному Побѣдителю Полтавы.

Желающихъ болѣе подробно ознакомиться съ Комитетскою дѣятельностью, особенно реставраціонно-ремонтною и строительною, Комитетъ покорнѣйше проситъ обратиться къ составленному Архитекторомъ А.П. Аплаксинымъ и изданному Комитетомъ юбилейному альбому архитектурно-художественныхъ цѣнностей Сампсоновскаго собора, одинъ экземпляръ котораго Комитетъ имѣлъ счастье поднести ЕГО ИМПЕРАТОРСКОМУ ВЕЛИЧЕСТВУ, ГОСУДАРЮ ИМПЕРАТОРУ.

IV.

Средства Комитета.

А. Наличные средства Комитета.

- 1) ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ ВЫСОЧАЙШЕ соизволяя пожаловать отъ собственныхъ Монаршихъ щедротъ 3 000 р. – к.
- 2) По ВЫСОЧАЙШЕМУ повелѣнію изъ Капитула Россійскихъ ИМПЕРАТОРСКИХЪ и Царскихъ Орденовъ отпущено 25 000 р. – к.
- 3) Изъ ВЫСОЧАЙШЕ утвержденной Комиссіи по установленію празднованія 200-тъ лѣтняго юбилея получено 25 000 р. – к.
- 4) Отъ ВЫСОЧАЙШЕ разрѣшенной Всероссійской подписки поступило 25 737 р. 95 к.
- 5) СПбургской Городской Думой отпущено 25 000 р. – к.
- 6) Отъ Свято-Троицкой Александро-Невской лавры поступило 3 000 р. – к.
- 7) Членами Комитета А.Д. Лебедевымъ и В.Д. Лебедевымъ пожертвовано 6 000 р. – к.
- 8) Э.Л. Нобель пожертвовалъ 1 000 р. – к.
- 9) Ю.Л. Кенигъ пожертвовалъ 1 000 р. – к.
- 10) Отъ члена Комитета Д.И. Поршнева поступило 1 167 р. 46 к.
- 11) Членами Комитета Ф.Я. Колобовымъ и Н.Я. Колобовымъ пожертвовано 1 000 р. – к.
- 12) Отъ церковно-кружечнаго сбора поступило 1 835 р. 47 к.

13) % съ поступившихъ денежныѣ суммъ и мелкія жертвы	2 117 р. 78 к.
Итого наличныхъ средствъ в казнѣ Комитетской было	120 858 р. 66 к.

Б. Прочія пожертвованія въ пользу Комитета.

Кромѣ упомянутыхъ наличныхъ денежныѣ суммъ, въ пользу Комитета поступили слѣдующія пожертвованія:

1) Членами Комитета Графомъ С.Д. Шереметевымъ и Графомъ А.Д. Шереметевымъ поставленъ предъ Сампсоновскимъ храмомъ памятникъ Державнаго Основателя его, ИМПЕРАТОРА ПЕТРА I.

2) Членъ Комитета Д.И. Поршневъ соорудилъ каменную часовню на мѣстѣ престола перваго деревяннаго храма и каменную паперть къ собору, и привелъ въ должный порядокъ церковный садъ вокругъ Сампсоновскаго собора.

3) Члены Комитета А.Д. Лебедевъ и В.Д. Лебедевъ устроили деревянную ограду вокругъ церковнаго сада.

4) Членъ Комитета В.Н. Крестинъ пожертвовалъ гранитъ, мраморингъ и другіе цѣнные матеріалы.

5) Членъ Комитета А.В. Озеровъ пожертвовалъ стильный балясникъ къ солеѣ алтаря главнаго придѣла храма.

6) Членъ Комитета Н.В. Елисеѣвъ соорудилъ большой образъ Воскресенія Христова для горняго мѣста алтаря главнаго придѣла, двѣ дубовыхъ свѣчныхъ вырочки и бутовую плиту для часовни.

7) Члены Комитета Н.Н. Егоровъ и Д.Н. Егоровъ пожертвовали лѣсные матеріалы и плотничьи работы. Металлическія хоругви для главнаго придѣла храма.

8) Членъ Комитета Украсинъ пожертвовалъ металлическія хоругви для лѣваго придѣла храма.

9) Прихожане Сампсоновскаго собора соорудили Металлическія хоругви для праваго придѣла храма.

10) Лейбъ-Гвардіи Московскій полкъ пожертвовалъ цѣнныя стильныя хоругви для главнаго придѣла храма.

11) Хоръ Сампсоновскаго Общества трезвости и прихожане В.А. Храмченковъ и Д.А. Котловъ пожертвовали шелковыя завѣсы для царскихъ вратъ трехъ придѣловъ храма.

V.

Расходъ Комитета.

А. Внутренняя реставрація Сампсоновскаго собора.

1) Реставрація трехъ иконостасовъ, престола главнаго придѣла, свѣи надъ нимъ и иконныхъ киотъ	20 369 р. – к.
2) Работы по возстановленію иконописи	3 505 р. – к.
3) Художественная роспись храма	7 500 р. – к.
4) Реставрація церковной утвари и ризницы	3 419 р. 30 к.
5) Оборудование центрального отопленія храма	14 405 р. – к.
6) Проведеніе въ храмѣ водопровода съ пожарными рукавами	1 250 р. – к.

7) Оборудование электрического освещения въ храмѣ и проведеніе электрическихъ звонковъ изъ храма въ сторожку, колокольню и квартиры причта	2 647 р. 95 к.
8) Устройство стекол въ нижнемъ ярусѣ иконостаса главнаго прѣдѣла	950 р. – к.
9) Покрытіе пола линолеумомъ	600 р. – к.
Итого на внутреннюю реставрацію Сампсоновскаго собора израсходовано	54 646 р. 25 к.

Б. Наружныя реставраціонно-ремонтныя работы храма.

1) Снесеніе позднѣйшихъ пристроекъ при храмѣ (сторожки съ правой стороны колокольни и часовни съ лѣвой) и построеніе вмѣсто нихъ каменнаго двухъэтажнаго дома (для архива, бібліотеки, ризницы и помѣщенія сторожей	13 715 р. 70 к.
2) Оборудование каменной по фасаду колокольни ограды на гранитномъ фундаментѣ съ желѣзными воротами и рѣшеткой	6 575 р. – к.
3) Штукатурка и окраска масляной краской стѣгъ и крыши колокольни и храма и оборудованіе часовни	6 550 р. – к.
4) Золоченіе главокъ и крестовъ колокольни и храма	3 200 р. – к.
5) Заготовленіе двухъ иконъ для фасада колокольни, двухъ досокъ мраморныхъ, одной мѣдной и четырехъ чугуныхъ съ соответствующими историческими надписями.....	1 595 р. – к.
6) Устройство желѣзныхъ лѣстницъ на колокольню и храмъ	2 037 р. – к.

7) Плотничьи, столярные и земляные (канализационно-мостовые) работы по фасаду храма и внутри церковной ограды	3 633 р. 92 к.
8) Работы по церковному саду, вторичная окраска ограды, юбилейного дома и пр. (Деньги отпущены в распоряжение причта и старосты Сампсоновского собора	2 570 р. 12 к.
Итого на наружные реставрационно-ремонтные работы по Сампсоновскому собору израсходовано	39 876 р. 74 к.

В. Организация юбилейных торжеств и прочие расходы Комитета.

1) Организация юбилейных торжеств	1 333 р. 70 к.
2) Издание юбилейного альбома, исторического описания храма, жития Преподобного, акависта и молитв Ему, воззваний о сборе пожертвований и проч.	6 268 р. 45 к.
3) Фотографирование храма и отдельных частей его	751 р. – к.
4) Вознаграждение Епархиальному архитектору	5 107 р. – к.
5) Наем помещения и прислуги для нужд Комитета, разъезды	1 723 р. – к.
6) Канцелярские принадлежности и другие мелкие расходы	1 152 р. 52 к.
Итого, на организацию юбилейных торжеств и другие необходимые нужды Комитета под литерою В израсходовано	16 335 р. 67 к.

Весь же расход Комитета, указанный под литерами А., Б. и В. и обнимающий собою всю реставрацию Сампсоновского собора внутреннюю и наружную, а равно и всё, связанное с нею нужды Комитетские, выразился в сумме

110 858 р. 66 к.

VI.

**Остатокъ денежныхъ суммъ
Комитетской казны и ихъ назначеніе.**

Весь доходъ Комитетской казны исчисляется (какъ указано было въ статьѣ о средствахъ Комитета) наличными средствами въ суммѣ	120 858 р. 66 к.
Расходъ же Комитета выразился наличными средствами въ наличности	110 858 р. 66 к.
Остается въ Комитетской казнѣ наличными средствами	10 000 р. — к.

Согласно постановленію собранія Комитета (отъ 12 января сего 1910 года), означенная сумма поступаетъ въ собственность Сампсоновскаго собора и носить наименованіе «реставраціоннаго фонда имени Комитета по организаціи празднованія 200-тѣ лѣтнего юбилея основанія Сампсоновскаго храма, заложеннаго ИМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ I-мъ въ память Полтавской побѣды».

Назначеніе оставшагося капитала удовлетвореніе реставраціонно-ремонтныхъ нуждъ Сампсоновскаго собора, а именно: поддержаніе собора въ томъ состояніи, совнѣ и внутри, въ какое онъ приведенъ Комитетомъ.

Самъ капиталъ является неприкосновеннымъ реставраціоннымъ фондомъ, и на нужды реставраціи собора могутъ идти только проценты съ него и не ранѣе 1935 года, т. е. по истеченіи двадцати пяти лѣтъ со времени реставраціи храма и учрежденія реставраціоннаго

фонда, когда, съ одной стороны, основной капиталъ достигаетъ суммъ свыше 20 000 рублей, а съ другой стороны, – можетъ явиться дѣйствительно существенная потребность реставраціонно-ремонтныхъ работъ.

Реставраціонно-ремонтныя работы на проценты съ означеннаго капитала производятся причтомъ Сампсоновскаго собора, по предварительномъ сношеніи съ Епархіальнымъ Начальствомъ и ИМПЕРАТОРСКОЙ Археологической Комиссіей.

Отчетность о расходѣ на соответствующія нужды процентовъ съ реставраціоннаго фонда ведется особой графой въ приходо-расходныхъ книгахъ Сампсоновскаго собора, а опредѣлительные документы на нихъ хранятся въ церковномъ архивѣ въ отдѣлѣ Комитетскихъ документовъ.

Капиталъ реставраціоннаго фонда имени Комитета помѣщается на имя Сампсоновскаго собора въ Государственный Банкъ въ процентныхъ бумагахъ, гарантированныхъ правительствомъ.

VII.

Заключение.

Принося искреннюю благодарность всем учреждениям и лицам, принявшим деятельное участие в столь высокопатриотическом и глубоко – религиозном дѣлѣ, как реставрація Сампсоновскаго собора, этого столичнаго памятника преславной Полтавской битвы; Комитетъ считаетъ своимъ нравственнымъ долгомъ заявить, что прихода-расходныя книги Комитетской казны со смѣтами, счетами, условіями и другими оправдательными документами представлены Епархіальному Начальству, согласно § 7-му правилъ, коими Комитетъ долженъ былъ руководствоваться въ своей деятельности.

18-го Марта 1910-го года.

Предсѣдатель Комитета Священникъ **ВЛАДИМИРЪ ПОКРОВСКІЙ**.
Казначей **НИКОЛАЙ ЕЛИСѢВЪ**.
Секретарь **ДІАКОНЪ ПЕТРЪ ВЛАДИМИРОВЪ**.

Н.В. БУРОВ

ХРАМ В ЧЕСТЬ ПОЛТАВСКОЙ ПОБЕДЫ

«Далеко не все знают, что в нашей столице есть памятник великой Полтавской победе. Этим историческим памятником является Сампсониевский храм, что на Выборгской стороне. Считаем своим долгом обратить внимание столичных жителей на этот великий памятник и редкую по своей старине святыню» [1]. Эти слова были произнесены в 1909 году настоятелем Сампсониевского собора отцом Владимиром Покровским по случаю 200-летия Полтавской победы, но не потеряли своей актуальности и в наши дни. Уже тогда было очевидным историческое значение этого храма-памятника.

В петровскую эпоху великие деяния и битвы увековечивали на европейский манер триумфальными арками и колоннами. Но царь Петр Алексеевич справедливо полагал, что русскому человеку ближе и понятнее будет вновь построенная церковь, возведенная в честь памятного события.

Победа под Полтавой, которую Петр Великий называл «Русское Воскресение», была одержана 27 июня, в день поминовения Преподобного Сампсония Странноприимца, и поэтому храм-памятник, заложенный по повелению царя в ноябре 1709 года, был назван Сампсониевским. Об этом событии свидетельствует надпись «сдѣланная на желѣзной доскѣ, буквами изъ листового золота и находящаяся надъ главнымъ входомъ въ церковь» [2].

На верху доски – крест, со словами: «симъ побѣдиши». Под крестом надпись: «Святый храмъ сей построенъ повелѣніемъ благочестивѣйшаго Государя Императора Петра Великаго, въ воспоминаніе побѣды надъ шведскими войсками под Полтавою, лѣта 1709, Іюня 27-го дня» [3].

Местом строительства храма неслучайно была выбрана Выборгская сторона. Направляясь на поля сражений Северной войны, которая продолжалась еще 12 лет, по Выборгской дороге, ведущей в то время во владения шведского короля, русские войска, проходя мимо этого храма, поднимали свой боевой дух и испытывали чувство гордости за победу русского оружия.

Деревянный Сампсониевский храм был заложен в ноябре 1709 года и освящен в 1710 году, позднее возвели каменную церковь. В статье «Слухи и вѣсти», опубликованной в 1890 году в газете «Недѣля строителя» мы читаем: «Церковь сначала была деревянная и вскорѣ стала разрушаться, поэтому въ 1728 году была заложена каменная, существующая до настоящаго времени» [4].

Нельзя не упомянуть, что «государь повелелъ также устроить при церкви общее городское кладбище, какого тогда въ Петербургѣ еще не было» [5]. Возле Сампсониевскаго собора разместилось два кладбища: православное и иноверческае. Их часто посещал Петр Великий, поскольку на них были похоронены многие его сподвижники и друзья. Не раз бывали здесь и императрицы Анна Иоанновна и Елизавета Петровна. Здесь были похоронены многие выдающиеся современники петровских, аннинских и елисаветинских времен – крупнейшие архитекторы первой половины XVIII века: Д. Трезини, Ж.-Б.А. Леблон, А. Шлюттер, Г.-И. Маттарнови, Н.-Ф. Гербель,

скульптор К.-Б. Растрелли, знаменитые художники Л. Каравак и С. Торелли, первый президент российской Академии наук Л.Л. Блуменротт и первый русский экономист И.Т. Посошков. Здесь нашли вечное упокоение сибирский губернатор князь М. П. Гагарин и любимый полководец Императрицы Анны фельдмаршал Б.-Х. Миних. В настоящее время сохранилась часть надгробий и они экспонируются в северной галерее храма.

В ограде храма с юго-западной стороны находится памятник «Врагам Бирона». Здесь похоронены кабинет-министр Артемий Петрович Вольнский, архитектор П.М. Еропкин и советник А.Ф. Хрущов. Памятник выполнен по проекту профессора М.А. Щурупова и установлен в 1885 году.

К 1715 году церковь во имя преподобного Сампсония Странноприимца считалась одной из богатейших в новой столице. В статье В.Н. Елесина «Сампсониевский храм в С.-Петербурге и его древности. (По поводу 200-летия существования храма)», опубликованной в «Русском паломнике» в 1909 году отмечалось: «В Сампсониевской церкви хранились личные дары царя Петра Алексеевича, а именно: ризы «камчатые, красные» <...> Среди достопримечательностей храма обращает на себя далье внимание весьма оригинальная дарохранительница, сдлланная из чистаго серебра и помѣщенная на главномъ престолѣ. Среди древних иконъ особенно замѣчательны: иконы Толгской Божіей Матери, ярославскаго письма и Тихвинской Божіей Матери в серебряной ризе, древній образъ Николая Угодника. Очень интересна грандіозная картина Страшнаго суда, фряжскаго письма.

Замѣчательно печатное Петровское Евангеліе 1703 года, кievскаго изданія. Впередѣ текста помѣщены вирши, посвященныя наслѣднику цесаревичу Алексѣю Петровичу. Красивы двѣ громадныя размѣровъ Елисаветинскія рамы 1763 г., въ стилѣ «рококо». Въ одной изъ нихъ помѣщается Николино житіе, въ другой Иванъ Воинъ и преподобный Михѣй» [6].

Строительство на Выборгской сторонѣ каменной церкви было вызвано рядом причин: с одной стороны, увеличившійся приход уже не мог разместиться в церкви при ее небольших размерах, а с другой стороны она стала разрушаться. К 1732 году императрица Анна Иоанновна вновь объявила Петербург столицей, и картина архитектурно-строительной деятельности периода царствования Петра II значительно меняется. Заново учреждается строгий контроль за соответствием внешнего вида возводимых зданій парадному облику столицы. Естественно, что мемориальная церковь в ознаменованіе одной из славнейших побед русскаго оружія не могла носить черты «провинціальной архитектуры».

Началом строительства каменной церкви принято считать 1725 год: «нынѣ существующая каменная церковь начата постройкой въ 1725 году, въ годъ смерти Петра Великаго. Построена она немного въ сторонѣ отъ прежняго деревяннаго храма, на мѣстѣ котораго въ настоящее время находится небольшая каменная часовня съ каменнымъ образомъ Св. Троицы» [7].

В исследованиях по исторіи строительства каменнаго Сампсоніевскаго храма можно отметить два періода: с 1728 по 1733 гг., когда заканчивается строительство перваго объема собора, и с 1732 по 1740 гг., когда возводится вторая, восточная часть собора и воздвигается каменная колокольня. В 1737 году деревянная церковь была окончательно разобрана.

19 августа 1740 года новая церковь с главным алтарем во имя преподобного Сампсония Странноприимца была освящена о чем свидетельствует памятная доска, а в 1761 году в связи с украшением храма деревянным пятиглавием было окончательно завершено строительство каменного храма [8]. Он отличался от других храмовых сооружений северной столицы сочетанием допетровских и европейских архитектурных форм. Общий стиль храма исследователи относят к архитектурному направлению первой половины XVIII в. – аннинскому барокко. Вместе с тем, завершение колокольни собора восьмигранным шатром с окнами-«слухами» – редкий случай в северной столице, но типичный в зодчестве Москвы, Ярославля и Соликамска XVI-XVII веков.

Наряду со святынями, описанными ранее, следует обратить внимание на такие достопримечательности храма, как:

- золоченый пятиярусный деревянный иконостас освященный во имя преподобного Сампсония Странноприимца и занимающий всю восточную часть храма (ширина иконостаса – 13,6 м, а высота в средней части – 11,2 м.) Иконостас изготовлен из сосны, а золоченая скульптура вырезана из липы, всего в иконостасе размещено 56 золоченых скульптур и 42 золоченые резные рамы, каждая из которых имеет свой неповторимый орнамент и является самостоятельным произведением искусства. Иконостас Сампсониевского собора признан шедевром русской резьбы XVIII века;

- резные Царские врата с шестью иконными рамами, украшенные разнообразным орнаментом: раковинами, побегами и листьями аканта, пальмовыми ветвями, цветами, картушами, головками Херувимов;

- Лицевые Святы XVIII века с изображением святых и церковных праздников, считающиеся одними из самых крупных в Санкт-Петербурге;

- храмовые иконы собора «Образ Св. Николая Чудотворца в житии» с 32 клеймами со сценами из жизни и чудесами святого и «Михаил Мален и Иоанн Воин». Иконы обрамлены в «красивые двѣ громадныхъ размѣровъ Елисаветинскія рамы 1763 г., въ стилѣ «рококо» [9];

- посеребренное паникадило, изготовленное русскими мастерами из меди и бронзы и представляющее редкий образец сохранившихся церковных светильников XVIII века. Светильник шестиярусный, имеет навершие в виде креста и шаровидное завершение, украшено орнаментами в виде стилизованных цветов, ветвей и листьев;

- изображение Петра I в люнете западной стены центрального предалтарного нефа. Роспись выполнена по штукатурке масляными красками неизвестным живописцем и датируется 1740 годом. Вот что об этом сообщается в статье «Слухи и вести»: «на западной стѣнѣ при входѣ въ храмъ находится изображеніе Петра Великаго. Императоръ представленъ стоящимъ въ лагерной палаткѣ, съ открытою головою, въ рыцарской одеждѣ и порфирѣ; подлѣ императора столъ, на которомъ лежитъ корона, скипетръ и держава; по сторонамъ шлемъ, кирасы, знамена, барабанъ, пушка и пирамида ядеръ» [10]

Начиная с 1890 года, наряду с празднованием Полтавской победы в северной столице отмечались и юбилеи храма во имя преподобного Сампсония Странноприимца. Правда «въ 1809 г. Россія, и Европа изнемогали подъ гнетомъ наполеоновскихъ войнъ и полтавскій юбилей не былъ особенно замѣтенъ.» [11], отмечалось в журнале «Родина» в 1909 году.

Однако, 150-летие храма было отмечено торжественным богослужением и, что особенно важно, изданием «Краткого описанія С.-Петербургской Сампсоніевской церкви, что на Выборгской сторонѣ, съ исторіею ея прихода. Къ полусторастолѣтнему юбилею цѣркви» подготовленного священником Александром Владимірским.

Особо отмечено было историческое значение Сампсоніевскаго храма в 1909 году, когда вся Россія отмечала 200-летие Полтавской победы. В феврале 1908 года был создан временный Комитет «по организаціи празднованія 200-лѣтняго юбилея съ основанія Сампсоніевскаго храма въ С.-Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ». Комитет провел 48 пленарных заседаній. Председателем Комитета был избран Священник Владимир Покровский, который обратился к отцу Протопресвитеру военного и морскаго духовенства А.А. Желобовскому со следующим «Воззваніем» [12]:

«Ваше Высокопреподобіе! 27-го іюня слѣдующаго 1909 года исполняется 200 лѣтъ со дня Полтавской побѣды, въ память которой повелѣніемъ Императора Петра I заложень на Выборгской сторонѣ города С.-Петербурга Сампсоніевскій храмъ. Въ своихъ царственныхъ заботахъ о Сампсоніевскомъ храмѣ, Государь Императоръ 19-го іюня текущаго 1908 года соизволилъ Высочайше разрѣшить Временному Комитету по организаціи 200-лѣтняго юбилея сего храма всероссійскую подписку на реставрацію храма, какъ историческаго памятника. Означенный Комитетъ имѣетъ честь обратиться къ Вашему Высокопреподобію съ усерднѣйшей просьбой.

Вам, Ваше Высокопреподобіе, дорого Отечество, дороги воспоминанія о славныхъ дняхъ исторіи его, на которыхъ отдыхаетъ сердце каждаго человѣка, дороги конечно и памятники великихъ событій Родины, къ которымъ по всей справедливости относится Сампсоніевскій храмъ. Помогите-же своимъ высокимъ вниманіемъ и просвѣщеннымъ содѣйствіемъ реставрировать его и привести въ тотъ благолѣпный видъ, который радоваль бы сердце каждаго русскаго человѣка, любящаго свою Родину и ея прошлыя славныя судьбы.

Посодѣйствуйте успѣху во вѣренномъ Вашему Высокопреподобію вѣдомствѣ Высочайше разрѣшенной подписке и за это Вамъ скажетъ спасибо русскій народъ.

Прѣдседатель Комитета Священникъ Владиміръ
Покровскій»

Основной целью, которую Комитет ставилъ передъ собой, было «опредѣлить и произвести необходимыя работы по ремонту и отдѣлкѣ Сампсоніевскаго храма, изыскать для этого средства, имѣть хозяйственный и техническій надзоръ за производствомъ работъ и организовать самое юбилейное торжество» [13].

Комитетъ состоялъ изъ четырехъ Комиссій (ревизионной, строительной, издательской и архивно-музейной), находился подъ покровительствомъ Митрополита Санкт-Петербургскаго и Ладожскаго Антонія и наблюденіемъ Императорской Археологической Комиссии. Въ составъ Комитета входили высокопоставленные чиновники Высочайшаго двора, священнослужители, представители прихода и почетные прихожане Сампсоніевскаго собора, архитекторы, художники инженеры. Непосредственно работами руководилъ архитектор Санкт-Петербургской епархіи Андрей Петровичъ Аплаксинъ.

В период с 25 февраля 1908 года по 18 марта 1910 года, т.е. спустя почти полгода после празднования юбилея, «Комитет имѣлъ сорокъ восемь пленарныхъ заседаній в томъ числѣ два чрезвычайныхъ. Кромѣ пленарныхъ заседаній, были заседания состоявшихъ при Комитѣте Комиссій, а именно: Ревизионная Комиссія имѣла 18 засѣданій, Строительная Комиссія 24 засѣданія, Издательская Комиссія 7 засѣданій и Архивно-музейная – 2,» [14].

Средства Комитета состояли из наличных средств и пожертвований, в частности, наличные средства были предоставлены: Его Императорским Величеством, Государем Императором Николаем II – 3 000 руб., Капитулом Российских императорских и Царских орденов – 25 тыс. руб., Санкт-Петербургской Городской Думой – 25 тыс руб., Свято-Троицкой Александро-Невской лаврой – 3 тыс. руб., по Высочайше разрешенной подписке – 25 тыс. 737 руб. 95 коп. Всего средства Комитета составили 120 тыс. 858 руб. и 66 коп. Расходы Комитета были направлены на три статьи: внутренняя реставрация, наружные реставрационно-ремонтные работы и организация юбилейных торжеств и прочие расходы. К 200-летию юбилею были отреставрированы три иконостаса, сень и престол главного придела, киоты и церковная утварь, восстановлены иконопись и художественная роспись, проведено золочение главок и крестов колокольни и храма.

Выполнены две иконы для фасада колокольни и изготовлены две мраморные, одна медная и четыре чугунные доски с соответствующими историческими надписями. Всего на реставрацию истрачено 54 тыс. 646 руб. 25 коп. На реставрационно-ремонтные работы израсходовано 39 тыс. 876 руб. 74 коп. и выполнены работы

по оборудованию центрального отопления и электрического освещения храма, проведен водопровод, оштукатурены и окрашены стены храма и колокольни, застеклены образа в нижнем ярусе иконостаса, покрыт линолеумом пол в соборе, осуществлены канализационно-мостовые работы по фасаду храма и внутри церковной ограды и проделаны работы по устройству церковного сада. В список работ по организации юбилейных торжеств вошли издание юбилейного альбома с историческим описанием храма, фотографирование храма и его отдельных частей, вознаграждение архитектора и пр., всего на сумму 16 тыс. 385 руб. 67 коп. Весь же расход Комитета составил 110 тыс. 858 руб. 66 коп. Согласно постановлению собрания Комитета от 12 января 1910 года, остаток денежных сумм в Комитетской казне в размере 10 тыс. руб. поступил в собственность Сампсониевского собора и наименовался «Реставрационный фонд имени Комитета по организации и празднования 200-го лѣтняго юбилея основанія Сампсоніевскаго храма, заложеннаго ИМПЕРАТОРОМЪ ПЕТРОМЪ I-мъ въ память Полтавской побѣды» [15].

17 марта 1909 года Указом Императора Николая II в честь 200-летия Полтавской победы храму был присвоен статус собора. В дни празднования 200-летнего юбилея Сампсониевского собора состоялись еще два важных события: 10 июля, через несколько дней после освящения обновленного и отреставрированного храма на южном и северном фасадах колокольни были установлены чугунные мемориальные доски с текстами речей Петра I к воинам-участникам Полтавского сражения и открыт памятник Петру I, выполненный по модели знаменитого скульптора М. М. Антокольского архитектором Н.Е. Лансере и отлитый на средства семьи Шереметевых.

Однако в 1937 году памятник был демонтирован. В честь 300-летия Санкт-Петербурга, в мае 2003 года, на свое историческое место возвратился воссозданный на средства Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» монумент великому преобразователю России. Он был отлит в мастерских Политехнического института с авторской модели, хранящейся в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств.

В период до 1918 года Сампсониевский собор находился в ведении Правительствующего Синода и местное руководство осуществлял Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский. С 1918 по 1938 годы собор перешел в ведении Управления Заместителя Патриаршего Местоблюстителя в Москве и Ленинградского Митрополита.

20 марта 1935 года Решением Центрального исполнительного комитета РСФСР Сампсониевский собор признан историческим и мемориальным памятником и взят под охрану государством. В 1939 году Сампсониевский собор был передан отделу охраны памятников Управления по делам искусств Ленсовета. В период с 1940 по 1947 год здание Сампсониевского собора арендовали Государственный Эрмитаж, затем – до 1970 года библиотека Академии наук и Ленинградская Оптово-закупочная база Главунивермага. 2 ноября 1970 года Постановлением № 832 Исполкома Ленгорсовета Сампсониевский собор был передан Государственному мемориальному музею А.В. Суворова для создания постоянной музейной экспозиции «История русского оружия в годы Северной войны. 1700-1721 гг.».

С этого времени для храма-памятника начинается период музеефикации. В годы, когда Сампсониевский собор находился в составе Государственного мемориального музея А.В. Суворова, было сохранено почти две трети иконописных произведений храма. Позднее 75 отреставрированных икон заняли свои исторические места.

16 февраля 1984 года решением № 108 Исполкома Ленсовета собор Сампсониевский собор, наравне с Исаакиевским собором и храмом Воскресения Христова (Спасом на крови) вошел в состав Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор».

Для создания в храме историко-художественной экспозиции, с 1986 по 1999 годы в соборе проводятся крупномасштабные реставрационные и ремонтные работы, позволившие сотрудникам музея подготовить экспозицию «Полтавская баталия» и музей-памятник «Сампсониевский собор» открыл свои двери для посетителей.

За годы, предшествующие открытию выставки, были отреставрированы и возвращены на свои исторические места 22 иконы южного и 18 икон северного иконостасов, 12 икон Лицевых Святцев, восстановлены декоративные росписи главного придела, отреставрировано медное посеребренное паникадило и изготовлены 3 новых паникадила, осуществлены ремонтно-восстановительные работы в здании собора, часовни и колокольни, надгробного памятника на могиле «Врагам Бирона». Как отмечалось ранее, в дни празднования 300-летия Санкт-Петербурга на свое историческое место вернулся памятник Петру I.

В 2009 году исполняется 300-лет со дня основания Сампсониевского собора. К этому событию в музее проводятся значительные реставрационные и ремонтно-восстановительные работы. Особое место занимает реставрация внутреннего декоративно-

художественного убранства собора. Начиная с января текущего года, в интерьер собора вернулись храмовые иконы XVIII в. «Тихвинская Богоматерь» и «Коронавание Богоматери», а в шатер отреставрированной сени главного алтаря – четыре композиций XVIII в., изображающие Крестные страдания Иисуса Христа и пятая композиция – Святой Дух, продолжается золочение деталей Северного и Главного иконостаса. К юбилею храма полностью проведена реставрация его фасадов и осуществлена художественная подсветка интерьера.

Как действующая церковь Сампсониевский собор был закрыт 20 июля 1938 года. Начиная с 2005 года в Сампсониевском соборе вновь возносится молитва к Господу, совершаются Божественные литургии, крестные ходы и чины водосвятия, в храме создан приход. Это стало возможным на основании «Соглашения о социальном партнерстве Санкт-Петербургской Епархии Русской Православной Церкви (Московский Патриархат) и Государственным музеем-памятником «Исаакиевский собор».

Сегодня Сампсониевский собор вместе с Исаакиевским, Воскресенским Смольным соборами и храмом Воскресения Христова (Спасом на крови) входит в состав Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», в нем реализуются музейные проекты. В Сампсониевском соборе звучит русская духовная музыка, проводятся занятия по программе «Знакомство с православным храмом» проекта «Музей – школе», проходят научно-практические конференции и интерактивные праздники-концерты.

Свое 300-летие Сампсониевский собор встречает обновленным и в этом немалая заслуга сотрудников музея, которые продолжают делать все для того, чтобы удивительный храм-памятник воинской славы сохранился для будущих поколений.

Литература

1. Покровский В. Сампсониевский храм как исторический памятник. – СПб., 1909. – С. 3.
2. Владимирский А. Краткое описание С.-Петербургской Сампсониевской церкви, что на Выборгской сторонѣ, съ исторіею ея прихода. Къ полусторолѣтнему юбилею цѣркви. – СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонскаго, 1890. – С. 31.
3. Там же.
4. Слухи и вѣсти // Недѣля строителя, 1890, № 31. – С. 216-217.
5. Там же.
6. Елесин В.Н. Сампсониевский храм в С.-Петербурге и его древности. (По поводу 200-лѣтія существованія храма) // Русский паломник, 1909, № 26. – С. 416.
7. Там же.
8. Воинов В.С., Денисов В.Д., Лебедев Г.С. Реконструкціи Сампсониевскаго собора: проект // Строительство и архитектура Ленинграда, 1975, № 7. – С. 25.
9. Владимирский А. Краткое описание С.-Петербургской Сампсониевской церкви, что на Выборгской сторонѣ, съ исторіею ея прихода. Къ полусторолѣтнему юбилею цѣркви. – СПб.: Паровая Скоропечатня П.О. Яблонскаго, 1890. – 70с.
10. Слухи и вѣсти // Недѣля строителя, 1890, № 31. – С. 216-217.
11. Памяти Полтавы // Родина, № 26, 1909. – С. 407.
12. Распоряженія О.Протопресвитера военнаго и морскаго духовенства. Воззваніе. Временнаго комитета по организациі празднованія 200-лѣтняго юбилея съ основанія Сампсоніевскаго храма въ С.-Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, на имя о. Протопресвитера А.А. Желобовскаго // Вѣстникъ военнаго духовенства, 1908, № 21. – С. 643.
13. Отчетъ Комитета по организациі и празднованія 200-тъ лѣтняго юбилея основанія Сампсоніевскаго храма, заложенаго Императоромъ Петромъ I-мъ въ память Полтавской побѣды 1709 года 29-го Іюня. – С.-Петербургъ, типографія Алекс. Невск. общ. трезвости, Обводный кан., д. 116, 1910. – С. 3.
14. Там же. – С. 6.
15. Там же. – С. 7-13.

Л.И. БЕЛЕЦКАЯ

ИЗ ИСТОРИИ ГЕРБА ПОЛТАВСКОЙ ГУБЕРНИИ

Территориальный герб является своеобразным художественно-графическим паспортом земли, составленный по определенным правилам и утвержденный верховной властью. Согласно нормам геральдики, основная часть герба – это щит различной конфигурации, на который помещены опознавательные знаки края, области, города. Как правило, это яркие, символические рисунки. Они могут представлять природные богатства края, этнические особенности населяющих его людей, хозяйство, экономику, занятия населения. Иногда в них находят отображение местные легенды, а нередко – знаменательные исторические события. К числу таких гербов следует отнести герб Полтавской губернии 1878 г., прообразом которого явился герб Полтавы 1803 года. Его композиция посвящена Северной войне 1700 – 1721 гг. и, прежде всего знаменитой Полтавской битве.

Разработка герба относится к началу 20-х годов XVIII века. Это время создания территориальной геральдической системы России. В связи с реформой армии, проводимой Петром I, создание территориальных и городских гербов становится делом государственной важности. Воинские формирования получают наименования мест своих дислокаций: губерний и городов, эмблемы которых помещаются на знаменах и военной атрибутике. Составление территориальных гербов поручается учрежденной в 1722 году Петром I Герольдмейстерской конторе [1].

Важную роль в формировании российской геральдической системы сыграл приглашенный императором на должность товарища (заместителя) герольдмейстера знаток западноевропейской

геральдики граф Франциска Санти. Став у истоков российского герботворчества, Ф. Санти придал русской геральдики западно-европейский стиль. Именно он водит в русскую геральдику французскую форму герба, а в его иллюстративную часть закладывает принцип отражения исторических, географических, этнографических, хозяйственных и природных особенностей местности посредством стилизованных элементов. С учетом требований Ф. Санти Герольдмейстерская контора составила и разослала на места «вопросник» с запросами о предоставлении подробного описания каждой местности и ее особенностей. Согласно полученным ответам было создано несколько десятков российских гербов. Одновременно получили новые гербы либо сохранили за собой прежнюю символику города Левобережной Украины, отошедшие по условиям Андрусовского перемирия (1667 г.) к России.

Полтава уже имела собственный герб, полученный в польский период истории города. На голубом поле щита находился золотой лук с натянутой стрелой, направленный острием к земле. По углам щита располагались четыре шестигранные золотые звезды. Основной фон герба – лазоревый или синий тон. Нередко цвет в символике герба, как и само изображение, получал национальное, политическое, историческое звучание. В украинской символике синий цвет как гетманский появился с середины XVII века. Вероятно, он был введен в оборот по аналогии с государственным цветом молдавских господарей, которые как подданные турецкого султана не имели право использовать красный цвет. Одновременно синий цвет в геральдике мог означать покой и мир, равно как и стрела, направленная к земле. Что же касается шестигранной звезды – знака Бога Тангры, то этот знак использовали многие народы в различных эмблемах. Представители многих знатных украинских родов помещали ее в свои гербы.

Однако данный герб не получил подтверждения в Герольдмейстерской конторе, как не отвечающий исторически сложившемуся героическому образу города. К началу XVII века возглавляемая казачеством освободительная война против польской оккупации превратила Полтаву в военно-административный центр Полтавского полка в составе гетманской Украины (1648 – 1775 гг.). Вся территория Полтавы была разделена территориально на военные единицы – полки. Отражая нападение крымских татар, город возводит дополнительные укрепления, становится труднодоступной крепостью. В июне 1709 года Полтавская крепость встала на пути идущей через Украину на Москву армии шведского короля Карла XII. Ее обороняли три российских полка под командование полковника А.С. Келина. На протяжении трех месяцев гарнизон крепости вместе с местным населением сдерживал атаки неприятеля до подхода основных сил российской армии во главе с Петром I. 27 июня 1709 г., в ходе решающей битвы, в которой приняли участие и казацкие полки, армия Карла XII была разбита.

Историческое сражение под Полтавой нашло отражение в рисунке герба города. Считается, что в его разработке участвовал Ф. Санти. В щите, разделенном косым крестом на четыре части, представлено сверху: на красном фоне – два скрещенных меча; справа, на серебряном поле – знамя с российским гербом, слева – растущая пальма; в четвертой, нижней, голубой части – каменная пирамида, в основании которой свернувшаяся кольцом змея. Композиция герба прославляла победу российской армии над шведскими войсками в Полтавской битве. Скрещенные шпаги повествовали о знаменательном сражении 1709 г. Красный цвет, в данном контексте указывал на кровопролитную битву. Российский штандарт подтверждал, что именно Россия одержала победу в сражении. Что же касается изображения пальмы, то пальмовая ветвь считалась символом долговечности еще в Египте и Месопотамии.

В Древней Греции и Риме она получила еще и значение мира и высшей награды за победу. В гербе Полтавы растущее дерево пальмы обрело сразу два смысла. Это и знак победы, одержанной русской армией над армией Карла XII, и долговечный мир, установившийся на полтавской земле. Каменная пирамида и изображение вечности – змея, держащая в пасти свой хвост, – символизировали памятник павшим в битве героям.

Следует отметить, что официальное утверждение герба города происходит только 22 мая 1803 года [2]. К этому времени Полтава стала уже уездным городом Полтавской губернии. И герб города фактически являлся гербом губернии. В дальнейшем корректировка герба Полтавской губернии происходит спустя 70 лет. Реформы, проводимые в России при императоре Александре II, не могли не коснуться геральдических правил. Поправки к ним разрабатывались еще при Николае I. В Департаменте Геральдики при правительствующем Сенате организуется Гербовое отделение. С 1857 года его управляющим назначается Б.В. Кене, создавший в 1856 году Большой Государственный герб Российской империи. Он разработал новые правила, предусматривающие приведение российских родовых и территориальных гербов в соответствие с нормами европейской геральдики.

Большое внимание уделяется унификации элементов обрамления щита. Правилами «...украшений гербов губерний, областей, градоначальств, городов и посадов» от 1857 года структура оформления щита строго регламентируется. Гербы губерний и столиц венчает императорская корона, гербы древнерусских городов, центров бывших великих княжеств – царская шапка Мономаха, гербы уездов, областей, градоначальств – древняя царская корона. От статуса территории зависели и другие элементы оформления. Золотые дубовые листья в виде венков, перевитых голубой Андреевской лентой, предназначались для гербов губерний, Александров-

ская лента с двумя молотками – для промышленных городов. 5 июля 1878 года утвержден герб Полтавской губернии, составленный по правилам компоновки губернских гербов, предложенным Б. Кене. Новый герб стал более лаконичным, сохранив при этом почти всю знаковую символику герба 1803 года. В LIII томе «Полного собрания законов Российской империи» содержалось следующее описание герба: «В золотом щите, черный треугольный памятник, украшенный золотой кольцеобразной змеею. За памятником, два зеленых знамени, с золотым коронованным вензелевым изображением Имени Императора Петра Великого; древки червлёные с остриями от копья. Все сопровождается, в главе щита, двумя косвенно, на крест положенными червлёными мечами. Щит увенчан Императорскою короною и окружен золотыми дубовыми листьями, соединенными Андреевскою лентою». Главное изменение претерпел только фон герба. Золотое поле щита, заменившее сложный прежний фон: красный, серебряный и голубой, указывал на могущество и богатство края. Составные элементы рисунка обрели большую выразительность. Так, знамена с вензелем Петра I удостоверяли участие императора в самой битве.

Герб Полтавской губернии использовался до 1917 года. Кроме печатей, его изображение можно было встретить на фасадах ряда общественных зданий. В 1906 году иллюстративная часть герба, выполненная в технике мозаики, была установлена на фасаде колокольни храма Воскресения Христова в Санкт-Петербурге [3]. Герб Полтавской губернии был включен в геральдическую коллекцию собора, которая представляла гербы губерний, областей и городов, жители которых внесли пожертвования на строительство храма-памятника императору Александру II. Мозаичные символические изображения стали не только красочным оформлением звонницы храма. Они являются уникальным пособием по геральдике земель, входящих в состав Российской империи

конца XIX – начала XX вв. Их набирали в первой частной мастерской Фролова, с 1897 по 1904 гг. По трудоемкости и сложности исполнения гербы храма не уступали созданию живописных миниатюр. Большую часть живописных эскизов к ним, в том числе и герба Полтавской губернии, подготовил знаток русской геральдики академик живописи Павел Андреевич Черкасов. С 1869 по 1892 годы он состоял живописцем при Департаменте Геральдики [4]. Учитывая специфику мозаичного набора, исключаящую дробность и детализацию рисунка, Черкасов отказался от богатого красочного обрамления гербов. В результате в мозаичных гербах храма Воскресения Христова геральдический щит был заменен квадратом, представляющим только ее внутреннюю, иллюстративную часть с присущей ей стилизацией, геральдической ориентацией фигур и цветовой гаммой. Это не умаляет достоинства представленной коллекции, которую отличает художественная, историческая, информационная ценности. В этом отношении особенно показателен герб Полтавской губернии. В образной форме мозаичная композиция герба отражает Полтавскую битву, ставшую переломным моментом Северной войны и на многие десятилетия определившая судьбы России и Украины.

Литература

1. Соболева Н. А.. Российская городская и областная геральдика XVIII – XIX вв. – М.: Наука, 1981. – С 56.
2. Винклер П.П.. Гербы городов, губерний, областей и посадов Российской империи. Ротапринт. изд-е. – М.: Планета, 1990. – С.122.
3. РГИА, Ф. 1293, ОП. 103, Д. 107. - С. 67.
4. РГИА, Ф. 789, ОП. 14, Д. 6. - С. 2-4.

В.Г. БОНДАРЧУК, Ю.С. УШКОВА

**ИНТЕРЕСНЫЕ ОТКРЫТКИ ИЗ СОБРАНИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО МУЗЕЯ-ПАМЯТНИКА
«ИСААКИЕВСКИЙ СОБОР»
(К ВОПРОСУ О КОМПЛЕКТОВАНИИ КОЛЛЕКЦИИ)**

Видовые и художественные открытки относятся к источникам об исторических сведениях и являются предметом коллекционирования. Собrania открыток имеются в фондах многих музеев, а в некоторых их количество измеряется пятизначными числами.

Особый интерес вызывают видовые открытки, их активно используют в издательской и музейно-выставочной деятельности, в качестве документальных свидетельств. Для крупных музейных собраний все более актуальными становятся вопросы публикации каталогов и справочных указателей.

Невысокая стоимость почтовых карточек делает их коллекционирование вполне доступным и необременительным. В целом их цена определяется тем, что с развитием печатных технологий в конце XIX века почтовые карточки, в основном, выпускаются значительными тиражами и становятся широко доступными. Кроме этого, на стоимость почтовых карточек влияют время изготовления, техника, тираж, наличие интересных надписей, подписей или штампов.

В последние годы интерес к изучению открыток возрастает. Публикуются статьи, книги, каталоги выставок и коллекций [1, 2]. Отдельно можно отметить ряд изданий, посвященных открыткам с видами Санкт-Петербурга и его пригородов [3-8].

Интересные сведения об истории открытки даны в книге известного филокартиста Николая Спиридоновича Тагрина, собравшего в своей коллекции 690 тысяч почтовых карточек.

Первые в мире открытки, так называемые «открытые письма», были выпущены австрийским правительством 22 сентября 1869 г. Они не имели никаких изображений и представляли собой листки желтоватой бумаги размером 123x83 мм с почтовой маркой лимонного цвета достоинством в 2 крейцера в правом углу. Первую художественную открытку выпустил 16 июля 1870 года книготорговец Шварц из Ольденбурга. Первые иллюстрированные открытки были черно-белыми, а в конце XIX века появляются цветные почтовые карточки. Первоначально на Всемирном почтовом конгрессе был установлен единый международный стандарт открытого письма – 90x140 мм., а с 1925 года официально введен новый размер – 105x 150 мм. [9].

Для атрибуции открыток принципиальное значение имеют две даты: первая – 1904 год, когда была введена разделительная черта на оборотной стороне открытых писем в России и других странах, и вторая – 1909 год, когда на обороте открытого письма появилась надпись «почтовая карточка». Даты, проставленные на почтовых штемпелях и тексты письменных сообщений определяют верхнюю границу издания [10]. Дополнительные сведения дает и анализ изображений: наличие или отсутствие тех или иных архитектурных сооружений и т.д.

В представленном обзоре собрания открыток, находящемся в фондах Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор», дается краткая характеристика основных особенностей и художественных качеств открыток, а также возможностей их использования для издательской и экспозиционной деятельности музея.

Собрание открыток музея было значительно увеличено за последние годы, и в настоящее время насчитывает около ста единиц. В нем имеются как фотографические карточки, черно-белые или подцветенные, так и художественные видовые открытки, в основе которых лежат рисунки, акварели, гравюры на дереве.

В основном открытки посвящены четырем соборам, входящим в состав нашего музейного комплекса. Однако топографические рамки собрания не ограничиваются только изображением четырех соборов. С 1950-х гг. в фонде хранятся фотографические открытки с изображениями ряда других храмов. Хронологические рамки собрания охватывают период с конца XIX в. (выпуск первых известных открыток с видами Исаакиевского собора) до 1950-х гг.

В коллекции открыток следует в первую очередь отметить «документальные» открытки – фотографические почтовые карточки. Такие открытки являются ценными документальными источниками, позволяющими уточнять наши сведения о памятниках, а также узнать о том, как выглядела в ту или иную эпоху территория вокруг храма. В то же время большинство этих открыток являются высокохудожественными фотографиями городских пейзажей, для которых собор служит высотной доминантой. Такие открытки дают представление о том, как соборы воспринимались в творческом сознании художников давно ушедших лет.

Значительная часть открыток из собрания музея посвящена Исаакиевскому собору.

Среди дореволюционных фотографических открыток с изображением Исаакиевского собора много таких, на которых главным на изображении является сам собор, запечатленный со стороны Александровского сада. Например, это открытка

с изображением северного фасада собора и части Александровского сада. Как видно на открытке, планировка видимой части сада близка к современной и отличается только обилием высокого кустарника, растущего вдоль Адмиралтейского проспекта прямо напротив собора. Эта открытка имеется в двух вариантах – черно-белая (после 1909 г.) и раскрашенная (между 1904 и 1909 гг.), последняя издана известной шведской фирмой «Гранберг», много работавшей на экспорт и до 1917 года выпускавшей многочисленные открытки с видами русских городов. Можно предположить, что вышеназванная почтовая карточка принадлежит этой серии.

Интересные виды Исаакиевского собора представлены еще на нескольких черно-белых и одной раскрашенной открытке, выпущенных в период между 1904 и 1909 гг. и на открытке, изданной типографией А. Кононова в Петрограде после 1914 г.

Очень интересны открытки, на которых собор запечатлен все с той же точки: приблизительно с дорожки, отделяющей территорию, окружающую памятник Петру I. На открытках перед собором нет лужайки и кустарников вдоль проспекта, а на их месте находится не сохранившееся до наших дней садово-парковое сооружение, значительно меняющее облик этой части сада (издательство «Ришар», Санкт-Петербург, черно-белая, между 1904 и 1909 г. и цветная, после 1909 гг.).

Наряду с перечисленными открытками в собрании имеется ряд почтовых карточек, на которых Исаакиевский собор представлен с набережной Невы или с Васильевского острова.

Например, на двух открытках (черно-белая, между 1914 и 1920 гг. и раскрашенная, не позднее 1908 г.) на которых Исаакиевский собор сфотографирован с набережной перед зданием Сената, можно рассмотреть совершенно иную планировку участка между памятником Петру I и Адмиралтейством. Эта же территория хорошо видна и на раскрашенных дореволюционных открытках, изображающих «Медный всадник» (издательство «Ришар», Санкт-Петербург, между 1904 и 1909 гг.) и здания Сената и Синода (издательство В. Пфистера, Санкт-Петербург, между 1904 и 1909 гг.). Еще на одной открытке, изданной фирмой «Ришар» между 1904 и 1907 годами, Исаакиевский собор снят от здания Сената, и виден не только угол Александровского сада с непривычным озеленением, но и вся западная часть Исаакиевской площади и сквера на ней. Почти в таком же ракурсе собор изображен и на поздравительной рождественской открытке (после 1909 г.): на первом плане, возле Сената, движутся экипажи, спешащие в начинающихся сумерках, а клонящееся к закату зимнее солнце подвечивает купола, высящиеся как бы над облаками.

В фонде музея находится ряд фотооткрыток, выпущенных в советское время. Например это открытка, где Исаакиевский собор сфотографирован с Университетской набережной (издательство «Искусство», черно-белая). Интересно отметить, что тираж этой открытки составлял 200 тысяч штук.

Для коллекции музея ценность представляет открытка, выпущенная тиражом 10 тысяч экземпляров в блокадном Ленинграде к 240-летию со дня основания города: с Университетской набережной, от здания Академии художеств запечатлены сфинкс, зимняя Нева и лаконичный силуэт собора (А.П. Остроумова-Лебедева, гравюра на дереве, издательство «Искусство», 1943 г.).

На двух раскрашенных открытках (между 1909 и 1919 гг., и между 1909 и 1915 г.) Исаакиевский собор представлен с северо-западной стороны, но уже совсем издали, с верхних этажей дома на углу Николаевской набережной (ныне - набережной Лейтенанта Шмидта) и 7-й линии Васильевского острова. На первом плане видны несколько электрических трамваев, множество конных экипажей и каменная часовня возле моста. Видна и стройная часовенка на самом Николаевском мосту. Отметим, что цветовая гамма зданий на Английской набережной не соответствует их современной окраске. Интересной представляется деталь на открытке 1915 г.: нижние конструкции Николаевского моста представлены в черном цвете, а на более поздней открытке они уже выкрашены охристо-красной краской.

Необычен вид на цветной открытке (издательство В. Пфистера, Санкт-Петербург, между 1909 и 1914 гг.), представляющей Исаакиевский собор издали, но уже с другой, с северо-восточной стороны. На первом плане – лодка с двумя моряками на Неве, старый Дворцовый мост на деревянных опорах, а за мостом видны Адмиралтейство и набережная. На обороте открытки короткое пасхальное поздравление, адресованное капитану французского военного флота.

Романтичным и таинственным кажется ночной пейзаж с Исаакиевским собором вдаль, снятый со стороны Университетской набережной (между 1904 и 1909 гг., черно-белая). Эта открытка была отпечатана в известной петербургской типографии «Р. Голике и А. Вильборг», находившейся на Звенигородской улице, д. 11.

Здесь следует отметить, что эта типография была тогда одной из лучших русских типографий. Большинство известных издательских фирм в конце XIX – нач. XX века владели иностранцы. В частности, фирмами «Шерер, Набгольц и К°», «Ришар» и целым рядом других владели немцы, издательство «Дациаро» принадлежало итальянцу, а известная фирма «Гранберг» – шведу [11].

На обороте вышеописанной открытки имеется штамп с надписью «В пользу общины св. Евгении». Кстати, первые русские художественные открытки были выпущены именно Попечительским комитетом о сестрах Красного Креста (Община св. Евгении). Эти открытки так и назывались – евгенинские.

Община святой Евгении была создана с целью оказания помощи больным и престарелым сестрам милосердия. Августейшей покровительницей общины была внучка императора Николая I, дочь герцога Люксембургского и великой княгини Марии Николаевны, принцесса Евгения Максимилиановна Ольденбургская. В честь ее небесной покровительницы Община и получила свое название. Е.М. Ольденбургской принадлежало предложение начать выпуск художественных открыток, средства от продажи которых пополняли казну Общины. Работа по организации издательства была возложена на Евдокию Федоровну Джунковскую, фрейлину императрицы Александры Федоровны. Всего издательство Св. Евгении, просуществовавшее до 1920 г., выпустило 6410 номеров открыток общим тиражом более 30 миллионов экземпляров.

На многих видовых открытках Исаакиевский собор служит ярким вертикальным акцентом, подчеркивающим горизонтальный характер застройки города и простор Невы.

Иначе смотрится собор на открытках, где он занимает значительное место в центре композиции и придает городскому пейзажу величавость и торжественность.

Мощь здания Исаакиевского собора подчеркнута на черно-белой фотографической открытке, выпущенной между 1904 и 1909 гг.: на западной стороне Исаакиевской площади еще нет громадного здания германского посольства, а находится старое одноэтажное здание посольства. Эта открытка интересна еще и тем, что на ней видна широкая ровная дорога, пересекающая по диагонали всю северную часть площади, от Вознесенского проспекта до старого, четырехэтажного здания, находившегося на месте нынешней гостиницы «Астория». Эти же два старых здания видны и на раскрашенной фотооткрытке, выпущенной уже после строительства современного здания посольства, о чем свидетельствует название «Петроград», присвоенное городу в 1914 г., но, по-видимому, с использованием старого негатива.

Еще на одной открытке видно новое здание посольства, со скульптурной группой Диоскуров на крыше, просуществовавшей менее двух лет (была уничтожена вскоре после начала первой мировой войны – прим. авт.), и новое, современное здание «Астории». Позднее, на открытке выпущенной ленинградским издательством «Ленфотохудожник» в 1952 г., Исаакиевский собор изображен в том же ракурсе.

Интересен вид на Исаакиевскую площадь с колоннады собора (между 1909 и 1911 гг., время выпуска определено по старому зданию германского посольства). Идет ремонт территории, примыкающей к Марининскому дворцу, и набережной Мойки в районе Синего моста, а на горизонте видны купола давно утраченных петербургских храмов.

Необычен и городской пейзаж, представленный еще на одной открытке (цветная, между 1904 и 1909 гг.). На обширном заснеженном пространстве Дворцовой площади видны редкие экипажи и автомобиль, а на заднем плане, как бы подчеркивая «распластанный» силуэт застройки города, устремляются в зимнее небо шпили Адмиралтейства и купол Исаакия.

Наиболее характерный пример дореволюционной открытки – вид на южный фасад собора, перед которым еще нет сквера, а по площади во всех направлениях движутся люди и экипажи (раскрашенная фотография после 1909 г.).

В ряду открыток, представляющих собор и Исаакиевскую площадь, нельзя не упомянуть два цветных рисунка – две открытки, выпущенные в блокадном Ленинграде. На одной художник В.А. Каменский представил пустынную заснеженную площадь, укрытый мешками с песком памятник Николаю I и намеченный серым контуром собор. Открытка была напечатана в ленинградском издательстве «Искусство» в 1943 году тиражом 1 800 экз. Эта скромная открытка была отправлена в Ленинград из Кировской области в январе 1944 г. за три недели до полного снятия блокады. На обороте письмо, из которого мы узнаем, что даже в тех тяжелых условиях жизнь продолжалась: наряду с новогодним поздравлением сообщается о том, что была выслана еще одна партия учебников. На второй – «Ленинградцы на огородах» (художник Г.П. Фитингоф, 1944 г.) – изображены грядки на месте сквера перед собором и женщины, сажавшие овощи.

В фонде Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» находятся открытки, посвященные и другим храмам-памятникам, входящим в состав музейного комплекса, в частности храму Воскресения Христова (Спас на Крови)

и Воскресенскому Смольному собору. Сампсониевский собор в открытках пока не представлен. На сегодняшний день удалось найти лишь карточку с изображением памятника Петру I у Сампсониевского собора (не позднее 1914 г., цветная), на которой можно увидеть и сам памятник, и территорию вокруг него.

За десять лет, прошедших со дня освящения храма Воскресения Христова (Спаса на Крови) было выпущено около 14 разнообразных фотооткрыток с его изображением. На большинстве собор сфотографирован в одном и том же ракурсе – с набережной Екатерининского канала, примерно с расстояния от 50 до 100 м. На этих открытках хорошо видны южный фасад и часть моста перед западным фасадом собора. Лишь на одной из открыток ракурс съемки несколько иной: видна вся набережная, дома напротив собора и полностью виден мост. Следует отметить открытку (издательство «Р. Голике и А. Вильборг», между 1904 и 1909 гг., цветная), на которой верхняя часть собора, возвышающаяся над крышами домов, предстает лишь частью городского пейзажа. На ней сквозь арочные проемы в увитой зеленью трельяжной решетке, обрамляющей террасу с рестораном на верхнем этаже «Гранд-отеля Европа», виден яркий, нарядный собор, подчеркивающий и удачность выбранного места съемки, и роскошь ресторана.

В ряду открыток с изображением храма Воскресения Христова (Спаса на Крови) имеются две очень редкие открытки с изображением памятника императору Александру II, который находился в Московском Кремле и представлял собой целый мемориальный комплекс. К сожалению, памятник был уничтожен на одном из первых коммунистических субботников. На обороте

одной (после 1909 г.) указаны техника исполнения и издатель – «Фототипия. Шерер, Набгольц и К°, Москва», на обороте другой (после 1909 г.) – только название памятника.

Воскресенскому Смоленскому собору посвящены две открытки, находящиеся в фонде музея. На обеих хорошо видно здание собора и ограда, которая соединяла некогда примыкавшие к собору флигели монастырского каре и отделяла территорию непосредственно перед входом в собор (сегодня ограда не сохранилась – прим. авт.) На одной (издательство «Шерер, Набгольц и К°», до 1904 г., фототипия, черно-белая) хорошо видны и сами флигели. На другой – пространство перед собором оживляют одноколка и трамвайчик, идущий по рельсам.

Наряду с открытками, посвященными храмам-памятникам, начинает формироваться собрание открыток, связанное с творчеством архитектора О. Монферрана. Так, на цветной дореволюционной карточке можно увидеть его первое архитектурное творение – дом Лобановых-Ростовских, точнее, ту его часть, которая обращена на Вознесенский проспект и ул. Гоголя. Ряд открыток представляет последний монумент, в создании которого он принимал участие – памятник Николаю I на Исаакиевской площади. Еще на одной почтовой карточке можно увидеть комплекс торговой ярмарки на берегу Оки, в Нижнем Новгороде, возведенный в 1818-1820 гг. при участии О. Монферрана. Интересно, что над ярмаркой возвышается Спасский (Староярмарочный) собор, построенный по проекту архитектора и напоминающий по внешнему виду и планировке Исаакиевский собор. С противоположной стороны площадь перед собором украшают Китайские ряды –

корпуса в духе китайской архитектуры, предназначенные для торговцев из Азии (эти корпуса, сильно обветшавшие, были разобраны в начале XX в. – *прим. авт.*). На черно-белой открытке (до 1904 (?) г.) корпуса китайских рядов сфотографированы в дни весеннего разлива Оки, когда вода поднималась до окон первого этажа: не видно ни мостовых, ни людей; только изящные здания, стилизованные в духе старинной китайской архитектуры, отражаются в спокойной воде, и не сразу улавливается зыбкая грань между реальной стеной и ее зеркальным продолжением.

С творчеством О. Монферрана также связана и открытка (после 1909 г.) с рисунком известного парижского архитектора Ш. Персье. На рисунке изображены римские бани. Заметно сходство многих архитектурных пропорций и элементов декоративного убранства здания с аналогичными решениями в Исаакиевском соборе. Примечательно, что под названием открытки напечатана ссылка на учреждение, издававшее эту серию рисунков – Библиотека училища Барона Штиглица. Открытка была издана типографией «Р. Голик и А. Вильборг» «в пользу общины св. Евгении».

В связи с тем, что с конца XIX в. и до первой половины XX в. систематическая фотофиксация состояния архитектурных памятников еще не осуществлялась, в архивах города сохранилось лишь небольшое количество архивных фотоматериалов, посвященных нашим памятникам. Именно поэтому открытки, являясь документальными историческими свидетельствами состояния храмов-памятников и окружающей их городской среды, имеют подчас большое практическое значение, например, при подготовке реставрационных работ.

Наряду с видовыми открытками особое значение имеют художественные открытки. И если фотооткрытка – документ, свидетельствующий о памятнике в историческом контексте, то авторская открытка, как любое художественное произведение – это его отражение в творческом восприятии художника.

Учитывая научное значение описанного в этой статье собрания открыток, а также имея в виду дополнительные возможности, которые оно предоставляет при подготовке различных выставок и изданий музея, можно предложить следующие тематические направления его дальнейшего пополнения:

1. Иконография четырех соборов, входящих в состав музея.
2. Городские пейзажи, частью которых являются храмы-памятники.
3. Изображения соборов на открытках, выпущенных в блокадном Ленинграде или посвященных блокаде.
4. Открытки, связанные с творчеством архитекторов Ф.-Б. Растрелли, О. Монферрана, В.П. Стасова и А.А. Парланда.

Литература

1. Ларина А.Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – М.: Историко-архивный институт, 2004 (<http://philocartist.narod.ru>).
2. Родионова А.Е. Открытка как феномен художественной культуры: автореф. дисс. ...канд. философ. наук. – М.: Росс. Ин-т переподготовки работников искусства, культуры и туризма, 1995.
3. Старый Петербург в открытках. К 300-летию Санкт-Петербурга посвящается. [Альбом. В 5 т.] – 2003.

4. Келлер Е.Э. Парадный Петербург. – СПб.: Русская коллекция, 2004. – 260с.
5. Келлер Е.Э., Императорские резиденции. Зимний дворец и Царское Село в послед. царствование. – СПб., 2001; Сочагин А.Г. Царское село в открытках конца XIX - начала XX века. [Альбом с 250 избр. открыток и почт. карт.] – 2001.
6. Санкт-Петербургская губерния глазами художников. Из коллекции филокартиста Семеновой С.И. – СПб., 1995.
7. Чеснокова А.Н. Немцы в Петербурге. – СПб., 2001.
8. Двас Г.В. Поездом в Тосно. Тосненский район на старых открытках – СПб., 2003.
9. Тагрин Н.А. Мир в открытке. – М.: «Изобразительное искусство». 1978 г.
10. Ларина А.Н. Документальная открытка конца XIX – начала XX вв. как источник по истории и культуре Москвы: автореф. дисс. ... канд. истор. наук. – М.: Историко-архивный институт, 2004 (<http://philocartist.narod.ru>).
11. Конякина Т.Ю., Агафонова М.В. Коллекция почтовых открыток Самарского областного художественно-краеведческого музея им. П.В. Алабина // Художественная открытка конца XIX – начала XX вв. Из истории музейных коллекций. Вып. 1. – Самара, 2003. – С. 5-12.

А.В. ГОЛОВАНОВА

ИСТОРИЯ СОЗДАНИЯ ПАМЯТНИКА ПЕТРУ I СКУЛЬПТОРОМ М.М. АНТОКОЛЬСКИМ

В первой половине XVIII века на Выборгской стороне по повелению Петра I была построена Сампсониевская церковь в ознаменование победы русских войск под Полтавой (1709 год). В 200-летний юбилей этого значимого для России события, в 1909 году церкви был присвоен статус собора, а напротив колокольни установлен памятник Петру I работы Марка Матвеевича Антокольского.

В 1984 году Сампсониевский собор был передан государственному музею «Исаакиевский собор» в качестве филиала для проведения научной реставрации. Но памятника перед собором не оказалось – он был демонтирован в 1938 году под предлогом того, что мешает дорожному движению. При выяснении обстоятельств исчезновения «Петра I» стало известно о судьбах аналогичных памятников – повторений работы М.М. Антокольского.

О том, как создавалась статуя Петра, формировался образ императора известно из переписки М.М. Антокольского с В.В. Стасовым. Верный друг и справедливый критик, Стасов долгое время покровительствовал скульптору, оказывал ему неизменную поддержку и следил за творчеством от появления первых работ до последних дней жизни.

Создавал Антокольский «Петра» в Риме, куда переехал по совету врачей в конце марта 1871 года. Работа в сырой мастерской продвигалась с трудом, отнимая много сил, здоровья и времени.

Эскизы не удавались: итальянская глина, с которой работал скульптор, была много хуже русской, она плохо держала форму, быстрее высыхала, давала трещины и отваливалась кусками. Антокольскому пришлось перейти к лепке статуи сразу в большом размере. Скульптор также испытывал затруднения, изображая Петра в мундире Преображенского полка, дробном и непластичном по форме. Тщательно прорабатывая до мелочей все детали, он часто пишет в Петербург Стасову, засыпая его вопросами и просьбами: «Пожалуйста, узнайте хорошенько, носил ли Петр плащ? Вышлите, по возможности, даже фотографии с новейших изображений Петра... Я опять к вам с покорнейшей просьбой, да притом очень важной для меня и Петра... «Петр» как гвоздь торчит у меня в голове, кроме него в настоящее время ничего не вижу. У меня к вам всепокорнейшая просьба, Бога ради не отказывайте мне в ней. Дело вот в чем: я потерял тетрадку, где были у меня заметки о Петровских костюмах, а они теперь до зареза мне нужны, так как здесь нет верных источников... Пожалуйста, Бога ради, посвятите на это часок, два, ради меня и «Петра». Надеюсь, что вы и в этом не откажете, как до сих пор во всем» [1]. Исполняя просьбы друга, Стасов пересылает ему фотографии с портретов царя в профиль и в фас, предоставляет возможность получить из костюмерной Императорских театров военный русский костюм Преображенского полка времен Петра I, кафтан, супервест, штаны, сапоги, шляпу, перчатки. И.Н. Крамской, также по просьбе Стасова, делает рисунок с посмертной маски Петра и отправляет его скульптору в Рим [2].

Уже спустя несколько месяцев после начала работы Антокольский писал Стасову: «Признаюсь «Петр I» порядочно надоел мне... Я недоволен «Петром» - благодаря отвратительному костюму, из которого ничего художественного нельзя было сделать...» [3].

Вся работа над статуей проходила за границей, но основное содержание образа и его идейная трактовка определились еще в России. Петр I в представлении Антокольского, прежде всего, цельная и могучая личность. «Необыкновенный во всех отношениях, – писал Антокольский, – это был не один человек, а «отливку» из нескольких вместе; у него все было необыкновенно: рост – необыкновенный, сила – необыкновенная, ум – необыкновенный. Как администратор, как полководец – он тоже был из ряду вон. И страсти, и жестокость его были необыкновенны. То был отец своего времени, семейством его была вся Россия, ее одну он любил и любил как герой; он защищал ее, как орел, несущий птенцов своих на крыльях, и выставляющий свою грудь против опасности. Он был бдительным стражем, готов был защищать, но готов был и нападать на врагов, при небольшой их угрозе. Петр I был одним из таких редких людей, которые стараются предупредить опасность, а не борются с нею, когда она уже наступила» [4]. Эти слова выражают понимание скульптором исторического значения деятельности Петра I и его роли преобразователя России.

Первая гипсовая скульптура императора была представлена Антокольским в июне 1872 года в Москве на первой Всероссийской Политехнической выставке, приуроченной к 200-летию со дня рождения Петра I. К удивлению и огорчению Антокольского, получившего похвальные отзывы за границей, в России статуя не имела ожидаемого успеха. Может быть, это было вызвано не совсем удачной ее экспозицией на выставке, а может быть, она действительно имела ряд недостатков «технического характера», как признавал сам автор. В октябре-ноябре 1872 года «Петр I» был представлен на отдельной выставке в Императорской Академии Художеств. И хотя статую восприняли положительно, а П.М. Третьяков, И.Е. Репин, В.М. Васнецов – даже восторженно,

были и другие мнения: великому князю Константину Николаевичу, Н.Н. Ге, П.П. Чистякову, и И.С. Тургеневу статуя не понравилась. И.Н. Крамской, отмечая огромный талант скульптора, писал, что статуя Антокольского не совсем удалась. Был высказан ряд критических замечаний относительно пластического решения статуи, тяжеловесности ее нижней части, особенно ног Петра в высоких и широких ботфортах, излишней детализации костюма, неуместной в монументальной скульптуре [5].

Оказывая Антокольскому поддержку, Стасов в прессе 1872 года писал: «...Взгляните на колоссального русского царя, объятая грозным порывом мысли и страсти. Эта грудь как бы дышит, приподнимается под преображенным мундиром и андреевской лентой, голова горит, и глаза блещут, а каждая фибра на этом лице ходит и двигается. Вглядитесь в него – до чего она натуральна, до чего она полна жизни... Какое выражение, какая сила дышит в этом лице, в этих глазах, во всем мощном повороте головы!.. Покажите мне в русской скульптуре статую, полную такой же силы и жизни. Что мне более или менее наклоненный нос, более или менее занесенная назад рука; что мне то или это положение ног – подробности легко изменяемые, если бы сам художник когда-нибудь признал то нужным, – что мне все эти детали, когда вся статуя стоит передо мной, как живая, и глядит на меня живыми глазами? Когда же до г. Антокольского видали вы что-нибудь подобное в нашей скульптуре?.. Г-н Антокольский сделал шаг вперед: он захотел поставить перед нами Петра живым человеком, и сделать это так, как только сильный, глубокий талант способен это сделать...» [6]. Таким образом, дав положительную оценку в печати и защищая друга от нападков со стороны, в частном разговоре Стасов упрекал Антокольского в официальной идеализации и традиционности решения образа императора.

«Не любят «Петра», как не любят всякого идеала, потому что в жизни его нет...», - позднее сожалел Антокольский [7].

После 1872 года скульптура «Петра I» долго не экспонировалась, оставаясь во дворе литейной мастерской Академии Художеств, и только через несколько лет была переправлена в парижскую мастерскую Антокольского в довольно плачевном состоянии. На переделку статуи скульптору пришлось потратить не меньше времени, чем на создание новой. Реставрированная и существенно исправленная она была представлена в 1881 году в Парижском Салоне и имела там большой успех. Антокольский, устранив недостатки первого варианта, добился большей цельности, обобщенности образа и Стасов уже искренне, без всяких скидок, дал ей положительную оценку. Эта модель осталась после смерти М.М. Антокольского в его парижской мастерской, а позднее, согласно завещанию скульптора, вместе с другими его работами была передана в Императорскую Академию Художеств, где и находится в настоящее время.

Признание на выставке в Париже, после которой о «Петре» и его авторе заговорила почти вся зарубежная пресса, подтолкнул интерес к статуе и в России. Антокольский получает несколько заказов на отливку «Петра» в бронзе. Первая бронзовая скульптура была отлита под его наблюдением в Париже в 1883 году и в 1884 году установлена в Петергофе в Нижнем парке на пересечении Марлинской и Монплеzirской аллей. И тоже не без влияния Стасова – именно он выбрал место, считая, что «Петр», должен стоять в Монплезире, у моря, «...которое он с такой страстью любил и которому он тут как будто повелел расступиться и пропустить по своей спине Европу в созданный им город...» [8].

Воздвигли скульптуру на постаменте из потерлаковского красного гранита, вырубленном по проекту Э.Л. Гана. Во время Великой Отечественной войны скульптура, как и многие другие ценности, была вывезена немцами в качестве трофея. Дальнейшая ее судьба неизвестна. В 1957 году на том же месте была установлена копия статуи Петра I, вновь отлитая на заводе «Монументскульптура» по образцу скульптур Центрального Военно-Морского музея и Научно-исследовательского музея Академии Художеств.

В 1892 году изготовлен еще один памятник из бронзы. Он был установлен при оформлении Парадной лестницы Главного Штаба русской Армии в галерее полководцев наряду со статуями Суворова и Кутузова работы И.Н.Шредера, а также бюстами Шереметьева, Меншикова, Румянцева и Потемкина. Это авторская копия с петергофского оригинала, выбранная лично начальником Главного штаба Н.Н. Обручевым, по проекту которого лестница и была перестроена. Под статуей были выбиты слова Полтавского приказа императора: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога, жила бы только Россия в славе и благоденствии».

В 1900 году Антокольский сделал увеличенную гипсовую модель памятника, по которой была отлита бронзовая скульптура Петра I в Таганроге. Решение установить памятник в Таганроге было принято в связи с 200-летием основания города Петром (1698 – 1898). Мысль о создании памятника принадлежала городскому голове А.Н. Алфераки. В 1897 году Дума на своем заседании рассмотрела поступившее предложение и приняла решение просить скульптора М.М.Антокольского изготовить памятник Петру Первому. Организация задуманного была доверена члену городской управы П.Ф.Иорданову. Активное участие в сооружении и открытии памятника принял А.П.Чехов, уроженец и почетный гражданин Таганрога. По рекомендации Иорданова, Чехов

встретился с Антокольским в Париже в апреле 1898 года и обратился к нему с просьбой отлить статую Петра I в бронзе для установки ее в Таганроге. Скульптор с энтузиазмом отнесся к этой идее, отказался от авторского вознаграждения и, увеличив статую (высота бронзовой скульптуры – 3,4 м, общая высота памятника – 8,8 м.), отлил ее под своим наблюдением в Париже в мастерской Грюе на средства, собранные гражданами города. В тот год Чехов писал Иорданову: «Это памятник, лучше которого не дал бы Таганрогу даже всесветный конкурс, и о лучшем даже мечтать нельзя. Около моря это будет и живописно, и величественно, не говоря уже о том, что статуя изображает настоящего Петра...» [9].

Пьедестал к монументу был изготовлен из украинского гранита в 1901 году скульптором Б.В. Эдуардсом. На пьедестале, на его передней грани, накладными буквами была сделана надпись «Императору Петру IМУ» и ниже «Таганрог. 1698 – 1898». По бокам постамента разместили две чугунные пушки. Место для установки памятника было выбрано у ворот городского сада на Петровской улице. 14 мая 1903 года памятник основателю Таганрога Петру I был торжественно открыт в присутствии горожан и многих гостей города. В январе 1924 года фигура Петра I была снята с пьедестала (он остался для памятника Ленину) и установлена в вестибюле городской библиотеки им. А.П. Чехова, а в 1933 году ее перенесли в здание Краеведческого музея. В 1940 году, было принято решение установить памятник заново – в Приморском сквере на высоком берегу Азовского моря против гавани. Во время оккупации в годы Великой Отечественной войны немцы, завоеывая поддержку местного населения, вернули памятник на историческое место у главных парковых ворот.

Открытие состоялось 18 июля 1943 года. Окончательно же «Петр» занял своё привычное место на бульваре в 1958 году. И в настоящее время он стоит лицом к гавани, в обрамлении пушек и якорных цепей.

Еще одна бронзовая модель была отлита в 1900 году в Париже по заказу Морского Кадетского корпуса к 200-летию со дня его основания (14 января 1701). Высота ее 2 м 50 см, вес 960 кг. Установлена 15 декабря 1900 года в столовом зале Корпуса. В 1925 году скульптура передана в Центральный Военно-Морской музей и стояла во дворе (до 1939-40-х годов музей территориально находился в здании Главного Адмиралтейства), а сейчас находится в экспозиции музея.

Памятник Петру I находится также и в Шлиссельбурге на месте Петровских шлюзов. Предположительно, в соответствии с Декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР о снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг от 14 апреля 1918 года, установленный в 1903 году памятник был демонтирован. Восстановлен в 1957 году.

Две бронзовые скульптуры Петра I были установлены в Петербурге, в связи с 200-летием Полтавского сражения.

Одна из них, как уже упоминалось выше, была установлена в лейб-гвардии Гренадерском полку у Сампсониевского собора 27 июня 1909 года. Выполнена она была в Париже в мастерской скульптора его племянником на средства, выделенные братьями С.Д. и А.Д. Шереметевыми. Пьедестал выполнен по проекту Н.Е. Лансере. В 1938 году памятник был демонтирован и попал на историческую выставку в Государственную Третьяковскую галерею в Москве. С 1940 года и по настоящее время находится в фондах ГТГ.

Переговоры о возвращении памятника на историческое место, начавшиеся в 1989 году, не увенчались успехом, и было принято решение делать отливку памятника заново по гипсовой модели, хранящейся в Научно-исследовательском музее Российской Академии художеств. Работы начались в 2002 году благодаря совместным усилиям руководства Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» и Территориального Управления Выборгского района. Архитектурный проект памятника был разработан главным архитектором «Исаакиевского собора» В.Н. Вороновой. За полгода организация «ПИН» создала новую копию знаменитого памятника. Изготовлением и установкой камня для постамента занималась реставрационно-строительная фирма «Северо-западная дорожная компания». Фигура Петра, вылитая из бронзы, установлена на постаменте из красного финского гранита (первоначально гранит был другого оттенка, и соблюсти историческую правду было весьма сложно). Точной копией оригинала осталась надпись на бронзовой доске: «Петру Великому» и чуть ниже слова самого Петра I: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога – жила бы только Россия». Было доподлинно определено и местоположение памятника в 1909 году, напротив колокольни храма Св.Сампсония Странноприимца. Во время проведения работ нашли даже куски старого фундамента. Установлен «Петр I» был на средства Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» и торжественно открыт 24 мая 2003 года в день празднования 300-летия Санкт-Петербурга.

Вторая скульптура, принадлежала лейб-гвардии Преображенскому полку и находилась перед зданием полкового госпиталя полка, в сквере со стороны Кирочной ул, 37. На постаменте с лицевой стороны была надпись: «Державному основателю –

преображенцы»; на боковых гранях: «Потом трудов моих создал я вас»; «При Полтавской баталии сражался я с полком моим, лично был в великом огне»; сзади: «Сооружен в благополучное царствование Императора Николая II, в двухсотлетнюю годовщину Полтавской победы». Памятник был торжественно открыт 13 мая 1910 года в присутствии Николая II. Установили памятник на средства, собранные офицерами Преображенского полка. На сегодняшний день судьба его не известна: возможно, он был снят и разобран в 20-30-е годы в связи с декретом СНК 1918 года.

В мае 1909 года по инициативе губернатора И.В. Сосновского было принято решение установить памятник Петру I в Архангельске. Бронзовая скульптура Петра отлита в Париже племянником Антокольского в 1911 году. Но официально памятник императору был открыт только 10 июля 1914 года. Установили его на набережной Двины рядом с государевым дворцом (домиком Петра I). Пьедестал памятника (по проекту инженера С.А. Пеца) из серого гранита, добытого в каменоломнях Кондоштова, вытесали монахи Соловецкого монастыря. На пьедестале выбиты даты «1693», «1694», «1702» – это годы посещения Архангельска Петром I, и «1911» – год создания памятника. В феврале 1920 года, после освобождения города от интервентов и белогвардейцев памятник был демонтирован. На этом месте сооружен обелиск жертвам интервенции, а «Петр» пролежал на берегу Двины до 1933 года, после чего попал в фонды краеведческого музея. Восстановлен памятник в 1948 году уже в другом месте, ниже по течению, в сквере на набережной Северной Двины. Именно этот архангельский памятник изображен на банкнотах Банка России образца 1997 года (модификация 2001 и 2004 годов) номиналом 500 рублей.

Интересен еще один малоизвестный факт: общественное признание статуи в России выразилось в 1900 году изображением скульптуры на кредитных билетах достоинством 500 рублей.

Существуют также уменьшенные копии «Петра I» (статуэтки) и бюсты. Самый первый из них, был выполнен в мраморе в 1873 году в Риме по заказу барона Г.О. Гинцбурга, который хотел иметь в своих апартаментах изображение Петра Великого. Произведение является авторским вариантом-фрагментом статуи «Петра I». Антокольский считал, что в мраморе «Петр I» получился особенно выразительным. Сейчас он находится в Государственном Русском музее.

Повторения статуи в гипсе, бронзе и мраморе в уменьшенном виде находятся в музеях не только Санкт-Петербурга и других городов России, но и Белоруссии, Армении, Украины и Азербайджана.

<i>Размеры первой гипсовой модели:</i>	<i>Размеры модели в увеличенном виде</i>
Высота: 3 аршина 7 вершков (2 м 44 см)	Высота: 4 аршина 9 вершков (3 м 24 см).
Лицевая сторона платформы: 1 аршин 3 ½ вершков (86 см)	Лицевая сторона: 1 аршин 9 ½ вершков (1 м 13 см)
Боковая сторона: 1 аршин (71 см)	Боковая сторона: 1 аршин 9 вершков (1 м 11 см) [10]

Литература

1. Антокольский М.М. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред. В.В. Стасова. – СПб-М.: Изд-е тов. М.О. Вольф, 1905. – С. 11, 14, 9.
2. Там же. С.14.
3. Там же. С.26.
4. Булгаков Ф.И. Альбом русской скульптуры. Произведения М.М.Антокольского. – СПб: тип. А.С.Суворина, 1893. - С. 6-7.

5. Кузнецова Э.В. М.М. Антокольский. Жизнь и творчество. – М.: Искусство, 1989. – С. 82, 84.
6. Стасов В.В. Избранное. Живопись. Скульптура. Графика. – М.-Л.: Искусство, 1950. Т.1. – С. 65.
7. Антокольский М.М.. Его жизнь, творения, письма и статьи. Под ред.В.В. Стасова. – СПб-М.: Изд-е тов.М.О. Вольф, 1905. – С. 472.
8. Стасов В.В. Избранное. Живопись. Скульптура. Графика. – М.-Л.: Искусство, 1950. Т.1, с.524
9. Чехов А.П. Собр.соч. в 12 т. Письма. 1893-1904. – М., 1957. Т.12. – С. 224.
10. Произведения Академика М.М. Антокольского, оставшиеся после его смерти в его Парижской мастерской. – Париж, 1910.

Дополнительная литература

1. Стасов В.В. Статьи и заметки, публиковавшиеся в газетах и не вошедшие в литературные издания. – М.: Изд-во АХ СССР, 1952.
2. Кривдина О.А. Ваятели и их судьбы. – СПб: Сударыня, 2006.
3. Марк Антокольский. Выставка произведений к 150-летию со дня рождения: Каталог. Авт. – сост. Кривдина О.А. – СПб: ГРМ, 1994.
4. Вагнер Л.А. ...Вхожу, ваятель, в твою мастерскую. – М.: Советская Россия, 1982.
5. Сокол К.Г. Монументальные памятники Российской империи: Каталог. – М.: Вагнус Плюс, 2006.
6. Шалимова В.П. Петр I. 1872 / Из бронзы и мрамора. – Л., 1965.

Л.Г. ГРЕБНЕВА

О ПЯТИЛЕТНЕМ ОПЫТЕ ПРОВЕДЕНИЯ ДЕТСКОЙ МУЗЕЙНОЙ ПРОГРАММЫ В САМПСОНИЕВСКОМ СОБОРЕ

Начало разработки детской программы в Сампсониевском соборе было положено обзорной экскурсией для старшей группы детского сада № 6 Невского района. Когда малыши вошли в храм, стало понятно, что привычная для школьных групп обзорная экскурсия для дошколят не подходит. Началась импровизация. В течение получаса экскурсоводу было необходимо удерживать внимание детей: приходилось «на ходу» придумывать понятные шестилетнему ребенку сравнения и доходчиво объяснять новые, неизвестные детям слова и термины, учитывать психофизиологические особенности этого возраста (неустойчивый интерес, неумение концентрировать внимание, быструю утомляемость), чутко реагировать на то, как дети проявляют интерес к рассказу экскурсовода. Иногда, чтобы удержать их внимание, приходилось менять логику рассказа.

Дошколята оказались благодарными слушателями. И как впоследствии показал опыт, общение в стенах собора возможно даже с самыми маленькими посетителями, если дети непосредственно участвуют в разговоре, а экскурсовод, обращаясь к ребенку, учитывает его совсем небольшой, жизненный опыт.

Результатом встреч с малышами стало создание текста экскурсии по Сампсониевскому собору, предназначенного для детей дошкольного и младшего школьного возраста.

В 2005 году в Государственном музее-памятнике «Исаакиевский собор» был начат экспериментальный проект «Музей – школе». В двух храмах музейного комплекса (в Исаакиевском и Сампсониевском), начали проводиться тематические занятия для школьников. Следует особо отметить, что в храм-музей Сампсониевский собор целенаправленно приглашались учащиеся начальной школы.

Сотрудникам музея представлялось важным рассказать юным экскурсантам об истории возникновения на Выборгской стороне знаменитого храма-памятника, о том, как менялась в течение трех столетий его роль в жизни города. Однако раскрыть эту тему, а тем более сформировать у детей представление о ценности сохранившихся в соборе подлинных икон и иконостасов, было возможно только в контексте разговора о русской истории и православной культуре. Как правильно вести разговор, в котором будут затронуты темы, касающиеся основ православия, церковных канонов, христианских догматов, чтобы не вызвать у маленьких экскурсантов отторжения и неприятия? Перед музейными сотрудниками вставала задача найти верную интонацию в общении с детьми, которая к тому же учитывала бы возможную многоконфессиональность детской аудитории.

Преодолевать опасения приходилось и школам, ставшим первыми участницами проекта. Специфика Сампсониевского собора как музея-храма, причем, храма действующего, могла вызывать настороженность у родителей учеников. Важную роль в том, что сотрудничество музея и школы состоялось и оказалось успешным, сыграла заинтересованность учителей, их понимание того, что музейные занятия способны обогатить образовательный процесс, привести в него новое содержание.

В октябре – ноябре 2005 года тематические занятия в Сампсониевском соборе посетили 15 детских групп. Это были учащиеся школ Выборгского района: школы № 108 и гимназии № 107, а также воспитанники государственной специальной (коррекционной) школы № 584 «Озерки», в которой учатся дети с нарушениями опорно-двигательного аппарата. И в этой связи перед творческим союзом музея и школы (экскурсоводов и педагогов школы) стояла важная задача не только помочь ученикам расширить кругозор, но и дать им возможность практической социальной адаптации.

На первом этапе реализации детской программы в Сампсониевском соборе были апробированы четыре тематических занятия, которые составили цикл под названием «Знакомство с православным храмом». Целью занятий было постепенное и последовательное ознакомление детей с устройством и назначением православного храма на примере одного из старейших соборов Петербурга – Сампсониевским собором. При этом дети получали представление о русской православной культуре, ее истории, знакомились со строением иконостаса и особенностями иконописи, приобретали навыки поведения в музее и в храме.

Следует отметить, что одно из желательных условий, необходимых для успешного проведения занятий, авторы цикла «Знакомство с православным храмом» видели в том, что все занятия должен проводить один экскурсовод. Чтобы дети быстрее привыкли к нему, была введена система бейджей с именами детей, что позволило музейному сотруднику обращаться к каждому ребенку по имени, сделало возможным установление контакта с каждым ребенком, помогло применить индивидуальный подход по отношению к маленьким экскурсантам.

Первое занятие цикла на тему: «Сампсониевский собор – храм воинской славы», - начиналось с разговора о том, что такое храм, а обращение к истории Петербурга, как к городу всех религий, в котором с самого начала Петром I была декларирована свобода всех вероисповеданий, становилось введением в тему и основой дальнейшего разговора.

Детям кратко и красочно рассказывали об истории принятия Киевской Русью христианства. После совместного обсуждения, отвечая на вопрос: «Для чего люди посещают храм?», ребята приходили к выводу, что храм предназначен для общения человека с Богом и его изначальное назначение – это проведение богослужений. Из приводимых экскурсоводом примеров, подтверждаемых иллюстрациями, выяснялись другие важные функции храмов и монастырей, которые те выполняли в ходе истории. После того, как ребята узнавали о русской традиции возводить храмы в честь великих военных побед, экскурсовод переходил к рассказу о появлении на Выборгской стороне храма Св. Сампсона Странноприимца – храма, построенного в память Полтавской победы. Совершить путешествие во времени (в начало XVIII века) помогали знания самих детей о деятельности Петра I, о том, как зарождался Петербург. Экскурсовод дополнял их сведениями о Северной войне и ее главном сражении – Полтавской битве. Увлекательный рассказ о сражении, о его отдельных эпизодах, с привлечением ярких сравнений, упоминанием интересных фактов и легенд заканчивал занятие на высокой эмоциональной ноте.

На втором занятии – «Устройство и символика православного храма» – дети познакомились со строением православного храма.

Помочь юным экскурсантам сконцентрироваться, быстро войти в тему и проявить активность помогало в начале каждой новой встречи повторение материала предыдущего занятия, которое происходило в форме вопросов-ответов.

Далее, на втором занятии, детям предлагалось сравнить Сампсониевский собор с теми храмами, в которых они бывали раньше и, на первый взгляд, найти сходства и различия. Следуя затем за экскурсоводом, рассказывающим о правилах построения церковного здания, о назначении и символике различных его частей, юные экскурсанты сами превращались в исследователей. Они вместе с экскурсоводом выявляли в строении Сампсониевского собора закономерности, обусловленные церковными канонами, им открывалось своеобразие собора, имеющего долгую и непростую судьбу, его индивидуальность и неповторимость. Привлечение дополнительного иллюстративного материала помогало экскурсоводу рассказать детям о символике церковной архитектуры.

Для того чтобы закрепить полученную информацию, а также наиболее полно раскрыть тему, в конце занятия экскурсовод выводил группу на улицу, и дети обходили здание снаружи. Они знакомились с Сампсониевским собором как архитектурным комплексом, рассуждали о назначении колокольни и часовни.

Третья встреча – «Высокий иконостас как явление русской православной культуры» - была посвящена знакомству с иконостасами Сампсониевского собора. На этом занятии дети узнавали порядок расположения ярусов иконостаса, их названия, а также месторасположение отдельных икон. Для того чтобы подготовить маленьких экскурсантов к сложному разговору, в котором называются православные святые, церковные праздники, чины святости (продолжением этого разговора должна была стать тема «Иконы»),

в начале занятия им рассказывалось о том, что такое христианство, и о том, как история человечества представлена в Библии. Из опыта общения с детьми начальных классов известно, что многие библейские сюжеты они знают, поэтому экскурсоводу нужно было только напомнить основные из них: о сотворении мира, об истории Адама и Евы, о Рождестве Иисуса Христа и его Воскресении после смерти. Переходом к главной теме занятия служил рассказ о Константине Великом, первом византийском императоре-христианине, и о Крещении Руси.

Детям давались новые сведения исторического характера, из которых ребята узнавали о возникновении алтарной преграды и ее дальнейшем развитии, воплотившемся, в конце концов, в русском высоком иконостасе. Далее школьники знакомились с иконостасами Сампсониевского собора. Так как каждый иконостас этого храма неповторим в своем исполнении, отличен и по строению, и по декоративно-художественному убранству, основным приемом, используемым экскурсоводом, становился прием сравнения (это позволяло в работе со школьниками применить метод сравнительного анализа). Увлечательность процессу придавали задания, побуждавшие детей самостоятельно находить сходства и различия, например, между малыми иконостасами, или выделять особенности в строении и оформлении главного пятиярусного иконостаса. На примере последнего ребята старались запомнить основные характеристики классического высокого русского иконостаса.

В это занятие очень органично вошла тема, заставляющая школьников задуматься о «связи времен», о необходимости бережного отношения к памятникам культуры – это тема реставрации.

В 2005 году в Сампсониевском соборе интенсивно велись реставрационные работы. Дети, посещавшие в то время собор, видели его главный иконостас практически без икон и без привычного уже нам пышного барочного декора. О том, как иконостас будет выглядеть к юбилейному 2009 году, тогда можно было судить только по фото-реконструкции. Вот перед *таким* иконостасом, без икон, на первых музейных занятиях экскурсовод вел с детьми беседу о работе реставраторов и, в частности, об особенностях работы позолотчиков. При этом демонстрировались настоящие инструменты и материалы, которые используются реставраторами. За время, которое дети регулярно посещали Сампсониевский собор, иконостас постепенно преобразался, происходило это фактически на глазах у школьников. Это был тот фон, который, мы надеемся, заставлял ребят полнее ощутить важность происходивших в соборе работ.

Четвертое занятие в Сампсониевском соборе было посвящено иконе и называлось: «Икона в православном храме». Разговор предварялся рассказом экскурсовода о том, что такое икона, когда она появилась на русской земле и как она создавалась мастерами-иконописцами. Затем ребятам предлагалось подумать и ответить на вопрос, чем икона отличается от картины. Выслушав детские мнения, экскурсовод приступал к показу иллюстраций. Это были репродукции известных картин и древнерусских икон, подобранные таким образом, чтобы в сравнении дети отчетливо могли увидеть «отличия» иконы от картины и понять, в чем заключается своеобразие иконописи.

Продолжением занятия было знакомство ребят с иконами, находящимися в Сампсониевском соборе, и, прежде всего, с лицевыми святыми - уникальными календарными иконами, сохранившимися в соборе с XVIII в.

Необычность этих икон вызывает у детей неизменный интерес. Это позволяет использовать экскурсоводу самые разнообразные приемы работы с детьми, каждый раз наполняя занятие новым содержанием. Можно хором «почитать» иконы-месяцы, а потом дать задание ребятам выборочно найти тот или иной месяц; можно показать детям образы отдельных святых или праздничные иконы, напомнить известный библейский сюжет или рассказать новый. Ценность лицевых святцев (с точки зрения музейной педагогики) заключается еще и в том, что эти редкие по типу иконы позволяют детям увидеть то, что до сих пор для многих из них было неким абстрактным понятием – церковный календарь. И то, что в этом календаре можно найти *свой* день рождения и *своего* небесного покровителя, только усиливает детский интерес.

В конце занятия детей знакомили с живописным изображением «Петр I», находящемся в люнете храма напротив главного иконостаса и просили высказаться, к картине или иконе можно отнести данный образ. Здесь же подводились итоги четырех встреч в Сампсониевском соборе, и в форме вопросов-ответов повторялась основная информация о храме.

Когда детская музейная программа только начинала разрабатываться, дети посещали Сампсониевский собор два раза в месяц, поэтому к началу 2006 году первый цикл занятий был ими пройден. Но сотрудники музея подготовили еще одну встречу с детьми и пригласили их в Сампсониевский собор на рождественский праздник. После двух месяцев интенсивного общения в стенах собора, когда была проделана большая работа, и, прежде всего, самими детьми, музейным сотрудникам хотелось устроить для них праздник, подарить вкусные подарки, поблагодарить за труд и прилежание, а также за чудесные рисунки, которые ребята приносили после каждого занятия.

Необходима была встреча, на которой бы дети без экскурсовода, без посредника соприкоснулись бы с той самой духовной культурой, которую они изучали на занятиях. Эта встреча была тем интереснее, что русская духовная культура предстала перед детьми в разнообразном и неожиданном для них проявлении. Ребята, пришедшие на праздник, стали активными участниками незабываемого музыкально-театрализованного действия. Они познакомились с русским фольклором и с традицией народных рождественских гуляний, (эта часть праздника совершалась на улице перед Сампсониевским собором), а когда дети вошли в храм, для них в исполнении хора Смольного собора прозвучали духовные песнопения, написанные русскими композиторами. Для многих ребят знакомство с православной церковной музыкой состоялось тогда впервые. Отметим, что это было первое концертное исполнение духовной музыки в Сампсониевском соборе, положившее начало новой традиции – проведению музыкальных вечеров в одном из старейших храмов Петербурга.

Удача первого детского праздника в Сампсониевском соборе была отмечена школами, сотрудничающими с музеем. В дальнейшем своем развитии проект «Музей – школе» шел по пути вовлечения в единый музейно-образовательный процесс всех четырех храмов-памятников ГМП «Исаакиевский собор», поэтому более предпочтительной формой итогового мероприятия (а его необходимость не вызвала сомнений) стала интеллектуальная игра школьных команд. Для старшеклассников она вот уже третий год проводится в Смольном соборе, при этом школы, желающие принять участие, проходят предварительный конкурсный отбор. Для маленьких игра между классами проводится по заявкам на базе самой школы.

Но тот первый детский праздник в Сампсониевском соборе до сих пор вызывает ностальгию. Слишком многое тогда совершалось впервые. Рождественский праздник 12 января 2006 года стал настоящим событием в процессе возрождения Сампсониевского собора. И дети, и те, кто создавал его – все принимали участие в этом важном деле.

Подводя итоги первого этапа реализации детской программы в Сампсониевском соборе – апробации цикла «Знакомство с православным храмом», отметим результаты, которые были методически обоснованы и закреплены и используются как на занятиях этого абонемента, так и в новейших разработках школьного отдела:

1. Закреплен выбор тем, их последовательность и диапазон развития.

За пять лет курс практически не претерпел изменений. Это говорит о том, что он неплохо «выстроен», но и не стал чем-то застывшим. В зависимости от возраста школьников, степени их подготовленности или пожеланий преподавателя изменяются расстановка акцентов и характер раскрытия отдельных тем. Каждый новый учебный год привносит в содержание занятий свои дополнения и уточнения. Например, в 2008/2009 учебном году при подготовке детей к итоговой игре в Смольном соборе, посвященной 300-летию Полтавской битвы, этой теме на занятиях в Сампсониевском соборе уделялось особое внимание. В новом учебном году внесены коррективы в тексты занятий в связи с открытием в Сампсониевском соборе временной выставки и пополнениями постоянной экспозиции.

2. Определено содержание первого цикла, направление и характер развития новых музейных циклов.

Авторы курса «Знакомство с православным храмом» выбирали материал для каждого занятия таким образом, чтобы его могли усвоить дети младшего школьного возраста. В дальнейшем на основе четырех занятий были подготовлены два новых занятия, рассчитанных на школьников средних и старших классов. С них начинается цикл, названный «От века к веку» и охватывающий все четыре собора музея. Начинать большой разговор протяженностью в 8 занятий очень ответственно. Материал двух занятий в Сампсониевском соборе позволяет заявить темы, которые в дальнейшем получают развитие, дать основные понятия и термины, обозначить контекст всего курса на фоне истории Петербурга и его храмового зодчества, истории России и истории русской православной культуры.

Продолжением музейных занятий собственно в Сампсониевском соборе стало создание тематического цикла «Православные праздники и иконы праздничного ряда иконостаса». Его разработка музейными сотрудниками велась одновременно с апробацией первых тематических занятий. В 2006 году, после новогодних каникул дети вновь вернулись в Сампсониевский собор, чтобы продолжить знакомство с храмом и его иконами на занятиях второго цикла.

3. Созданы и апробированы тексты всех занятий.

4. Разработана и опробована методика проведения занятий, сочетающая в себе рассказ экскурсовода, визуальный ряд и диалоги с детьми.

Темы и варианты диалогов с детьми продумывались и включались в сценарий занятий.

Иллюстративный материал и наглядные пособия подбирались с пониманием того, что принцип наглядности – ведущий в экскурсионном процессе. Дополнительный иллюстративный материал необходим на музейных занятиях в Сампсониевском соборе для раскрытия многих тем. Он помогает рассказать детям о церковных таинствах, символике церковной архитектуры, храмах-памятниках Петербурга, об известных в истории России случаях, когда здание церкви и монастыря использовалось в качестве крепости, хранилища, маяка. Возраст экскурсантов – учеников начальной школы – требуют как можно более насыщенного зрительного ряда. Воздействие «картинки» на детей данного возраста, подчас, гораздо сильнее и быстрее, чем воздействие словом. Насыщенный зрительный ряд удерживает внимание детей, эмоционально будоражит, вызывая моментальную и непосредственную реакцию детей, побуждая их к высказыванию. Свои впечатления детям младшего школьного возраста легче передать через рисунок, художественное творчество. Поэтому, после каждого занятия ребятам предлагалось выразить свои впечатления в рисунках и поделках. Опираясь на опыт нескольких лет, можно сказать, что иллюстративный материал удобен и положительно воспринимается детьми любого школьного возраста.

На сегодняшний день в Сампсониевском соборе музейными педагогами используется набор ламинированных большого формата иллюстраций, в среднем, по 5-7 картинок на занятие. Они составляют так называемый «портфель экскурсовода». На первых же пробных занятиях в октябре-ноябре 2005 года экскурсовод пользовался разнородным материалом: это были художественные альбомы и книги, открытки, инструменты реставраторов-позолотчиков, деревянная деталь декора с нанесенным левкасом, и даже детский конструктор. В этой разнородности был свой плюс. Возникал момент неожиданности и, если хотите, сюрприза. Детям нравилось само

ожидание: что покажет экскурсовод в следующий момент. Безусловно, это способствовало более эмоциональному восприятию информации. Отметим, что, выбирая репродукции живописных работ, фотографии храмов, авторы музейных занятий рассчитывали на то, что для детей многие иллюстрации будут знакомы. Момент «узнавания» очень важен. Когда происходит узнавание, дети радуются, это не только положительные эмоции, но и переживания, необходимые для личностного роста, участвующие в процессе повышения самооценки.

5. Разработана форма проведения занятий, позволяющая чередовать экскурсионные приемы показа с уже привычными для детей формами работы в классе.

Сампсониевский собор обладает двумя очень важными преимуществами по сравнению с остальными храмами музея, что делает условия проведения в нем детских занятий практически идеальными: камерные размеры собора создают комфортную обстановку, помогают детям раскрепоститься, а возможность усадить их – разнообразит занятия, дисциплинирует группу, к тому же маленькие экскурсанты не так быстро утомляются и меньше отвлекаются в ходе экскурсии.

Разнообразие в музейное занятие вносит включение в него игровых моментов и приемов интерактивного общения с детьми. С их помощью решаются самые разные музейно-педагогические задачи.

На этапе апробации цикла в интерактивной форме происходило знакомство детей с инструментами позолотчиков. Прием непосредственного тактильного контакта школьников с демонстрируемыми предметами, когда для раскрытия профессиональных приемов резчиков, позолотчиков детям показывали настоящие инструменты и фрагмент резьбы со следами проведенной реставрации на различных ее этапах, оказался чрезвычайно ценной методологической

находкой. Возможность потрогать, подержать в руках предмет помогает ребенку испытать чувство сопричастности, довериться происходящему. В то же время этот прием позволяет ребятам отдохнуть, переключиться на другой род деятельности, просто подвигаться.

Постепенно в структуру занятий были введены викторины и работа с магнитной доской. При проведении викторины, в которой задействован каждый ребенок, дети отвечают на вопросы, выбирая из трех предложенных ответов правильный. Таким образом, ребята проходят своеобразное тестирование на то, как они усвоили полученную информацию. Приветствуется, когда в викторине принимают участие учителя и взрослые, сопровождающие детскую группу. В этом случае возникает ситуация, когда дети и взрослые оказываются в равном положении, и их привычные ролевые отношения меняются на партнерские. Юмор, который заложен в некоторых ответах, позволяет детям развлечься. Викторины на музейных занятиях не только помогают повторению и закреплению материала, но и снятию у детей информационного напряжения.

Еще одной интерактивной формой работы с маленькими экскурсантами в Сампсониевском соборе с прошлого учебного года стало записывание ими новых слов и терминов на магнитной доске. Для школьников начальных классов, особенно первоклашек, писание на доске еще не превратилось в привычное классное занятие. Они получают удовольствие от процесса. Вызывая к доске, музейный педагог поощряет ребенка, дает ему возможность активно проявить себя, что способствует положительным эмоциям, рождает чувство удовлетворенности.

6. Определена форма итогового мероприятия – детский праздник.

В поиске возможных форм общения с детьми в музейном пространстве, способных компенсировать недостаток интерактивности, который присущ музею, и, особенно, музею-храму, сотрудники Сампсониевского собора еще в начале эксперимента не стали ограничивать это общение рамками тематических занятий и подготовили заключительное мероприятие в виде детского праздника.

По прошествии лет изменился и формат итогового мероприятия, и место его проведения, но одним из обязательных пунктов его программы была и остается выставка детских творческих работ.

С первых шагов реализации детской программы музейным сотрудникам приходилось задумываться об обратной связи. Во время первого знакомства в Сампсониевском соборе детям говорилось, что сотрудники музея будут благодарны, если ребята будут приносить рисунки на темы, которые особенно затронули их во время музейных занятий. Из творческих работ составлялись временные выставки. Чтобы поощрить ребят, наиболее удачные рисунки показывали и комментировали во время занятий. На практике оказалось, что детские рисунки могут выступать в роли дополнительных иллюстраций к темам занятий, так как дети реагируют на творчество своих сверстников особенно эмоционально, таким образом можно стимулировать их заинтересованность в собственном творчестве.

Большую помощь в оценке результатов первых пробных занятий оказали школьные педагоги. Учителя гимназии № 107 и школы № 584 («Озерки») принесли в подарок музею детские письменные работы. В них ученики начальных классов описывали свои впечатления о музейных занятиях. Задание было дано детям на уроке. В результате музейные сотрудники получили очень ценный материал – детские отзывы.

В том, как дети пересказывали содержания занятий, в словах и выражениях, которые они использовали, чтобы описать свои впечатления, прочитывалось то, что каждая встреча с храмом-музеем переживалось ими как радостное событие. Важно, что почти в каждом сочинении ребята высказывали пожелание вновь прийти в Сампсониевский собор.

Полезными и не менее ценными были отзывы самих учителей, дававших высокую оценку начинанию музея. Тематические занятия они посещали вместе с учениками и воспринимали их как большую работу музея по возрождению отечественной истории и культуры. Среди предложений высказывалось мнение о необходимости музейной программы, рассчитанной на четыре года обучения (на весь период начальной школы). Тогда же впервые прозвучала идея создания «альбома-тетради с заданиями», призванной помочь школьнику творчески осмыслить темы музейных занятий.

Как было видно из приведенных выше примеров, задача закрепления материала, встает перед музейным педагогом как и перед школьным учителем, и решается на занятиях в Сампсониевском соборе разными способами. Кроме того, для маленьких экскурсантов, ставших первыми слушателями цикла «Знакомство с православным храмом» музейными сотрудниками были придуманы задания в виде кроссвордов. Они выдавались после каждого занятия и были рекомендованы для разгадывания во время урока либо в качестве домашнего задания, в решении которого могли принять участие родители. Постепенно, как результат пятилетнего опыта работы с младшими школьниками, возник комплект дидактических материалов, включающий в себя вопросы и задания разного уровня сложности, вопросы к викторинам, стихотворные загадки, а также словарь терминов, в котором дается доступная для детского понимания формулировка новых слов и понятий, относящихся к русской

православной культуре. Накопленный материал позволил подготовить и издать в мае 2009 года рабочую тетрадь № 1. Ее впервые получают дети, которые в этом учебном году придут на занятия по абонементу «Знакомство с православным храмом».

Как и любое издание, предназначенное для детей, рабочая тетрадь богата иллюстрациями, в качестве которых используются и детские рисунки. Они не только иллюстрируют ту или иную тему, но и выступают как самостоятельные задания.

У ребят будет возможность проявить и собственное творчество. Ответы к некоторым заданиям нужно будет нарисовать или раскрасить. Для того, чтобы ребенок мог дать волю своей творческой фантазии и воображению, в рабочей тетради отведена целая страница, которая, как надеются авторы-разработчики, в виде рисунка, сочинения, а может быть, стихотворения, посвященного Сампсониевскому собору, вернется в школьный отдел.

Насколько полезным и эффективным станет включение рабочей тетради в музейно-педагогический процесс, будет ли интересно детям заниматься с нею, отвечать на вопросы и решать задания, покажет время.

Хочется отметить, что рабочая тетрадь появилась как итог работы отдела в нескольких направлениях, и, прежде всего, как итог поиска обратных связей между музеем и школами города. И, конечно, выпуск данного издания стал своеобразным подарком школьного отдела к юбилейной дате, которую отмечает в 2009 году Сампсониевский собор – подарком к его 300-летию.

Т.М. ГУСЕНЦОВА, И.Н. ДОБРЫНИНА

**НА ВЫБОРГСКОЙ СТОРОНЕ:
МЕСТНОСТЬ ВБЛИЗИ САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА
В ЛИТЕРАТУРНЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ XIX ВЕКА**

Выборгская сторона, прежняя окраина столичного Петербурга, отражена в русской литературе весьма скромно. И все же редкие книги дают почувствовать некоторое художественное изображение ее облика. Одно из первых литературных описаний местности связано с именем писателя и дипломата А.С. Грибоедова.

Грибоедов поселился на Выборгской стороне летом 1826 г., выйдя из под длительного ареста в подозрении на участие в заговоре 14 декабря 1825 года. Он жил на даче вблизи Сампсониевского собора «на Самсоньевской ул.; у будки в доме Калугиной» [1, 2] (на месте современного дома по Б. Сампсониевскому пр., д. 49). Здесь же, очевидно, 13 июля 1826 года он узнал о расправе над декабристами. Самые близкие друзья, среди которых прошли лучшие дни его жизни, – а одни казнены, другие обречены на долгие годы каторги. Это потрясло Грибоедова. В очерке «Загородная поездка» отразились тревожившие и волновавшие в те дни Грибоедова думы. «На высоты! На высоты! – писал Грибоедов. – Подальше от шума, пыли, от душного однообразия наших площадей и улиц... но куда же вознестись так высоко, так свободно из Петербурга? – в Парголово. В полдень, 21-го июня, мы пустились по известной дороге из Выборгской заставы... Вот и край наших желаний. Все выше и выше, места картинные: мирные рощи, дубы, липы, красивые сосны, то по несколь-

ку вместе стоят среди спеющей нивы, то над прудом, то опоясывают собой ряд холмов; под их густой сению дорога завивается до самой вершины – доехали...под нами, на берегах тихих вод, в перелесках. В прямизнах аллей, мелькали группы девушек; мы пустились за ними, бродили час, два; вдруг послышались нам звучные плясовые напевы, голоса женские и мужские, с того же возвышения, где мы прежде были. Родные песни! Куда занесены вы с священных берегов Днепра и Волги? – Приходим назад: то место было уже наполнено белокурыми крестьяночками в лентах и бусах, другой хор из мальчиков; мне более всего понравились двух из них смелые черты и вольные движения. Прислонясь к дереву, я с голосистых певцов невольно свел глаза на самих слушателей – наблюдателей, тот поврежденный класс полугероцев, к которому и я принадлежу. Им казалось дико все, что слышали, что видели: их сердцам эти звуки невяжны, эти наряды для них странны. Каким черным волшебством сделались мы чужие между своими! .Народ единокровный, наш народ разрознен с нами...» [3].

В романе И.А.Гончарова «Обломов» (1857-1858гг.) действие переносится из центра города на Выборгскую сторону, изображенную писателем как Выборгскую Обломовку с последней любовью героя и тщетными усилиями друга разбудить его. Гончаров хорошо знал местность, проживая здесь на даче, и точно описал ее провинциальный характер: «Мир и тишина покоятся над Выборгской стороной, над ее немощеными улицами, деревянными тротуарами, над тощими садами, над заросшими крапивой канавами, где под забором какая-нибудь коза, с оборванной веревкой на шее, прилежно щиплет траву или дремлет тупо, да в полдень прозвучат щегольские, высокие каблуки, прошедшего по тротуару писаря, зашевелится кисейная занавеска в окошке и из за ерани выглядяет

чиновница, или вдруг над забором, в саду, мгновенно выскочит и ту же минуту спрячется свежее лицо девушки, вслед за ним выскочит другое такое же лицо и так же исчезнет, потом явится опять первое и сменится вторым; раздается визг и хохот, качающихся на качелях девушек... Войдешь на дворик и будешь охвачен живой идиллией: куры и петухи засуетятся и побегут прятаться в углы; собака начнет скакать на цепи, заливаясь лаем...» [4].

В романе, написанном, в основном, за границей, нет топографической точности. Однако, согласно описанию, дом Пшеницыной – последнего пристанища Обломова, мог находиться в квартале возле Сампсониевского проспекта (современного Малого Сампсониевского проспекта) вблизи Сампсониевской церкви. Он должен был стоять на юго-западной оконечности Выборгской стороны на участке вдоль р. Большая Невка, напротив островов Петроградской стороны. Упоминание о реке, есть в диалоге между одним из персонажей и главным героем романа. Так, на предложение Тарантьева переехать к куме на Выборгскую сторону, где «Нева в двух шагах, свой огород...», Обломов сопротивляется: «Это что за новости? На Выборгскую сторону! Да туда, говорят, зимой волки забегают.

– Случается, забегают с островов, да тебе что до этого за дело?

– Там скука, пустота, никого нет.» [5].

Следующий эпизод также может свидетельствовать в пользу проживания Обломова вблизи р. Б. Невки.

— Катаясь на лодке от Летнего сада и выехав на середину Невы, Ольга Ильинская замечает вдали Смольный собор и тут же указывает Обломову зонтиком на противоположную сторону: — Ведь ты там живешь!

— Да.» [6]

Ольга зорко оглядывала местность вокруг, вглядывалась в здания противоположного берега, просила Обломова показать улицу, в которой он живет.

Ее же словами в романе описана поездка Обломова на Выборгскую сторону: «Когда Обломов отправился на Выборгскую сторону, впервые на новую свою квартиру, то «долго он ездил между длинными заборами по переулкам. Наконец отыскал будочника: тот сказал, что это в другом квартале, рядом, вот по этой улице — и он показал еще улицу без домов, с заборами, с травой и с засохшими колеями из грязи.

Опять поехал Обломов, любуясь на крапиву у заборов и на выглядывавшую из-за заборов рябину. Наконец будочник указал на старый домик на дворе, прибавив: «Вот этот самый» [7]. «Дом вдовы коллежского секретаря Пшеницына», — прочитал Обломов на воротах и велел въехать на двор.

Двор величиной был с комнату, так что коляска стукнула дышлом в угол и распугала кучу кур, которые с кудахтаньем бросились стремительно, иные даже в лет, в разные стороны; да большая черная собака начала рваться на цепи направо и налево, с отчаянным лаем, стараясь достать за морды лошадей» [8]. Обломов вылез из коляски, вошел на крыльцо, обернулся и увидел через забор, направо, «бесконечный огород с капустой». В связи с последним вспоминается «Женитьба» (1833 г.) Н.В. Гоголя. В перечислении приданого Агафьи Тихоновны Купердягиной, дочери купца третьей

гильдии, невесты Подколесина, указано – «Огород есть еще на Выборгской стороне; третьего года купец нанимал под капусту...» [9]

Из разговора с хозяйкой дома (Пшеницыной) следует, что Обломов должен был оказаться в доме, стоящем недалеко от церкви «с нею помимо детей живет ...еще бабушка наша, больная, еле ходит, и то в церковь только... И в церкви-то все больше сидит на ступеньке» [10]. На вопрос Обломова в какую церковь они ходят, Пшеницына называет - «К рождеству: это наш приход» [11]. Заметим, что Рождественской церкви на Выборгской стороне не было, а приходской церковью была старинная Сампсониевская церковь.

Обломов прижился в маленьком домике, где его любили, холили. И, наконец, решил, «...что ему некуда больше идти, нечего искать, что идеал его жизни осуществился...» [12]. «Прошло лет пять. Много переменилось на Выборгской стороне: пустая улица, ведущая к дому Пшеницыной, обстроилась дачами, между которыми возвышалось длинное, каменное, казенное здание, мешавшее солнечным лучам весело бить в стекла мирного приюта лени и спокойствия» [13]. Во второй половине 19 века в этом районе Выборгской стороны появились заводские корпуса завода Л. Нобеля.

«Что же стало с Обломовым? Где он? Где? – На ближайшем кладбище под скромной урной покоится тело его, между кустов, в затишье. Ветви сирени, посаженные дружеской рукой, дремлют над могилой да безмятежно пахнут полынь» [14]. И все грустит по мужу Пшеницына, вдова Обломова, приходя в кладбищенскую церковь молиться и плакать.

В 1870-е годы на юго-западной оконечности Выборгской стороны (в районе современной гостиницы «Санкт-Петербург») жил известный писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк. Некоторое время он был студентом Медико-хирургической Академии. В своем подчеркнуто автобио-графическом романе «Черты из жизни Пепко» (1894г.) он описывает жизнь в студенческие годы. Главный герой романа, студент Василий Попов, знакомится с Пепко в трактире на Симеониевской улице, где собиралась «академия» – общество газетных репортеров. После попойки, наутро Василий просыпается в квартире Пепки на Выборгской стороне. «Комната была большая, но какого-то необыкновенно унылого вида, вероятно, благодаря абсолютной пустоте, за исключением моей кушетки, кровати, ломберного стола, одного стула и этажерки с книгами. Единственное окно упиралось куда-то в стену. По разложенным на столе литографированным запискам я имел основание заключить, что хозяин – студент, и это значительно меня успокоило» [15]. Пепко (Агафон Попов) – худенький господин с веснушчатым лицом и длинным носом предлагает Василию заняться репортерством и переехать к нему в комнату, ведь так меньше платить. И они поселяются вместе: «Наш флигель стоял на самом берегу Невы, недалеко от Сампсониевского моста, и теперь, когда несколько затих дневной шум, с особенной отчетливостью раздавались наводившие тоску свистки финляндских пароходиков, сновавших по Неве в темные ночи, как светлячки. На меня эти свистки произвели особенно тяжелое впечатление, как дикие вскрики всполошившейся ночной птицы» [16].

Нижний этаж деревянного флигелька занимали «Федосьины покровы», состоявшие из пяти комнат и маленькой кухни. Последнюю занимала Федосья, хозяйка квартиры, а комнаты сдавала жильцам. Жильцами в основном были студенты ближайшей медицин-

ской академии... Общественное и материальное положение всех жильцов было приблизительно одинаково, и главным вопросом являлась забота о хлебе насущном.

На месте деревянного флигелька и других, соседних с ним домов, в начале 20 века были построены доходные кирпичные дома, которые также не дошли до наших дней.

Литература

1. Фомичев С.А. Грибоедов в Петербурге. Л.: Лениздат, 1982. – С. 145
2. Там же. – С. 198.
3. Нечкина М.В. А.С. Грибоедов и декабристы. М.: Гослитиздат, 1947. – С. 388-389.
4. Гончаров И.А. Обломов. Л.: Детская литература, 1967. – С. 522.
5. Там же. – С. 52-53.
6. Там же. – С. 372.
7. Там же. – С. 332.
8. Там же. – С. 334.
9. Гоголь Н.В. Женитьба. Собрание сочинений в 7 томах. Т. 4, М.: Астрель-АСТ, 2006. – С. 14.
10. Гончаров И.А. Обломов. Л.: Детская литература, 1967. – С. 336-337.
11. Там же. – С. 335.
12. Там же. – С. 527.
13. Там же. – С. 540.
14. Там же. – С. 541.
15. Мамин-Сибиряк Д.Н. Черты из жизни Пепко. Собрание сочинений в 6 томах. Т.1.М.: Художественная литература, 1980. – С. 21.
16. Там же. – С. 27.

Е.В. ДОГАДАЕВА

**УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК КУЛЬТУРЫ
НАЧАЛА XVIII ВЕКА – МАЛОЕ ЕВАНГЕЛИЕ
САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА**

Малое Евангелие Сампсониевского собора – уникальный памятник культуры начала XVIII века. Статус фондового хранения в качестве РЕДКОЙ КНИГИ верно отражает значение издания. Причины, позволяющие так определять книгу, многообразны. Действительно, малое по формату издание при внимательном знакомстве свидетельствует о знаменательных исторических событиях, круге выдающихся лиц, связанных с ним, своеобразных художественных особенностях. Все эти стороны раскрывают черты истории и культуры России периода Северной войны.

Для Сампсониевского собора Малое Евангелие являлось священно-богослужебной книгой, т.е. тробным Евангелием. Храм невозможен без Святого Евангелия, которое полагается на престоле, оно является такой же неотъемлемой принадлежностью престола, как антиминс. На престоле обычно бывает несколько Евангелий и Крестов: малые или тробные Евангелия находятся на нем, как на особо святом месте; ими пользуются при совершении таинств Крещения, Елеосвящения, Причащения, Венчания, Исповеди. По мере надобности они уносятся с престола и вновь полагаются на него.

Когда же и откуда Малое Евангелие появилось в соборе?

Ответить на этот вопрос не просто, прямых свидетельств, например вкладной записи в книге, нет. Попытаемся высказать предположения, основываясь на самом издании.

Книга, предназначенная для совершения богослужения и треб, включает Новый завет, церковные зачала, месящеслов, а также указатель читаемого зачала из Евангелия. В тексте издания порядка 30 ксилографий размером на часть листа и 14 листовых гравюр на меди, исполненных известным мастером Леонтием Тарасевичем.

Первая гравюра на меди – титульный лист книги. Титул многое определяет в отношении к книге читателя, в том впечатлении, какое по замыслу издателей она должна произвести. Малое Евангелие было издано в типографии Киево-Печерской лавры. Лавра – монастырь с легендарной славой не только первого монастыря, родоначальника монашества на Руси, но и обители одних из первых российских святых, первого историографа Нестора-летописца и первого художника-иконописца Алипия. Типография, возникшая в монастыре в начале 17 века, была в своих трудах проводником великих традиций монастыря. Они находят отражение и на титульном листе Евангелия.

Композиция титульного листа традиционна для большинства лаврских изданий. Арочная форма поля для текста заглавия обрамлена двенадцатью овальными медальонами. Название книги гласит, что «Новый завет» был напечатан в «...святой Чудотворной Печерской Киевской Ставропигиальной Лавре...» при архимандрите лавры Иоасафе Кроковском.

Иоасаф Кроковский был 4-ым архимандритом лавры, служившим развитию типографии, которая была основана в 1616 году. Уже в первые восемь лет существования при архимандрите Елисее Плетенецком, типография выпустила в свет более десятка изданий, отвечающих настоятельным потребностям времени. И к началу XVIII века лаврская типография славилась

своим искусством оформления книги далеко за пределами Украины, в том числе в славянских странах и на Афоне. В ряду характерных особенностей ее произведений помимо обильного украшения текста, было значительное число гравюр, включение предисловий, послесловий, посвящение издания определенному лицу.

Так, Патерик, вышедший немного ранее Нового завета, с датой 1702 года, был посвящен Петру I. Полное название книги «Патерик или отечник Печерский, содержащий жития святых Преподобных и Богоносных отец наших, просиявших в пещерах...» раскрывает ее содержание как сборника сказаний о жизни, чудесах и изречениях святых отцов. Это издание было проиллюстрировано также Леонтием Тарасевичем.

На титульном листе Малого Евангелия Тарасевич помещает «иконные» изображения святых и Богородицы. Два ее образа, Богоматерь Знамение и Успение, больших размеров, чем остальные, помещены в центре, вверху и внизу листа. Они указывают на святых монастыря, прежде всего главную – чудотворную икону Успения Пресвятой Богородицы.

Основной храм монастыря, Успенский собор, славился образом, чье появление связано с преданием, о котором повествует Печерский Патерик. Патерик рассказывает об иконе, врученной в Константинополе, во Влахернском храме, самую Богородицею греческим мастерам. По преданию, они были посланы ею в Киев для основания и строительства храма ее имени. Церковью установлено празднование иконы 16 апреля в память принесения ее из Константинополя в 1073 году [1]. Иконография Успения чудотворной Киево-Печерской иконы имела ряд особенностей, которые точно воспроизведены на клейме титульного листа.

Около Богоматери, возлежащей на одре, предстоят только апостолы, апостол Иоанн стоит за одром, низко склонившись к лицу Богоматери. На изображении завесы одра, слева изображено Евангелие, которое закрывает углубление для ковчежца. В нем помещались частицы мощей мучеников, переданные, по преданию, Богородицею вместе с иконою при отправке мастеров в Киев. Икона имела особенный вытянутый по горизонтали формат (около 30 см в высоту и 40 см в длину) и была закрыта цельным золотым окладом, украшенным крупными алмазами и драгоценными камнями [2].

Известно, что Петр I глубоко чтит Киево-Печерскую икону «Успения Богородицы». По преданию, именно к ней он спешил в Киев после победы под Полтавой в 1709 году. При пожаре в монастыре в 1718 году, когда монастырь сильно пострадал, и типография потеряла свои богатейшие коллекции и материалы, царь был особо обеспокоен сохранностью иконы [3].

На титульном листе Малого Евангелия по сторонам изображения чудотворной иконы помещены клейма, в которых представлены святые основатели обители Антоний и Феодосий Киево-Печерские. Они были одними из первых святых, канонизированных Русской православной церковью. Преподобные держат в руках свитки с поучениями. В изданиях Киево-Печерской типографии образы Антония и Феодосия Печерских являлись своеобразной «издательской маркой» как и изображение чудотворной Киево-Печерской иконы Успения [4].

Титульный лист венчает изображение Богородицы в круглом медальоне-клейме. Оно воспроизводит иконографический тип, основная композиция которого восходит к образу Знамения или

Воплощения Богоматери. Богородица изображена в короне, что, видимо, должно было отсылать читателя и к образу «Богоматерь Печерская с предстоящими». Икона находится в пещерах Киево-Печерской лавры. Богоматерь изображена сидящей на троне, с короной на голове. Руки она возлагает на коленапреклоненных Антония и Феодосия, чудотворцев Печерских. На коленях у Богоматери изображен Спас Эммануил, Предвечный Младенец, обеими руками благословляющий преподобных [5].

Клеймо, в котором находится образ, обведено растительным стеблем с листьями, бутонами и цветками. Этот мотив также не случаен, он должен вызвать представление еще об одной киевской иконе, получившей распространение на Руси – иконе «Похвала Пресвятой богородицы Печерским чудотворцам». Образцом для нее, вероятно, послужила гравюра фронтисписа, выполненная мастером Илией для Печерского Патерика издания 1661 года (возможно, что образцом для гравюры была, в свою очередь, несохранившаяся икона монастыря). На гравюре представлено здание Успенского собора Киево-Печерского монастыря, из которого произрастает виноградная лоза с цветками, листьями, бутонами – символ Христа. Смысл гравюры очевиден: лозу возделывают преподобные Антоний и Феодосий, а «процветает» она подвижниками, жития которых входят в состав Патерика. Их изображения помещены в чашечках цветков, а в центральной цветке – образ Богоматери Знамение. Пресвятая Богородица представлена как Царица Небесная, с короной на голове. [6]

Титульный лист указывает, что Новый завет был напечатан, «...в лето от воплощения Бога слова 1703 месяца января 4-го.» Таким образом, печать книги была завершена в самом начале 1703 года, сразу после вышедшего в декабре 1702 года Печерского Патерика.

Помимо этой даты в издании имеются еще две, расположенные в разных местах текста. Все три даты проставлены буквенными сигнатурами кирилловского шрифта, на титульном листе обозначена дата «от Рождества Христова уже в соответствии с реформой Петра I. 19 декабря 7208 года от сотворения мира Петр I подписал указ о реформе календаря. В указе предписывалось, день после 31 декабря 7208 года от сотворения мира (православная церковь считает датой сотворения мира – 1 сентября 5508 лет до Р. Х. – прим. авт.) считать 1 января 1700 года от Рождества Христова [7]. Издатели «Нового завета» не могли не обозначить основную дату книги в соответствии с реформой, т.е. «от рождества Христова». Дело в том, что «Новый завет» 1703 года посвящен сыну царя, наследнику Российского престола, царевичу Алексею Петровичу.

Следующая за титульным листом гравюра по своему содержанию визуально представляет основные идеи посвящения книги. Гравюра выполнена также Леонтием Тарасевичем, однако стилистически она отличается от титульного листа работы мастера.

Прежде всего, композиция гравюры не имеет жесткой конструкции размещения клейм, напоминающих иконные. В углах листа изображены фигуры 4-х евангелистов с символами, на фоне пейзажей, представляющих земное и небесное пространства. Остальные фигуры расположены симметрично, но свободно, в три символических яруса. В центре нижнего, земного – здание Успенского собора Киево-Печерской лавры, по сторонам которого находятся фигуры преподобных Антония и Феодосия Печерских. Фигуры значительного размера, поэтому на свитке можно прочесть текст: «... под кровом крыл орла сего». Вокруг главы собора, по кругу, также помещена надпись: «Святая Церковь Богородичная дивна во правде». Таким образом, тексты связывают нижнее

изображение с тем, что расположено выше, уже на облаках. Здесь представлены фигуры склонившего колена апостола Петра и коленопреклоненного Святого Алексия, человека Божьего, небесных патронов царя и наследника. Каждый из них в левой руке держит символы царской власти: Петр – скипетр, Алексий – державу. Это достаточно смелое разделение символов власти, предполагает, что наследник, как надеются издатели, станет не менее сильным государем, и их защитником, чем его отец. Между фигурами святых находится изображение двуглавого орла под тремя коронами. Когтями орел держит правые руки Петра и Алексия.

Геральдические композиции как элемент западноевропейской книги появились достаточно рано. Начиная с XV века, их символика стала важным элементом и кириллических печатных книг. Композиции состояли из изображений герба или герба в составе гравюры с текстами или стихами. Они прославляли носителя герба или трактовали символику (в рамках эстетики барокко, предполагавшей панегирики). Применялся этот прием и для создания образов государственной символики. Первым подобным опытом была гравюра в Патерике Печерском 1661 года издания, где был изображен герб единого воссоединенного русского государства. Традиция использования композиций с государственной символикой в типографии Киево-Печерской Лавры продолжается и в конце XVII – начале XVIII веков [8].

На гравюре внизу фигуры орла помещен текст, говорящий о том, что небесные покровители вкупе с божественными силами поддерживают и защищают царя и наследника: «Взяша и подняша на рамена свои». Таким образом, здесь орел представляет не только главный элемент герба Российского государства. Символ приобретает дополнительные поля значений и за счет замены изображения

на груди орла: вместо всадника на щитке здесь помещается изображение Святого Духа. Оно также демонстрирует покровительство высших сил царской власти, одновременно композиционно усиливая это значение, поскольку изображение Святого Духа на гербе одновременно входит в композицию верхнего яруса гравюры, где представлена Новозаветная Троица.

Прототипом официальных изображений русского гербового орла явилось изображение, сложившееся при отце Петра I, царе Алексее Михайловиче. У орла высоко подняты вверх и полностью раскрыты крылья, что символизировало собой утверждение России, как мощного государства.

В целом композиция гравюры, вместе с содержанием надписей, говорит о явных идеологическом и политическом контекстах: проводником небесных сил, покровительствующих царской власти, является церковь в лице ее старейшего монастыря, Киево-Печерской лавры.

Таким образом, в отличие от титульного листа, следующая за ним гравюра направляет внимание читателя не на традиционные издательские традиции, а на актуальные проблемы монастыря. Композиционным приемам соответствуют и типы штриховок, используемых гравером. Для титульного листа применяется мало динамичные горизонтальные и вертикальные штриховки, на следующей гравюре – их разнообразные виды: диагональная, перекрестная, круговая и т. д.

Автором обеих гравюр является Леонтий Тарасевич, один из ведущих граверов Украины и России конца XVII – начала XVIII века. По сведениям Д.А. Ровинского, дата рождения его неизвестна, а год смерти – 1703-ий, год выхода в свет Малого Евангелия. Тарасевич учился гравированию в Аугсбурге, работал в Чернигове, Киеве, Москве [9].

Вероятно, воспоминания будущего императора Петра I о первом знакомстве с творчеством гравера были не самыми приятными. В содружество Иоанна и Петра Алексеевичей Леонтий Тарасевич был вызван в Москву, где награвировал, в том числе, доску с портретом царицы Софии Алексеевны. Софья была изображена в короне, с державою в руках, с расположенными вокруг портрета аллегорическими изображениями добродетелей. Но после падения Софии экземпляры этой гравюры повсюду усердно отбирались и уничтожались [10].

Одной из самых выдающихся работ Л. Тарасевича, демонстрирующих мастерство гравера, являлся Киевский Патерик 1702 года. Гравюра на меди, в отличие от использовавшейся ранее в изданиях монастыря ксилографии, давала автору большую свободу и композиционные возможности.

Листы Тарасевича в Патерике (всего им выгравировано для издания 46 листов) отличаются большим мастерством. Им свойственны верный рисунок фигуры человека и воздушный пейзаж, в который компонованы фигуры. Гравер использует в композиции светотень. Он изображает детали, помогающие раскрыть содержание или подчеркнуть конкретность обстановки события. В композициях заметно влияние искусства барокко. Одной из особенностей гравюр мастера является использование современных ему реалий и деталей в изображении отдаленных исторических времен. Так Патерик превращается в зримый путеводитель по современному граверу Киеву. Гравюры Патерика подписаны внизу листа монограммой «ЛТ», также как и гравюры Малого Евангелия.

В Малом Евангелии иллюстраций, выполненных Тарасевичем в технике гравюры на меди, офорта, значительно меньше, чем в Патерике. Помимо двух первых, титульного листа и гравюры предваряющей Посвящение, в книге еще 12 гравюр, которые играют роль своеобразных разделителей частей Нового завета. Они представляют четырех евангелистов, перед каждым из Евангелий, и авторов посланий, апостолов Иакова, Павла, Иуду, Петра.

Композиции четырех гравюр, посвященных евангелистам, схожи, но каждая из них по-своему выразительна. Все евангелисты изображены сидящими за столом, над книгой, с пером в руке. Фигуры повернуты вправо, как бы в сторону начинающегося на правой полосе текста Евангелия. Композиции подобных изображений традиционны, в том числе для самых ранних кодексов. Но Леонтием Тарасевичем, гравером начала 18 века, они наполнены иным содержанием и представляют уже не только символические отображения, но и моменты времени. Об этом говорят позы, жесты персонажей, композиции включают детали, предполагающие рассмотрение происходящего. Так, Матфей изображен беседующим с ангелом; в арочных проемах виден пейзаж, напоминающий и киевские холмы. Над столом, за которым творит Лука, видна икона Богородицы, им написанная. Марк погружен в раздумье, Иоанн обращен к нисходящему с небес светоносному потоку. Мастер не только разнообразно разрабатывает архитектурные пространства, но и свободно варьирует виды штриховок в каждом листе, что делает гравюры оригинальными произведениями.

После четвероевангелия следует пятая книга новозаветного канона, «Деяния Святых Апостолов». По преданию книга, адресованная христианину по имени Феофил, является непосредственным продолжением Евангелия от Луки. Поскольку автором

Деяний апостолов считается евангелист Лука, эта часть издания предваряется в Малом Евангелии гравюрой с его изображением. Гравюра является эстампом с той же доски, которая была награвирована Тарасевичем для оформления Евангелия от Луки.

За «Деяниями Святых Апостолов» следуют их Послания. Авторы Посланий - четыре апостола - Иаков, Петр, Иуда и Павел, изображены на гравюрах в полный рост. Низкий горизонт с пейзажем на дальнем плане придает их фигурам величественность. Вместе с тем апостолы показаны в некотором движении, с разнообразными жестами, мимикой и направлениями взглядов. Сцены, представленные на дальних планах, передают картины казней, мученических кончин апостолов. Учитывая небольшой формат листа книги, их изображение требовало от гравера мастерства миниатюриста. Сцены переданы динамично, детально и разнообразно. Например, в распятии апостола Петра показаны и многочисленные конные и пешие войны, и городские строения, и даже собака, сопровождающая людей.

Гравюра, предваряющая следующую часть издания, последнюю книгу «Нового завета», «Откровения Иоанна Богослова» или Апокалипсис, отличается еще большим динамизмом. На ней представлен момент, когда на Иоанна Богослова снизошло Откровение, небо неожиданно разверзлось, и он увидел семь золотых светильников и среди них «подобного Сыну Человеческому» [11]. Точно иллюстрируя текст Апокалипсиса, гравер умело передает и потрясенность автора происходящим и грандиозность фигуры, представшей перед ним. Верность передачи поз и движений – в мастерстве гравера, хотя в основе самой композиции лежит воспроизведение гравюры из одного из западноевропейских иконографических источников.

Так называемая Библия Пискатора, считается одним из самых популярных сводов изобразительных образцов, применявшихся во второй половине XVII–XVIII вв. в странах славянского мира. По материалам исследования А.В. Гамлицкого, издание является ярким примером значительной роли графики в общеевропейском процессе передачи творческих достижений и художественного опыта. Кроме знаменитой Библии Пискатора, выходявшей 6 раз во второй половине XVII века, были известны Библии Мериана, Борхта, Вайгеля, Евангелие Наталиса, Библия Схюта, Библия Борхта-Пискатора и другие подобные издания [12]. По сведениям, приводимым тем же исследователем, иностранные сборники гравюр имели в России широкий социально-географический ареал бытования, и их значимость для русской культуры выходит за рамки служебной функции сводов образцов в руках художников. По уцелевшим сегодня экземплярам, известно, что владельцами Библий Пискатора были, например, члены царской семьи: Федор Алексеевич, Алексей Михайлович и Петр I. Книгами владели и такие крупные государственные деятели как А. Виниус, многие церковные иерархи. Заграничные увражи стоили очень дорого, известно, что подобная Библия, украденная у иконописца Оружейной палаты Б. Салтанова в 1687 году, стоила десять рублей с полтиною [13].

Но наиболее востребованными лицевые библии были в руках художников, граверов и иконописцев. В 90-х годах XVII века один из первых русских граверов на меди известный знаменщик московской Серебряной палаты Леонтий Бунин копировал «Страсти Господни» из голландской Библии 1674 года и иллюстрации Библии Пискатора из серии «Апостолы со страстями» для гравированных им изданий. Но если Л. Бунин исключает, например, в гравюре «Апостол Иаков» сцену казни апостола, то, как мы видели,

Леонтий Тарасевич сохраняет традицию, пришедшую из западноевропейского искусства. Но еще ранее, чем в стоящей на пороге петровских реформ Москве, динамичные, передающие драматизм гравюры были широко приняты и распространены на Украине, имевшей тесные связи с Западом.

Очевидно, что Леонтий Тарасевич, учившийся в Германии, там познакомился с творчеством западноевропейских художников и граверов. Ровинский Д. А. сообщал, что насчитывается более 70 гравюр руки мастера, «которые травлены водкою, <...> весьма легко и живописно» [14].

Но издание Малого Евангелия насчитывает значительно большее число гравюр, выполненных в технике гравюры на дереве, чем офорта. Ксилографии также иллюстрируют евангельские сцены в традициях западноевропейского искусства, с тех же западных изобразительных источников, о которых шла речь. Они в значительных количествах экземпляров поступали на Украину через Польшу. При этом большинство гравюр Малого Евангелия вырезалось в XVII веке. Дело в том, что в книге использовались гравированные доски, подготовленные для более ранних изданий, что было закономерным явлением для многих типографий того времени.

Гравюра на дереве технически развивалась в книгопечатании вплоть до последней четверти XVII века. Одним из мастеров, определявших искусство ксилографии на Украине в первой половине XVII века, был гравер Илья. Известностью пользовался и киевский мастер Прокопий, вырезавший более 20 досок на сюжеты «Апокалипсиса». Работы обоих мастеров были использованы в первом издании «Киево-Печерского патерика», вышедшем в свет первый раз в 1661 году, важной для монастыря книге.

Эволюцию, начатую произведениями Илии и Прокопия, достойно продолжили во второй половине XVII столетия гравюры мастера Феодора (Федора). Его руке принадлежит большая часть иллюстраций Малого Евангелия. Эти гравюры невелики по размеру, занимают приблизительно половину листа книги. Хотя Феодор работает по образцам, тем не менее, видно, что одаренный мастер создает композиции многофигурных сцен свободно и непринужденно. Гравюры отличаются живым ритмом штриха, живописно моделирующего форму. Позы персонажей достаточно естественны, складки красиво драпируют фигуры. Мастер подписывает свою работу чаще всего первой буквой своего имени. Закономерно, что ксилографии Феодора отличает присутствие большего, чем у Тарасевича «иконного» начала: им свойственно меньшее пространство, присутствие элементов обратной перспективы.

Большинство досок, использованных в издании «Нового завета» 1703 года были подготовлены Феодором для «Толковой Псалтыри», изданной в лавре в 1697 году. Это изображения Благовещения, Обрезания, Преображения, Входа в Иерусалим, Вознесения, Неверия Фомы. Гравюры повторяются в Малом Евангелии несколько раз, иллюстрируя соответствующие части текстов [15].

Помимо гравюры на меди начала XVIII и ксилографии второй половины XVII века, в книге имеется еще один более ранний временной иллюстративный пласт. Несколько гравюр еще меньшего размера, чем гравюры Феодора, не имеют подписи. Скупым лаконизмом, плоскостностью, они стоят еще ближе к иконописной традиции и восходят, видимо, к книжным образцам типографии первой половины XVII века.

Для современного взгляда такое совмещение в одном издании разных изобразительных стилей кажется случайным. Возможно, что отчасти так и было, но в издании Евангелия, главной книги православной церкви, воплощение традиционности было более значимым моментом.

Примечательно и сочетание в одном издании двух гравировальных техник, гравюры на меди и ксилографии: оно отражает характер искусства петровской эпохи, когда наряду с традиционной для России и Украины ксилографией, начинает широко распространяться гравюра на металле, требующая нового уровня технического оснащения печатной мастерской. Возможно что, адресуя книгу будущему царю, издатели хотели особо подчеркнуть этот момент. Развитие искусства гравюры на металле в России начала XVIII века связано с именем Петра I, который уделял ей большое внимание как средству пропаганды государственных успехов и военных побед. Как известно, Петр I сам занимался гравированием под руководством А. Шхонебека и делал заказы на изготовление гравюр в лучших европейских мастерских. К тому же, в отличие от обычной типографской гравюры на дереве, гравюра на меди предполагала более филигранную, свежую стилистику, что придавало изданию новый статус. Но не только гравюры придают книге облик современного и одновременно традиционного издания.

Очень наряден текст, в традициях типографии оформленный многочисленными заставками, инициалами разнообразных начертаний и концовками. Печать двуцветная: черная и красная, позволяющая выделять значимые разделы книги. Включение киноварных заставок и инициалов, естественно, восходит к давней рукописной книге, но в изданиях Киево-Печерской лавры заставки

чаще всего сюжетные, изображающие Голгофу, Богородичные образы, Спаса. Заставки не просто являются декоративными и выделяющими элементами книги, они организуют текст, часто служа соединением между ним и гравюрой.

Текст издания начинается Посвящением царевичу Алексею Петровичу, наследнику престола. Значительное число выпущенных Киево-Печерской типографией книг было преподнесено лицам, которых издатели считали своими заступниками. В Посвящениях их благодарили за помощь, на их поддержку в дальнейшем рассчитывали. В типографии выходили книги посвященные архимандритам, гетманам, губернаторам, отдельным покровителям, и, конечно, московским царям. Издания, которые считались особенно важными, посвящались самому Богу, Спасителю и Богородице [16].

Но целью Посвящения было не просто выражение благодарности – напоминая о богобоязненных предках, монастырь предостерегал от отклонения от православия, что особенно было актуально в связи с проблемами униатства.

Посвящение Малого Евангелия подписано Иоасафом Кроковским. Он был избран лаврским архимандритом в 1697 году. И. Кроковский получал образование в Киево-Могилянской духовной академии, как и Стефан Яворский, глава русской православной церкви. Учился он и за границей, и в его лице И. Кроковского лавра и типография нашли образованного руководителя, который заботился об их материальном обеспечении, в том числе оборудовании для типографии. Именно при Кроковском было построено новое здание типографии, в том числе на средства И. Мазепы, который был значительным вкладчиком монастыря [17].

Не случайно, что и одно из самых значительных изданий типографии, Печерский Патерик 1702 года, издается при Иоасафе Кроковским, который в Посвящении книги называет Петра I «всемилюбово ущедряющим» монастырь своими благодеяниями [18]. В 1708 году И. Кроковский становится киевским митрополитом, и 30 июля 1709 года, в присутствии Петра I, рукополагает нового лаврского архимандрита Илию.

В обращении к царевичу И. Кроковский пишет, что наследник, как и любой «благочестивый читатель» эту «малую книгу безо всякого отягощения при себе, тако на пути, яко и по всяком месте достойном» может «удобни <...> употребляти». Наследнику Алексею Петровичу в начале 1703 года было почти 13 лет. Предвещало тогда что-либо его трагическую судьбу? В шесть лет под руководством своего первого наставника князя Никифора Вяземского царевич стал изучать грамоту. В соответствии с традициями того времени обучение началось с чтения Часослова. Специально для Алексея монах Карион Истомин составил букварь, иллюстрации к которому подготовил Леонтий Буини. Никифор Вяземский остался при царевиче в 1698 году, после ссылки Евдокии Лопухиной в монастырь, когда Алексей был отправлен в село Преображенское. В то время здесь был расквартирован Преображенский полк и находился Преображенский приказ, занимавшийся следствием и судом. Петр хотел отправить сына для получения образования в Дрезден, к царевичу приставили наставника Нейгебауера, который и должен был ехать с ним за границу. Но этого не произошло, к тому же Нейгебауер столкнулся с окружением царевича — и был вследствие этого в 1702 году отстранен. Необходимо было подобрать нового наставника, составить план обучения.

Возможно, «Новый завет» Киево-Печерской лавры, посвященный Алексею Петровичу, и появляется в то время, когда готовится новый учебный план. Вероятно, что и Стефан Яворский, из «иноземцев», как тогда называли малороссиян, местоблюститель патриаршего престола русской православной церкви, считал необходимым, чтобы лавра напомнила о себе в данной ситуации. Тем более что для обучения царевича помимо Букваря в это время специально готовятся учебники: учебник географии был составлен начальником Московского Гражданского училища Э. Глюком, лечебник «Домовая полная аптека» — а доктором Блюмтростом. Малое Евангелие вполне могло занять в этом ряду необходимых книг свое место, находясь под рукой наследника «... по всяком месте достойном».

В 1703 году учителем царевича стал приглашенный в Россию немецкий барон Генрих фон Гюйссен, который ранее служил французскому и датскому королям, а также саксонскому курфюрсту. Барон считался помощником А.Д. Меншикова, занимавшего должность главного наставника при царевиче. По плану воспитания, составленному новым наставником и рассчитанному на два года, царевич должен был знать русский язык, изучить французский, как наиболее употребительный. План предполагал преподавание наук, истории и географии, как основы политики, математики и военного дела. Записки барона легли в основу «Наказа», который был подписан Петром

22 апреля 1703 года. [19] В «Наказе, каким образом поступать при учении государя царевича Алексея Петровича» говорилось и о необходимости составления «комнатной» библиотеки наследника [20].

Несомненно, о характере образования и предпочтениях наследника можно составить представление по составу его личной библиотеки. Как известно, сам Петр I проявлял интерес к книгам всю жизнь. Его библиотека принадлежала к числу крупнейших книжных собраний времени. При этом значительное число книг Петр получил в наследство от членов семьи: своего отца, старшего брата Федора, царевны Софьи и др. После смерти сестры Петра, Натальи Алексеевны, большая часть ее библиотеки вошла в состав библиотеки царя. Сюда же поступил и ряд книг после смерти Алексея Петровича. Более половины книг Натальи Алексеевны составляла богослужебная и богословская литература, что было характерно для книжных собраний XVII века. На основании известных описей книг Алексея Петровича можно сделать вывод, что и в его библиотеке преобладали книги религиозного содержания [21].

Когда ранее, в 1714 году, в России возникла первая государственная библиотека публичного пользования (впоследствии Библиотека Академии наук), в нее вошла и часть книг из собрания царя, однако большую часть своих книг Петр оставил при себе. Книжное собрание Петра и после образования государственной библиотеки продолжало пополняться новыми поступлениями. Лишь после смерти императора книги были переданы в Библиотеку Академии наук (БАН). В настоящее время опубликован ряд документов, описывающих эти собрания, но точный состав библиотеки Петра I определить непросто, он до сих пор уточняется. В настоящее время завершается работа сотрудников БАН по каталогу изданий из библиотеки Петра I на иностранных языках [22].

Входил ли в состав библиотеки Петра I «Новый завет» 1703 года? Об этом в имеющихся описях сведений нет, но книга определено была представлена и царю, и царевичу.

В 1672 году от типографии Киево-Печерской лавры в Москве была открыта книжная лавка. Но торговля шла, по сведениям Титова Ф.И., не слишком успешно, в первую очередь из-за несоответствий изданий церковной цензуре того времени [23]. Однако по данным исследователей изданий кирилловской печати XX века, книги типографии были значительно распространены в самых разных кругах. Прежде всего, сама лавра обычно дарила влиятельным людям свои издания. Например, в 1680 году в Москву прибыла делегация с челобитной о нуждах монастыря. Среди даров, привезенных ею царю Федору Алексеевичу были: икона Божьей Матери, часть мощей св. кн. Владимира и около 30 книг. В 1684 году царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье были доставлены, по архивным данным, «Патерики Печерские, Синописсы, Акафисты седмичные и Акафисты малые». Известно, что и первая печатная книга по отечественной истории, изданная в Киево-Печерской лавре в 1674 году, «Синописис, или Краткое собрание от разных летописцев...» с записью о принадлежности ее Алексею Петровичу от 1701 года была в его библиотеке. Из других киевских изданий на книгах Академии наук имеется такая помета на «Патерике» 1702 года [24].

Судьба еще раз, теперь трагически, свяжет имена киевского митрополита И. Кроковского и наследника престола Алексея Петровича датой 1718 год. Год смерти приговоренного к казни царского сына был также годом смерти И. Кроковского, скончавшегося по пути из Киева в Санкт-Петербург, куда он был вызван на следствие по делу об измене царевича [25].

Касалась ли рука царя или царевича Малого Евангелия Сампсониевского собора?

Точно ответить на этот вопрос невозможно, скорее всего, что нет. Петр I и Алексей Петрович часто делали памятные надписи на полях своих книг. Книга не содержит вкладной записи, или надписи о принадлежности ее кому-либо. Но не исключена вероятность, что Малое Евангелие появилось в соборе благодаря кому-либо из царского окружения.

Как известно, А.Д. Меншиков, будущий герой Полтавы, в ноябре 1708 года захватил и сжег Батурин, резиденцию И. Мазепы, предварительно вывезя из города архив гетмана. В домовая церковь Меншикова, в которой бывал Петр по случаю крестин или празднования годовщины Викторий, престол украшало Евангелие, обложенное серебром, доставшееся князю в сражении при Перевалочне. Рядом с Евангелием находился крест, сработанный в 1698 году для запорожской церкви Покрова, который также оказался в домовая церкви Александра Даниловича в качестве трофея, вероятно, из владений И. Мазепы [26].

Конечно, книга могла оказаться в Сампсониевском соборе и самым прозаическим путем. Но хотелось бы думать, что он не был случайным. Издание, «малая книга сия», хранящая на своих страницах многие черты времени Петра Великого, может еще не раз вызвать интерес исследователей.

Примечания

1. В Патерике ничего не говорится об изображении на иконе. Тем не менее, церковное предание связывает икону с образом «Успения» собора Киево-Печерского монастыря. Заповедник Киево-Печерской лавры: www.kplavra.kiev.ua.

2. Там же.

3. В ГТГ хранится икона Кирилла Уланова, [1702 год], написанная в размер подлинника. Она является точным списком с чудотворного образа, находившегося в соборной церкви Киево-Печерской лавры и пропавшего во время Великой Отечественной войны. Богатство и красота украшения иконы царского изографа дают основание предположить, что икона могла быть связана с Петром I.

4. Гусева А.А. Старопечатная книга // 1000-летие русской художественной культуры: Каталог. М., 1988. С. 426]. Святые изображались и на фронтисписе первого издания Киево-Печерского Патерика 1661 года, выполненном гравером Илией. Из Патерика известно, что уже в XII в. существовали иконы Антония и преподобного Феодосия Киево-Печерских. Древнейшее изображение Антония и Феодосия, предстоящих Богородице, сохранилось на Печерской [Свенской] иконе Божией Матери, ок. 1288 г.? [ГТГ]. По преданию, эта икона Богородицы почиталась святыней Успенского собора Печерского монастыря и была написана в начале XII века легендарным Алимпием Печерским. [Успенские М.И. и В.И. Заметки о древнерусском иконописании. Известные иконописцы и их произведения: 1. Св. Алимпий и 2. Андрей Рублев. — СПб., 1901. С. 18-23, 28, 29.

5. Заповедник Киево-Печерской лавры: www.kplavra.kiev.ua.

6. Богородица «Знамение» – зримый образ пророчества Исайи. Предисловие Киево-Печерского Патерика 1661 года, в соответствии со временем, дополняет древний текст Патерика посвящением книги Христу и Богородице, восхваляя Богородицу как владычицу Вертограда, символизирующего Церковь. «Ты основала еси святое сие место, ты в Вертограде сем насади цветы, ты на сем Российском небе сия умножи звезды, в винограде сем сия оуплоноси гроздия, тобою таковыми просияша чудеса на земле». О печерских чудотворцах в посвящении говорится, что они «яко ветви от корня [Богородицы] израстоща». [В.И. Вахрина. Икона «Похвала Пресвятой Богородицы» из собрания Ростовского музея: www.rostmuseum.ru/.../2003/vahrina]

7. Календарь оставался юлианским, как и до реформы, принятым Русью из Византии вместе с крещением. Именно византийская схема летосчисления была принята на Руси и использовалась вплоть до реформы Петра I.

8. Шустова Ю.Э. Российская государственная символика в кириллической печатной книге конца XVII – начала XVIII века. Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Российская монархия в контексте европейских и азиатских монархий и империй // Тез. докл. Второй междунар. науч. конф. 24–26 июня 2009 г..
9. Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI – XIX вв. Т. 2. – СПб, 1895.
10. Ровинский Д.А. Русские граверы и их произведения до основания академии художеств. – Москва, 1870.
11. Откр. [12 : 16]
12. Гамлицкий А.В. Библия Пискатора и проблема гравированных образцов в европейском искусстве XVI–XVIII столетий: www.prof.museum.ru/mat/doc1194.htm, 2002.
13. Гамлицкий А.В. Западноевропейские лицевые Библии в России XVII–XVIII вв. Владельцы и формы бытования; Белоброва О.А. Библия Пискатора в собрании БАН СССР // Материалы и сообщения по фондам ОРФК БАН СССР 1985. – Л., 1987. – С. 184–216; Там же; Иллюстрированные Библии в русском обиходе второй половины XVII–начала XVIII вв. // Православие в Древней Руси. Сб. науч. трудов ГМЯРА. – Л., 1989. – С. 118–124.
14. «Доски сохраняются в Киево-Печерской типографии; они не годны для печати»; Ровинский Д.А. Подробный словарь русских граверов XVI – XIX вв. Т. 2. – СПб, 1895.
15. Иллюстрации: Титов Ф.И. Типография Киево-Печерской лавры. Исторический очерк. [1606-1616-1721 гг.]. – Киев, 1918, – С. 408, 420, 424.
16. Титов Ф.И. Приложение к первому тому исследования... Типография Киево-печерской лавры. Исторический очерк. [1606-1616-1721 гг.]. – Киев, 1918. – С. 8.
17. Титов Ф.И. Типография Киево-печерской лавры. Исторический очерк. [1606-1616-1721 гг.]. – Киев, 1918. – С. 406.
18. Титов Ф.И. Типография Киево-печерской лавры. Исторический очерк. [1606-1616-1721 гг.]. – Киев, 1918. – С. 415.
19. Павленко Н.И. Царевич Алексей. – М., 2008. – С. 15–17.
20. Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII в. – М.-Л., 1956. – С. 123, 127.

21. Для исследования этого вопроса нет полных данных. В рукописном отделе Библиотеки Академии наук хранится каталог книг Алексея Петровича, переданных после его смерти в Академию наук. Долгое время считалось, что датой передачи книг является 1718 г. – год смерти царевича. Однако составителями 1-го выпуска «Исторического очерка и обзора фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук» было установлено, что книги Алексея Петровича поступили не в 1718 г., а на 10 лет позднее – в 1728 г. Авторами рукописного отдела БАН была проделана большая работа по разысканию в фондах Библиотеки Академии наук книг, принадлежавших Алексею Петровичу. Всего были выявлены 64 печатные книги и 30 рукописей, из них на русском языке 52 печатные книги и 24 рукописи: указатель-справочник / Составитель Е.И. Боброва. – Л., 1978.

22. Изучение библиотеки Петра I было начато в БАН в 1950-х годах. Состав библиотеки не просто определить еще по ряду причин. Например, книги, аналогичные утраченным книгам Петра I, библиотекарь Академии наук А.И. Богданов, пытался возместить; часть книг погибла при пожаре Кунсткамеры в 1747 году; передаточные реестры составлялись некачественно; книги долго не выделялись в отдельный фонд. Собрание, хранящееся в настоящее время в Отделе рукописей БАН, описано в целом, но работа по каталогизации ведется и сегодня, издания кирилловской печати еще предстоит исследовать подробно. Описание рукописных книг / Автор-составитель И.Н. Лебедева. – СПб., 2003; Библиотека Петра I: указатель-справочник / Составитель Е.И. Боброва. – Л., 1978; Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. I. XVIII в. – М.-Л., 1956.

23. Титов Ф.И. Типография Киево-печерской лавры. Исторический очерк. [1606-1616-1721 гг.]. – Киев, 1918. – С. 352-353.

24. Книга. Исследования и материалы. Сб. 75. – М., 1998. – С. 118, 120.

25. И. Кроковский был одним из многих людей, привлеченных к следствию. Учитывая, что Алексей Петрович состоял с ним в переписке, его ждала незавидная судьба. Яков Игнатьев, духовник царевича Алексея Петровича в течение 12 лет, был казнен в 1718 году. С. Яворский уцелел, ему предназначалось даже место президента в новой духовной коллегии, но отношение к нему царя было испорчено. [www.biografija.ru.; Устрялов Н.В. История Петра Великого, VI, – С. 269, 458.]

26. Гетман Иван Мазепа. Документы из архивных собраний Санкт-Петербурга. Сб., 2007. С.4. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. 6. – СПб., 1878. – С. 253.

В.Г. ИСАЧЕНКО

МИР ОБРАЗОВ АРХИТЕКТОРА АПЛАКСИНА¹

На Большом Сампсониевском проспекте, 53, возвышаются здания необычного для Петербурга облика, доминирующие в окружающей застройке. Это подворье Кашинского Сретенского женского монастыря с высоким храмом Спаса Нерукотворного и стройной многоярусной колокольней.

Комплекс живописно скомпонованных построек создан в 1900–1907 годах на средства горожан по проекту епархиального архитектора Андрея Петровича Аплаксина (1879–1931). Храм в неорусском стиле. Подобных зданий в нашем городе очень немного, они связывают традиционное зодчество Петербурга с древнерусским художественным наследием, вносят в городской пейзаж весьма ощутимую национальную ноту. В этом храме экспрессия, особая обостренность форм, использование творчески осмысленных приемов древнерусского зодчества сочетаются с элементами современной архитектуры модерна.

Архитектор, художник, реставратор, инженер, археолог, пропагандист русской культуры всех ее периодов, организатор строительных работ – таким был А.П. Аплаксин, проживший жизнь, достойную увлекательнейшего кинофильма или романа. В 1904 году он окончил Институт гражданских инженеров, через два года –

¹ *Статья опубликована в журнале «Санкт-Петербургская панорама», № 1(349) за 1997 год, сентябрь-октябрь.*

Печатается с разрешения автора.

Павловское военное училище. С 1906 года работал епархиальным архитектором, неустанно изучая памятники зодчества и изобразительного искусства, строя не только церкви, но и жилые и общественные здания в Петербурге и губернии.

Многие постройки Аплаксина либо исчезли, либо были основательно перестроены в 1920 – 1930 годах. Типична судьба подворья Вышневолоцкого Казанского женского монастыря, созданного в 1912 году на углу улицы Подрезова и Малого проспекта. От этого чрезвычайно выразительного, украшенного фресками комплекса сохранились, да и то фрагментарно, лишь дворовые флигеля, по сей день производящие сильное впечатление суровой мощью объемов.

У каждого художника, даже если он не всегда отчетливо осознает это, есть свой образ мира, Родины, свое понимание человека. Аплаксину было свойственно живое и страстное ощущение причастности к судьбе России, ее народа и искусства. В письме автору этого очерка дочь архитектора музыкант Елена Андреевна Аплаксина говорит: «В любое дело он вносил выдумку, «живинку», ни в чем не терпел скуки и однообразия». Когда в начале века новые романтические веяния (прежде всего интерес к культуре Русского Севера) затронули культуру Петербурга, Аплаксин оказался среди мастеров, стремившихся возродить национальное наследие, не утрачивая завоеваний нового времени.

В 1908 – 1909 годах он руководил большими реставрационными работами в одном из самых ранних памятников зодчества – Сампсониевском соборе. Талантливый архитектор-строитель, умелый организатор, он привлек к работам видных специалистов-

консультантов – А.Н. Бенуа, Н.Ф. Романченко, Г.И. Котова, А.Н. Померанцева и других. Современники признали работу крупной и удачной, оценив ее как результат «колоссального непрерывного труда». Поражало качество и быстрота работ.

Реставрация храма проводилась в связи с 200-летием Полтавской битвы – ведь именно этой победе он и был посвящен. Сначала разобрали ветхие строения на территории собора и кладбища, – кстати, первого городского кладбища. Аплаксин стремился воссоздать саму атмосферу Петровской эпохи, зодчества раннего барокко. Собор и колокольню освободили от поздних наслоений, отреставрировали фасады, интерьеры, утварь, часть икон.

Аплаксин считал важным пробудить в душе «благородный инстинкт патриотизма, гордость к славному прошлому и веру в силы народные». На фасаде были установлены чугунные доски с текстом обращения Петра I к воинам перед битвой. Знаменательно, что, признавая европейские черты в облике церкви, Аплаксин в то же время справедливо утверждал, что она имеет в целом национальный характер – особенно шатровая колокольня и необычайно выразительные по своей экспрессии иконы, ныне хранящиеся в Русском музее. Он имел в виду, прежде всего, «отклонения в сторону русской самобытности», отличающие колокольню от памятников барокко.

Кроме того, Аплаксин построил рядом очаровательную изящную часовню, сторожку и двухэтажный «Юбилейный домик» для библиотеки, архива, ризницы и квартир служащих. Здесь проявилось свойственное Аплаксину тонкое проникновение в дух зодчества прежних эпох. В этих работах участвовал одноклассник Аплаксина, талантливый художник-архитектор Н.Е. Лавсере.

Был также выполнен проект реставрации пятиярусного иконостаса – шедевра искусства XVIII века. По замыслу Аплаксина был устроен памятник Петру I работы М.М. Антокольского (проект пьедестала выполнил Лансере), подчеркнувший градостроительное и смысловое значение собора.

Средства на все эти работы собирались по всей России. В ряду торжеств в память славной битални был грандиозный крестный ход от Казанского собора к Сампсонию. Торжественно, в присутствии горожан и воинских частей, был открыт памятник Петру I. Таким образом, все здания, памятник (он не сохранился) и надгробие казненных в 1740 году русских патриотов, установленное еще в 1885 году, образовали уникальный историко-архитектурный памятник. Аплаксин по праву мог гордиться успехом своего дела.

Архитектор занимался также реставрацией Пантелеймоновской церкви (ул. Пестеля, 2), построил ряд монастырских подворий и, как всегда, много ездил по стране, неутомимо исследуя древнее зодчество и памятники барокко и классицизма.

В 1910-е годы одно за другим возникают всевозможные общества и комиссии по выявлению и сохранению памятников старины. Аплаксин был одним из самых деятельных участников этих обществ, зарисовывая, обмеряя и фотографируя памятники и их фрагменты, а затем выступая с обстоятельными эмоциональными сообщениями и лекциями. А лектор он был прирожденный – сказывалась не только обширная эрудиция, но и незаурядные артистические способности.

В связи со 100-летием Отечественной войны 1812 года зодчий много занимался изучением церковного зодчества. С этим связана и реставрация Казанского собора, завершенная в 1911 году под руководством Аплаксина. Как и при реставрации Сампсониевского собора, итогом работ стала также превосходно изданная и богато иллюстрированная книга Аплаксина «Казанский собор» – фундаментальный и по сей день лучший труд о соборе и его творце Вороникине, а также о многочисленных участниках грандиозной стройки.

Еще один труд Аплаксина, посвященный 1812 году, – возведение в 1911 – 1913 годах Казанской церкви при подворье Пекинской православной миссии на Воронежской улице. Несохранившийся храм привлекал внимание свободной трактовкой остростилизованных форм новгородского зодчества. При подворье были открыты магазин и школа для китайских детей. Стремительно взнесенная, динамичная церковь хорошо выражала особенности творческого почерка архитектора, его принципиальную установку на создание новых, не связанных шаблонными приемами культовых зданий. Здесь было отчетливо выражено своеобразное понимание зодчим самой сущности русского национального зодчества, самобытность которого Аплаксин отстаивал твердо и последовательно.

В то же время Аплаксин говорил о национальном своеобразии такого, казалось бы, очень европейского стиля, как классицизм. В классических формах Аплаксиным была построена Никольская церковь, незавершенная из-за мировой войны и позднее перестроенная (10-я Красноармейская ул., 19). Во всех постройках Аплаксин выступал поборником синтеза искусств, суровых лаконичных форм,

романтиком и поэтом. В его произведениях – своеобразная скульптурность, вылепленность форм, острота силуэта, несколько преувеличенная мощь. И своим творчеством, и выступлениями зодчий активно выступал против византийского, псевдорусского и прочих подражательных стилей, против «бездарности, безвкусыя и рынка», моды и конъюнктуры. По мнению Аплаксина, художник и зодчий должны быть просветителями, воспитателями и ни в коей мере не идти на поводу у обывателя. Именно за это он и ценил древнерусское искусство, обращенное не к избранным, а ко всему народу. Его высокий пафос он и мечтал воплотить в современном искусстве. Удалось ли это ему? На мой взгляд – в значительной степени удалось. У него были единомышленники: В.А. Покровский, К.А. Коровин, Д.А. Крыжановский, великий А.В. Щусев... А разве не актуальны замечания Аплаксина о невежестве многих служителей культа? Ведь это их «усилиями» были почти безнадежно испорчены всевозможными «поновлениями» многие памятники древнерусского искусства – бесспорный и уже никем не отрицаемый факт.

Одновременно с возведением Казанской церкви Аплаксин создал комплекс построек Творожковского Свято-Троицкого женского монастыря на Роменской улице с величественным пятиглавым храмом св. Петра. Это подворье, к счастью, сохранилось, хотя и с большими утратами, обеднившими силуэт.

Сохранился большой представительный жилой дом Введенской церкви на Введенской улице, недалеко от дома, где жил и умер Кустодиев. Аплаксин построил его в 1913 году, удачно применив классические мотивы.

Еще значительнее был проект большого, в неоклассических формах дома на Старорусской улице, реализации которого помешала мировая война. Эта война надолго прервала творческую деятельность зодчего. С 1916 года он, имея и военное образование, – в рядах армии, с 1918-го – начальник связи ряда фронтов в Красной Армии и, только демобилизовавшись в 1928 году, наконец снова вернулся к архитектуре.

Теперь Аплаксин с особым увлечением занимался историей архитектуры и широкой популяризацией искусства. Он создал Первую художественную студию для молодежи, где преподавали видные деятели культуры и сам зодчий. Работал он в обществе «Петербург – Ленинград» и в других творческих коллективах, продолжая строить дома и промышленные здания. Казалось, что силы его неисчерпаемы. Скончался он в 1931 году, не выполнив все задуманное. Было ему всего 52 года. А сделанного могло бы хватить на целый творческий коллектив.

А.В. КВЯТКОВСКИЙ

**САМПСОНИЕВСКИЙ СОБОР
В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИСТОРИКОВ
И ДОКУМЕНТАХ ИСТОРИЧЕСКИХ АРХИВОВ
САНКТ-ПЕТЕРБУРГА**

8 июля 1999 года в Санкт-Петербурге открылся после реставрации новый музей – храм-памятник «Сампсониевский собор». Это событие было приурочено к празднованию 290-летнего юбилея Полтавской победы и прошло в рамках культурной городской программы. Посетители смогли познакомиться с юбилейной выставкой «Полтавская битва» и, в то же время, увидеть отреставрированные интерьеры храма-памятника XVIII века, одного из старейших духовных центров Санкт-Петербурга. Уникальность этой выставки, участие в которой приняли 12 учреждений культуры города (музеи, научные библиотеки, архивы), заслуживает отдельной научной статьи. Но почему же в здании Сампсониевского собора открылся именно музей, а не приходская церковь?

Ответ на этот вопрос напрямую связан с триумфом русского оружия в петровскую эпоху, с историей возникновения Полтавского мемориала в Петербурге в начале XVIII столетия. Выбор места и времени строительства этого храма в северной столице символичен и не случаен, хотя наслоения последующих исторических событий скрывают первоначальный замысел творца государства Российского.

Ныне существующий Сампсониевский собор, построенный в 1728–1740 годах по проекту неизвестного архитектора (наиболее вероятными авторами считаются Дж. Трезини и М.Г. Земцов), – один из немногих памятников архитектуры и искусства Петербурга первой половины XVIII века, сохранившихся до наших дней. В то же время, это один из ранних образцов храма-памятника, построенного в ознаменование важнейшего исторического события в жизни России – в память Полтавской битвы. Причем, этот храм, воздвигнутый наравне с триумфальными арками и колоннами, как было принято в ту эпоху увековечивать великие события, был выше по своему значению, потому что храм-памятник был ближе и понятнее русскому человеку, чем классическая колонна. Блестящая победа Петра Великого, «Русское Воскресение», как называл ее сам автор, состоявшаяся 27 июня 1709 года, совпала с днем памяти Св. Сампсония Странноприимца, поэтому и храм-памятник, заложенный по указу Петра в ноябре 1709 года, был назван Сампсониевским.

«Далеко не все знают, что в нашей столице есть памятник великой Полтавской победе. Этим историческим памятником является Сампсониевский храм, что на Выборгской стороне. Считаю своим долгом обратить внимание столичных жителей на этот этот великий памятник и редкую по своей старине святыню»[1]. Эти строки, написанные в начале XX века настоятелем Сампсониевского собора о. Владимиром Покровским по случаю 200-летнего юбилея Полтавской победы, могли бы прозвучать и сегодня, их смысл не потерял актуальности, но совершенно очевидно, что уже в то время историческое значение этого храма-памятника выходило далеко за пределы значимости обычной приходской церкви.

Неслучаен был и выбор места строительства нового храма на Выборгской стороне, в одном из городских исторических центров зарождающегося Петербурга. Первая Сампсониевская церковь, построенная в 1710 году из дерева, располагалась несколько ближе к Выборгской дороге (нынешнему Большому Сампсониевскому проспекту), ведущей в то время на северо-запад, во владения шведского короля. В ходе Северной войны прохождение войск мимо Полтавского мемориала и военные парады, устраиваемые ежегодно в день Полтавской победы у храма, повышали рост самосознания русского солдата и российского гражданина.

В то же время, месторасположение нового храма в отдалении от административного центра Петербурга оказалось удобным для открытия возле церкви в 1711 году первого городского кладбища для православных и иноверцев. Здесь были захоронены выдающиеся люди России XVIII столетия: Д. Трезини, А. Шлютер, Ж.-Б. Леблон, Г.-И. Маттарнови, скульптор К.-Б. Растрелли, первый президент Академии наук Л. Блюментрост, первый русский экономист И.Т. Посошков, художники Л. Каравак, С. Торелли и многие другие. В наше время вокруг собора сохранилась только часть надгробий, в том числе памятник на могиле «врагов Бирона» – А.П. Вольнского, П.М Еропкина и А.Ф. Хрушова, выполненный по проекту архитектора М.А. Щурупова в 1885 году. Музеефикация надгробных досок и плит, создание мемориальной площадки первого исторического кладбища Петербурга позволит приоткрыть еще одну страницу из жизни города XVIII столетия, напомнить о наших исторических корнях.

Современный Сампсониевский собор – это целый церковный комплекс (собор, колокольня, часовня и просвирня), который значительно отличается от первой Сампсониевской церкви и других культовых сооружений Петербурга своим смещением допетровских архитектурных форм и элементов европейской архитектуры. Общий стиль собора исследователи относят к архитектурному направлению первой половины XVIII века – «анненскому барокко». Вместе с тем, завершение колокольни храма восьмигранным шатром с окошками, «слухами», случай редкий в Петербурге, но типичный в русском зодчестве Москвы и Ярославля XVII века.

Несомненный интерес для исследователей представляет этот собор как источник по истории Санкт-Петербурга первой половины XVIII столетия во всех своих проявлениях, будь то история основания и строительство Сампсониевского храма, особенности архитектуры и декоративного убранства интерьеров, монументальная роспись и иконы, сохранившиеся в соборе, мемориальные доски и надмогильные плиты первого городского некрополя Петербурга.

В широком смысле этого слова исторический памятник «...есть всякий остаток старины, будет ли это сооружение, предмет искусства, вещь житейского обихода той эпохи, которую изучает историк» [2].

Литература, в той или иной степени посвященная Сампсониевскому собору, немногочисленная, но, несмотря на это, ее можно распределить по тематическим рубрикам как для удобства анализа, так и для поиска необходимой информации.

На протяжении второй половины XVIII и почти всего XIX веков Сампсониевский собор упоминается лишь в обзорах исторических достопримечательностей Петербурга или в описаниях храмов России. Лишь с конца XIX века появляется ряд работ, посвященных непосредственно Сампсониевскому храму и приуроченных к торжественным датам: 150-летию освящения собора (1890 г.) и 200-летию Полтавской битвы (1909 г.).

Обратимся вначале к литературе, посвященной первой Сампсониевской церкви, которая была заложена в 1709 году и построена в 1710 году на месте ныне существующего храма по указу Петра Великого и разобрана в 1737 году в связи со строительством нового храма. История первой деревянной Сампсониевской церкви связана с историей строительства Петербурга в первой четверти XVIII столетия. Среди работ, повествующих о первых десятилетиях застройки Петербурга, следует выделить книгу А. Богданова и В. Рубана, в которой приводятся сведения о первоначальной Сампсониевской церкви и помещен рисунок внешнего вида деревянного здания этого храма, который мы встречаем только у этих авторов [3].

Интересные данные по истории первой Сампсониевской церкви содержат работы С.П. Луппова [4] и М.Н. Микишатыева [5]. Кроме сведений о самом храме в этих исследованиях дано подробное описание самого городского строительства, зарождения Петербурга в первой трети XVIII века.

Сведения о застройке Выборгской стороны во второй трети XVIII столетия можно найти в книге А. Владимирского [6]. Уже в начале работы находим данные о поселениях на Выборгской стороне, появившихся еще до основания Петербурга, причем автор не только указывает их местоположение, но и дает современную ему привязку к уличной сети. Достаточно информативны главы, посвященные зданию первой Сампсониевской церкви, деятельности причта по постройке каменного Сампсониевского храма. Далее даны сведения о кладбище при первой Сампсониевской церкви. В целом книга может быть отнесена к весьма распространенному жанру историко-статистического очерка.

Наиболее полным сочинением, посвященным Сампсониевскому собору как историческому памятнику, является очерк Н. Романченко [7]. В нем содержатся краткие сведения о Петербурге в момент основания первого Сампсониевского храма. Далее автор приводит сведения о застройке Выборгской стороны до середины XVIII века. В этой же главе Н. Романченко описывает историю первой деревянной Сампсониевской церкви и дает описание культовых предметов храма. Особая глава посвящена кладбищу при церкви Св. Сампсония Странноприимца, где автор приводит перечень лиц, погребенных возле храма, чьи захоронения сохранились до 1909 года. В целом Н. Романченко в своей книге сообщает множество интересных сведений, однако написанное им не является историческим очерком в современном понимании: сведения даны отрывочно и без указания на источник.

Заслуживает внимания и вышедшие в 1908-1909 годах небольшие работы священников В. Покровского [8] и И. Павловского [9], написанные накануне 200-летнего юбилея Полтавской победы. В работе В. Покровского впервые говорится о мемориальном значении Санкт-Петербургского Сампсониевского собора и о необходимости научной реставрации этого памятника.

К 200-летию юбилею Полтавской битвы были приурочены две работы, посвященные покровителю храма – Св. Сампсонию Странноприимцу [10]. Причем одесское издание дополнено описанием церкви Св. Сампсония в Полтаве, а В. Покровский в одноименной книге приводит историю строительства С.-Петербургского Сампсониевского собора.

Описание хода празднования 200-летнего юбилея Полтавской победы, торжественно проводившегося в Санкт-Петербурге в июне 1909 года, было отражено в столичных журналах «Нива» и «Родина» [11].

В целом представляют интерес изданные в прошлом путеводители по Санкт-Петербургу [12]. Хотя материала, посвященного непосредственно нашей теме, в них немного, но путеводители дают представление о значении Сампсониевского собора в культурно-историческом облике северной столицы.

Путеводители по городу выпускались и в советское время, но, в основном, значение Сампсониевского собора в них принижалось, что, естественно, было продиктовано идеологическими мотивами по отношению к культовому памятнику [13].

Положение изменилось в начале 70-х годов, когда Сампсониевский собор стал филиалом Военно-исторического музея А.В. Суворова. Особенно отметим две работы по истории и архитектуре города, вышедшие после музеефикации здания Сампсониевского собора. Это коллективный труд «Памятники архитектуры Ленинграда», составленный по заказу Главной инспекции по охране памятников Ленинграда, в котором определение художественно-исторического значения Сампсониевского храма было приближено к оценке в дореволюционных изданиях, приведенных выше [14]. В том же ключе написана статья о Сампсониевском соборе в энциклопедическом словаре по Петербургу, вышедшем в начале 90-х годов [15].

Значительно больше материала по Сампсониевскому собору содержат исторические описания храмов России, изданные в дореволюционное время, в которых не только описаны «главнейшие святыни» Сампсониевского собора, но и отражены изменения в его историческом облике: ремонты, реставрации и новые постройки [16].

Особый интерес представляют немногочисленные издания, посвященные реставрации Сампсониевского собора в 1908 – 1909 годах под руководством епархиального архитектора А.П. Аплаксина, который составил подробный отчет о работе [17].

Ход и результаты юбилейной реставрации Сампсониевского храма обсуждались на заседаниях Императорской археологической комиссии, о чем свидетельствуют публикации в периодически издаваемых «Известиях» [18]. Как явствует из публикаций, археологическая комиссия по существу руководила всеми работами, так как ей принадлежало право принимать или отвергать решения по реставрации, чтобы не нарушить первоначальный облик собора.

К теме реставрации Сампсониевского собора обратились вновь только в 70-х годах XX века, в связи с передачей зданий этого храмового комплекса Военно-историческому музею А.В. Суворова. Так в 1975 году появился ряд статей в журнале «Строительство и архитектура Ленинграда» с предложениями проектов и новых методов реставрации памятника XVIII века [19].

Проблемы реставрации Сампсониевского собора были исследованы в ряде работ 80-х и 90-х годов XX века после того, как комплекс зданий храма-памятника «Сампсониевский собор» был передан Государственному музею «Исаакиевский собор» для создания после реставрации музея истории, архитектуры и искусства Петербурга первой половины XVIII века [20].

Особняком стоят работы, посвященные Сампсониевскому собору как храму при первом петербургском кладбище и самому некрополю. Однако в этих исследованиях приводятся сведения, главным образом, о православном кладбище и захоронениях внутри собора [21].

В процессе исследования по данной теме были предприняты изыскания в двух центральных архивохранилищах северной столицы – Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге и Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга, а также в архиве Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга.

В первом из вышеназванных архивов был исследован фонд Канцелярии Святейшего Синода. Делопроизводство Синода распределено по фондам Российского государственного исторического архива в Санкт-Петербурге (далее – РГИА) [22], и в каждом из них имеются

десятки и даже сотни описей, содержащих тысячи дел. Теоретически среди этого огромного количества документов могут находиться такие, что содержат сведения, ранее неизвестные о Сампсониевском соборе. Однако объем, с которым нужно ознакомиться, настолько велик, что делает задачу – выявления всей информации по одному конкретному объекту – неразрешимой в заданные сроки. Поэтому нам пришлось ограничиться просмотром лишь некоторой части описей фонда Канцелярии Синода с 1721 по 1771 год (было просмотрено более пятидесяти описей). Это своего рода пробный зондаж, хронологические рамки которого определяются тем, что именно в этих пределах уместился период строительства Сампсониевского собора и время наиболее интенсивных захоронений на Сампсониевском кладбище.

Документов, в которых содержится интересующая нас информация по Сампсониевскому храму, оказалось немного: «Дело об освящении в 1725 году в деревянной Сампсониевской церкви придела Архистратига Михаила» [23], дело, начатое в 1743 году и содержащее сведения о внутреннем убранстве Сампсониевского собора [24].

В другом известном городском архивохранилище – Центральном историческом архиве Санкт-Петербурга (далее: ЦГИА СПб.) – ныне хранится делопроизводство Санкт-Петербургской Духовной Консистолии [25]. Там же находится небольшое собрание документов Сампсониевского собора: всего 41 дело с 1728 по 1914 год. Это, в основном, метрические книги, исповедальные росписи и другие материалы. Но нас, в первую очередь, интересуют документы по истории строительства и оформления внутреннего убранства Сампсониевского собора. Среди них находятся документы об освящении новопрестроенных при Сампсониевской каменной церкви приделов [26].

В этих же документах приводятся даты освящения первой деревянной церкви Св. Сампсония Странноприимца и ее приделов [27], сообщается о переносе иконостасов и престола деревянной церкви во вновь построенный каменный Сампсониевский храм [28].

По указанным выше причинам пришлось пересмотреть дела фонда Духовной Консистории, ограничившись лишь делами XVIII века. Но из материалов, хронологически относящихся к более позднему времени, наибольший интерес представляют документы, посвященные описанию состояния здания Сампсониевского собора в 1872 году [29] и юбилейной реставрации храма в 1908 – 1909 годах [30].

Был исследован в ходе работы и архив Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга (далее: КГИОП).

В 1936 году здание Сампсониевского собора было поставлено под охрану государства как памятник архитектуры республиканского значения и, согласно правилам государственного надзора, с середины 30-х годов любые исследования на территории Сампсониевского храма, ремонты и реставрация здания этого памятника проходили при участии или под контролем КГИОП. Вследствие этого в архиве Комитета в настоящее время хранится ряд дел, представляющих интерес для нашего исследования.

Одним из первых документов, составленных в 30-х годах и содержащих описание технического состояния здания Сампсониевского собора на тот период, является научно-технический паспорт на здание Сампсониевского собора, написанный архитектором В. Бражниковым [31]. В этом же документе приводится краткая история строительства собора, дана оценка его архитектурно-исторического значения.

Двумя другими документами, хранящимися в архиве КГИОП, являются отчеты о работе архитектурно-археологического отряда студентов Санкт-Петербургского государственного университета, проведенной на территории Сампсониевского собора в 1974 году [32]. Отметим, что главным итогом этих исследований стала возможность выделить два этапа в строительстве Сампсониевского собора: 1728-1732 и 1733-1740 годы. Вместе с тем в отчетах были отмечены и вновь открытые захоронения при Сампсониевском соборе (плиты, доски, кирпичные склепы).

Логическим продолжением отчетов об археологических раскопках 1974 года явился отчет о результатах археологического исследования, проведенного в 1986 году [33] научным отделом Специального научно-производственного объединения «Реставратор» на территории бывшего кладбища при Сампсониевском соборе. В этом документе приведен, пожалуй, наиболее полный перечень всех надмогильных плит и досок, имевшихся при Сампсониевском храме, а также найденных в результате археологических раскопок 1974 и 1986 годов.

В этом же архиве хранится еще один документ, содержащий интересующую нас информацию по истории возникновения захоронений при первой Сампсониевской церкви в начале XVIII века. Это – копия плана Санкт-Петербурга на 1721 год, сделанная уже в XIX столетии кондуктором Федоровым [34]. На этом плане достаточно хорошо видно первое петербургское кладбище при деревянной Сампсониевской церкви, расположенное восточнее храма и занимавшее территорию трапециевидной формы. На плане указано не только православное кладбище, но и кладбище для иностранцев, которое на более поздних планах Санкт-Петербурга отдельно не отмечалось.

Таковы основные источники по истории строительства Сампсониевского собора и возникновения захоронений при этом храме, хранящиеся в архивах Санкт-Петербурга.

Сегодня возвращение из небытия любого памятника национальной культуры происходит в двух измерениях: в материальном, в котором по крупицам собираются разрозненные ценности, и в духовном, – когда восстанавливается историческая память существующего поколения. В процессе раскрытия этих взаимодополняющих явлений предстаёт перед нами удивительный храм-памятник XVIII столетия – Сампсониевский собор.

Не все «современники» Сампсониевского собора дожили до наших дней. Без всякого снисхождения в советское время были снесены многие петербургские храмы, построенные неизвестными зодчими XVIII века. В их числе оказались церковь Св. Харитония, построенная в память победы над шведами у Лесной в 1708 году, Матфеевская церковь, возведенная в честь взятия Риги в 1719 году, собор Св. Троицы, заложенный в 1703 году по случаю основания Санкт-Петербурга. Этот список далеко не исчерпан: только за два послереволюционных десятилетия было уничтожено 27 храмов, представляющих большую историко-художественную ценность

Не пощадили и городские исторические некрополи. В частности, в начале 70-х годов было принято решение о ликвидации ряда старинных кладбищ Петербурга, включая Смоленское, Новодевичье и другие. В короткое время были снесены сотни уникальных надгробий, разрушены редкие по исполнению склепы и часовни. Возможно, что подобной участи ждали и захоронения при Сампсониевском соборе по очередному плану благоустройства города.

Этот мартиролог по ушедшим памятникам приведен только для того, чтобы не допустить подобной трагической судьбы для той малой части сохранившегося культурного наследия Петербурга. И в этом должны быть заинтересованы не только исследователи исторического прошлого северной столицы, но и вся городская общественность, ибо «сохраненное – равно приобретенному». Ведь совершенно очевидно, что движущими мотивами при сохранении памятников культуры в первоначальном виде сегодня становятся идеи мемориальности, исторической и художественной достоверности. Воссозданный объект превращается в символ национального прошлого, становится выражением сознания того, что современная культура не может развиваться, не опираясь на традиции. Заметным вкладом в эту программу сохранения архитектурно-художественного наследия Петербурга и явилось открытие музея-памятника «Сампсониевский собор».

Литература

1. Покровский В. Сампсониевский храм как исторический памятник. - СПб., 1909. - С. 3.
2. Платонов С.Ф. Лекции по русской истории. - СПб., 1993. - С. 55.
3. Богданов А., Рубан В. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга с начала заведения его с 1703 по 1751 год. - СПб, 1779. - С. 289
4. Луппов С.П. История строительства Санкт-Петербурга в первой четверти XVIII века. - М.; Л., 1957. - С. 65.
5. Микишатов М.Н. О преемственности в русской архитектуре первой трети XVIII столетия // История и теория архитектуры и градостроительства. - Л., 1980. - С. 125-131.
6. Владимирский А. Краткое описание С.-Петербургской Сампсониевской церкви, что на Выборгской стороне, с историей ее прихода. - СПб., 1890.

7. Романченко Н. Исторический очерк С.-Петербургской Сампсониевской церкви. - СПб., 1909.
8. Покровский В. Сампсониевский храм как исторический памятник. - СПб., 1909.
9. Павловский И. Битва под Полтавой 27 июня 1709 года и ее памятники. - Полтава, 1908.
10. Житие преподобного отца нашего Самсона Странноприимца. - Одесса, 1900; Покровский В. Житие отца нашего Самсона Странноприимца. - СПб., 1909.
11. Двухсотлетие Сампсониевской Церкви в Санкт-Петербурге // Нива. 1909. 26. С.471; Полонский В. Двухсотлетие церкви во имя Св. Самсона Странноприимца в С.-Петербурге // Родина. - 1909. № 29. - С. 424.
12. Богданов А., Рубан В. Историческое, географическое и топографическое описание...; Георги И. Описание Российско-Императорского города Санкт-Петербурга. - СПб., 1794; Пушкирев И.И. Исторический указатель достопримечательностей Санкт-Петербурга. - СПб., 1846; Червяков А.Н. Путеводитель по Санкт-Петербургу. - СПб., 1865; Зарубин И. Альманах-путеводитель по Санкт-Петербургу. - СПб., 1913.
13. Справочник по городу Петрограду. - Пг., 1918; Ленинград и Ленинградская губерния. - Л., 1925; Столпянский П. Санкт-Петербург, ныне Ленинград. - Л., 1927; Старый Петербург – новый Ленинград. - Л., 1928; Путеводитель по Ленинграду. - Л., 1931; Ленинград: Путеводитель. - Л., 1940.
14. Памятники архитектуры Ленинграда / Сост. А.Н. Петров, Е.А. Борисова. - Л., 1975. - С. 265-267.
15. Петербург. Петроград. Ленинград: Энциклопедический справочник / Сост. Л.Н. Белова, Н.Г. Булдаков, А.Я. Дегтярев. - М., 1992. - С. 562-563.
16. Историческое описание находящихся в России епархий, монастырей и церквей. - СПб., 1819; Историческое описание соборных и приходских церквей в Российской Империи находящихся, с показанием времени построения оных. - М., 1828; Ратшин А. Полное собрание исторических сведений о всех в древности и ныне существующих монастырях и примечательных церквах России. - М., 1852; Церковь Самсона Странноприимца на Выборгской стороне //

- опыт работы: Сб. научных трудов. - СПб., 1996, Вып.2. - С. 89-96;
- 2) Дворянские гербы на мемориальном памятнике при Сампсониевском соборе // Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы: Сб. научных трудов. - СПб., 1997, Вып.3. - С. 43-47; 3) Мемориальный памятник «Врагам Бирона» при Сампсониевском соборе в Санкт-Петербурге // Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы: Сб. научных трудов. - СПб., 2001, Вып.6. - С. 47-53.
22. РГИА. Ф.796. Канцелярия Синода (1721 – 1918); Ф. 797. Канцелярия Обер-прокурора (1722 – 1917); Ф. 799. Хозяйственное Управление (1839 – 1918); Ф. 800. Синодальная типография; Ф. 801. Синодальный контроль (1833 – 1917); Ф. 804. Присутствие по делам православного духовенства (1862 – 1885); Ф. 814. Архив и библиотека (1836 – 1923); Ф. 834. Рукопись Синода; Ф. 835. Строительные планы и фотографии (XIX – XX в.).
23. РГИА. Ф. 796. Оп. 6. Д. 352. 1725 г.
24. Там же. Оп. 24. Д. 490. 1743 г.
25. ЦГИА СПб. Ф. 19 (Фонд С.-Петербургской Духовной Консистории).
26. Там же. Оп. 1. Д. 127. 1721 г.
27. Там же. Оп. 1. Д. 1108. 1733 г.
28. Там же. Оп. 1. Д. 1163. 1737 г.
29. Там же. Ф. 256. Оп. 3. Д. 2506. 1872 г.
30. Там же. Ф. 792. Оп. 1. Д. 10099. 1908 г.
31. Научный паспорт на здание б. Сампсониевского собора / Сост. В. Бражников. КГКИОП. Инв. №146. - Л., 1939.
32. Отчет об археологических исследованиях 1974 года в Сампсониевском соборе на Выборгской стороне / Сост. Г.С. Лебедев, Ю.М. Денисов, В.С. Воинов. КГКИОП. Инв. № 1868. - Л., 1976; Краткий отчет о работе архитектурно-археологического отряда в Сампсониевском соборе с 18 по 30 июня 1974 года/ Сост. В.А. Коренцивт. КГКИОП. Инв. № 1869. - Л., 1976.
33. Отчет об археологических исследованиях на территории б. кладбища у Сампсониевского собора в 1986 году/ Сост. В.А. Коренцивт. СНПО «Реставратор». Инв. № 1095. - Л., 1987.
34. План столичного города и крепости Санкт-Петербурга 1721 г.: Копия / Сост. Федоров. КГКИОП. Инв. № 4522. - СПб., [6.г.].

- Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской Епархии. - СПб., 1883. Вып. 7. - С. 164; Тихомиров Н.А. Путеводитель по церквам С.-Петербурга и ближайших окрестностей его. - СПб., 1906; Брюгген Э.А. Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. - СПб., 1909.
17. Аплаксин А.П. Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге 1709 – 1909 гг. СПб., 1909.
 18. Известия Императорской Археологической комиссии. - СПб., 1908. Вып.28. - С. 81-82; Там же. - СПб., 1909. Вып.31. - С. 35-37.
 19. Реконструкция Сампсониевского собора: Проект // Строительство и архитектура Ленинграда. – 1975, №7. - С. 25; Воинов В.С., Денисов Ю.М., Лебедев Г.С. В память о русской славе: Реставрация Сампсониевского собора на Выборгской стороне // Строительство и архитектура Ленинграда. – 1975, №9. - С. 40.
 20. Круглов Г.В. В честь подвига русских солдат // Блокнот агитатора. – 1981, №26. - С. 47-53; Восстановление памятников архитектуры Ленинграда / Сост. А.А. Кедринский, Б.Н. Ометов, А.М. Раскин. - Л., 1983. - С. 98; Бутиков Г.П. Исаакиевский собор. - Л., 1989. - С. 185-193; Квятковский А.В. 1) Санкт-Петербургский Сампсониевский собор: Особенности архитектуры // Петербургские чтения: Тезисы докладов конференции. - СПб., 1992. - С. 119-122; 2) Во имя Сампсония Странноприимца, во славу русского оружия // Музеи России: Поиски, исследования, опыт работы: Сб. научных трудов. - СПб., 1995. - С. 17-22; Шульц С.С. Храмы Санкт-Петербурга. - СПб., 1994. - С. 63-66; Баторевич Н.И. Благодарная Россия своим героям. - СПб., 1995. - С.59-78.
 21. Городецкий М.И. Памятник на общей могиле Волынского, Еропкина, Хрущева // Русская старина. – 1886, Т.50. - С. 711-724; Владимирский А. Краткое описание С.-Петербургской Сампсониевской церкви... - С. 35-45; Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургской Сампсониевской церкви... - С. 72-94; Историко-статистические сведения по Санкт-Петербургской Епархии. - СПб., 1883, Вып.7. - С. 164; Лавры, монастыри и храмы на Святой Руси. - СПб., 1908, Вып.3. - С. 12; Сантов В.И. Петербургский некрополь. - СПб., 1912, Т.2. - С. 430; Некрополь: Кладбища Санкт-Петербурга. - СПб., 1992, Вып.1. - С. 61; Исторические кладбища Петербурга / Сост. А.В. Кобак, Ю.М. Пирютко. - СПб., 1993. - С. 534-536; Квятковский А.В. 1) Захоронения при Сампсониевском соборе в Санкт-Петербурге // Музеи России: Поиски, исследования,

О.О. МАТВЕЕВА

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЕ УЧРЕЖДЕНИЯ ПРИ САМПСОНИЕВСКОМ СОБОРЕ

Благотворительность – оказание безвозмездной помощи тем, кто в этом нуждается. Основной чертой благотворительности является свободный и непринужденный выбор формы, времени и места, а также содержания помощи. Благотворительные организации создаются для реализации благотворительных целей путем осуществления благотворительной деятельности в интересах общества в целом или отдельных категорий лиц.

История благотворительных организаций в России делится на два этапа: период становления благотворительных организаций в России – с середины XVI века до 1862 г. и период расцвета русской благотворительности – 1862-1906 гг.

После крещения Руси помощь нищим и убогим сосредоточилась вокруг церквей. До середины XV века частная благотворительность носила религиозный характер, а основными законодательными актами, регламентирующими благотворительную деятельность, были церковные уставы и положения. Финансовым источником, обеспечивающим благотворительную деятельность, являлась церковная десятина и добровольный труд монахов и священнослужителей. Княжеская власть носила характер частной благотворительности.

Во второй половине XV века увеличился социальный состав благотворительности и ее финансовая база. Однако, в процессе развития общества, церковь оказалась не в состоянии решить все социальные проблемы, и во второй половине XVI века начала зарождаться и развивается система государственного призрения.

Призрение носило организованный характер и осуществлялось государством, церковью, обществом, а также частными лицами, и выражалось, прежде всего, в предоставлении кому-либо приюта и пропитания. Сосредоточение дела призрения в государственных учреждениях началось после воцарения династии Романовых. В 1632 г. был учрежден Аптекарский Приказ – высший медицинский орган, ведающий медицинским и аптечным делом, а с 1670 г. при царе Алексее Михайловиче (1629 – 1676) – Приказ строения богаделен (богоугодных заведений для призрения лиц не способных к труду: престарелых, немощных, увечных и выздоравливающих; существенным признаком богадельни является полное содержание, даваемое призреваемым), по которому все богадельни были отнесены к ведомству патриаршего дома. Появилась необходимость перехода к системе общественного призрения, в задачи которой входила не только раздача милостыни бедным, но и предоставление заработка трудоспособным нуждающимся. В 1682 г. царь Федор Алексеевич (1661 – 1682) издал указ, согласно которому в Москве были построены две богадельни, «чтобы впредь по улицам бродящих и лежащих нищих не бывало». По его указу неспособные к работе должны были найти себе приют при монастырях или богадельнях, а здоровые нищие должны были работать и воспитывать детей в труде.

Становление мер общественного призрения в определенную систему принадлежит Петру Великому (1672 – 1725). Царь принял решительные меры к урегулированию частной благотворительности, определил организованную помощь общества, установил органы призрения и необходимые для развития дела средства. Он указывал на предупреждение нищеты как на лучший способ борьбы с ней, выделял из нуждающихся работоспособных, профессиональных нищих и другие их категории.

Забываясь о «пристройстве» истинно нуждающихся, Петр I в 1700 г. писал о постройке по всем губерниям богаделен для старых и увечных, и о необходимости «старым зело и увечным кормовщикам, также и вдовам старым давать кормовых денег до их смерти, да недорослям малым до указной меры в полы прежних их окладов, а молодым и здоровым кормовых денег не давать и от кормовых денег им отказать».

В 1706 г. митрополитом Иовом был основан первый в России приют для незаконнорожденных детей. Император немедленно определил денежные средства на содержание этого учреждения. Позже он повелел учредить в городах госпитали для «засорных» (незаконнорожденных), а затем и общие сиротские дома.

В 1712 г. Петр I снова настаивает на принятии энергичных мер по призрению. Он требует повсеместного устройства в губерниях госпиталей для «увечных и самых престарелых, не имеющих возможности снискивать пропитание трудами». В 1715 г. Петр I приказал строить в Москве в церковных оградах каменные госпитали, а в других городах деревянные и «объявить указ, чтобы засорных младенцев в непристойные места не отметывали, но приносили бы к вышеозначенным госпиталям и клали тайно в окно чрез какое закрытие, дабы приносимых лиц не было видно». За убийство новорожденного государь ввел смертную казнь. Если впоследствии дети, выросшие в госпитале, заболели, становились нетрудоспособными или умственно неполноценными, то они могли возвращаться в эти приюты, как в родительские дома.

Большое внимание император обращал и на призрение военных чинов.

Петр I постоянно подтверждал, что нищих, способных к труду, нужно привлечь к работе, а больных и увечных поместить в богадельни. Следуя европейским примерам, он усилил наказания для здоровых нищих: денежные штрафы, телесные порки, каторжные работы.

Все эти меры царя были направлены на то, чтобы создать сознательное отношение к нищенствующим, различать их по нуждам и по причинам нищеты, в зависимости от чего устанавливать способы и виды призрения (смирительные дома, прядильные дома, госпитали, сиротские дома). Чтобы выяснить количество нуждающихся, император предписал провести переписи всех бедных.

Относя призрение бедных к обязанностям общества, Петр Великий отрицательно относился к древнейшей форме благотворительности – милостыне. В ней он видел зло, с которым нужно бороться. Он запретил раздавать милостыню нуждающимся, но не заслуживающим помощи. Лицам, желающим оказать милостыню, рекомендовалось отсылать ее в богадельни.

Государь хотел построить богадельни по всему церковному ведомству, по монастырям и при церквях. Расширяя дело общественного призрения, Петр I сознавал необходимость поиска новых источников средств на призрение. При нем вдвое был увеличен сбор венечных денег со вступающих в брак; запрещена вольная продажа восковых свечей и предоставлена исключительно церквям; установлен вычет из жалованья у всяких чинов, кроме солдат; введено в монастырях обучение монахинь рукоделиям с целью обращения вырученных за эти работы денег «на общую монастырскую пользу»; введен сбор добродетельных подаваний в церквях и обращение штрафных денег с раскольников на богоугодные дела.

Сам факт обособления этих незначительных средств со специальным назначением указывал на сильное желание царя прочно организовать и поставить дело общественного призрения.

Петр I хотел, чтобы свечная продажа приносила доход церкви. Церковные свечи неодинаковых, а иногда затейливых форм продавались в Петербурге до 1721 г. разными лицами на улицах и около церквей. Именным указом от 28 февраля 1721 г. Петр I повелел при каждой церкви Петербурга на прибыльные деньги от продажи свеч, построить богадельню «пробывания ради нищенствующим больным, которых там и кормить, по пропорции коеяждо церкви доходов, понеже церковные имения – нищих имения суть» [1].

Сампсониевская церковь пришла на помощь призрения бедным и немущим еще в 1714 г., т.е. за несколько лет до обнародования царского указа, став первым в Петербурге явлением епархиальной приходской благотворительности. Ее прихожанин, купец Емельян Яковлевич Москвин устроил при церкви мужскую богадельню на 10 человек, которые питались на добровольные пожертвования и подавания мирских людей.

5 июля 1721 г. посадский человек Иван Негоджев просил Святейший Синод разрешения устроить в Сампсониевской церкви женскую богадельню, а мужскую значительно расширить и перенести в более удобное место. По указанию Синода и генерал полицеймейстера графа Девриера, богадельням были отведены новые места. Через год мужская богадельня была расширена, а в созданной женской богадельне призывалось 20 престарелых женщин.

Положением «О власти и обязанностях Синода» от 12 апреля 1722 г. Петр I возложил все заботы о богадельнях на Святейший Синод и распределил по шести приказам всякого рода возникавшие дела. В Синод поступали все прошения о принятии в богадельню.

Право на поступление туда давали болезнь, дряхлость, убожество, отсутствие сил работать. Прежние заслуги и труды просителей принимались во внимание для определения их в богадельню с женами и детьми. Живущие в богадельнях попадали в подчинение духовенству приходских церквей.

После перехода в распоряжение Санкт-Петербургского Духовного правления, по закрытии Тиунской избы (центра управления церквями, куда поступали налоги и пошрины), порядок поступления в богадельню принял более точный и определенный характер. В Духовное правление подавалось прошение с указанием болезни и бедственного положения просителя. С отставных солдат требовался указ об отставке. Собранные сведения у полкового начальства и сделав справки у причта Сампсониевской церкви о наличии вакансии в богадельне, Духовное правление, сообразно этим сведениям, отказывало или определяло просителя в богадельню.

Указом от 2 августа 1731 г., живущим в Епархиальных приходских богадельнях, следовало соблюдать следующие правила: не просить милостыню по улицам; всегда ходить в церковь; во время богослужения стоять на указанных местах и по окончании церковного пения благочинно собирать милостыню на пропитание. Наблюдение за исполнением этих правил возлагалось на священнослужителей церкви, при которой имелась богаделенская изба. Для поддержания порядка в женских богадельнях духовенством была учреждена должность старостихи, утверждавшаяся духовным правлением.

Преемники Петра I мало заботились о полном проведении мер по призрению и лишь повторяли и усиливали указы о жестоких наказаниях нищенствующих. Открытые при царе приюты, постепенно закрывались, так как императрица Екатерина I (1684 – 1727),

а затем и Елизавета (1709 – 1761), издававшие указы о призрении новорожденных, не смогли настоять на их исполнении. За этот период общее «число нищих умножилось, а паче при церквях и в рядах».

Благотворительная деятельность снова начала развиваться в царствование Анны Иоанновны (1693 – 1740) – гражданское правительство принялось строить богадельни для призрения убогих. Правительствующий Сенат издал 19 мая 1733 г. распоряжение строить в Петербурге при церквях богадельни. Две новые деревянные богадельни – одна для мужчин, другая для женщин – появились при Сампсониевской церкви. Сенат сам разбирал дела бедных и больных. Их определяли в новопостроенные богадельни, а с годными к работе и нищими по ремеслу поступали согласно указам о них.

Указом Сената от 21 января 1740 г. Санкт-Петербургские богадельни переходили в ведомство Камер-Канторы.

С восхождением на престол Екатерины II (1729 – 1796) начинается вторая попытка на протяжении XVIII века изменить социально-экономическую структуру страны. При преемниках Петра Великого и до издания учреждения о губерниях (1775) заведование призрением лежало на Правительствующем Сенате, без определения которого никто не мог быть помещен в богадельню. Екатерина II первые годы своего царствования тоже следовала предначертаниям Петра I, но значительно смягчила карательную систему по отношению к нищим. В ее царствование были созданы новые органы управления общественным призрением, двухуровневая система социальной помощи нуждающимся – приказы общественного призрения и местные органы попечительства сословного характера (дворянская опека, сиротский суд).

Крупнейшим делом периода царствования Екатерины II было учреждение двух больших заведений для призрения незаконнорожденных детей. Вопрос о них был серьезно разработан под руководством личного секретаря императрицы, известного филантропа И.И. Бецкого, и получил практическое осуществление с основанием в 1763 г. Воспитательного дома в Москве, а в 1770 г. – и в Петербурге. Устройством этих домов было положено прочное начало призрения незаконнорожденных детей.

Наиболее значимой организационной мерой Екатерины II стало создание целой сети специальных учреждений – «Приказов общественного призрения». В своем указе 1775 года «О создании в составе губернских учреждений приказов общественного призрения» она вменяла каждой губернии устройство народных школ, сиротских домов, госпиталей или больниц, богаделен для убогих, увечных и престарелых, не имеющих пропитания, убежищ для неизлечимо больных, домов для умалишенных, работных и смирительных домов.

Взятие в казенное управление духовных имений дало возможность построить достаточное число богаделен в обеих столицах. Утверждая духовные штаты, Екатерина II предписывала «сделать лучшее рассмотрение об учреждении для неизлечимых и крайне престарелых в Санкт-Петербурге и Москве особых богаделен». 24 февраля 1766 г. Духовная комиссия представила на высочайшее утверждение учреждение столичных богаделен для лиц обоего пола.

Выполняя эту задачу, комиссия подсчитала общее количество человек, нуждающихся в общественном призрении. Оказалось, что в петербургских богадельнях призреваемых было 1972 человека, но из этого числа 1042 человека оказались более или менее способными к работе. Принимая это во внимание, Духовная

комиссия решила, оставляя принятых ранее, в будущем иметь в богадельнях определенное число призываемых, а именно: в Петербурге – 500, а в Москве – 1000 человек. В это число были включены только самые престарелые и увечные. Призываемым, способным заработать на пропитание, выдавалось по 7 руб. 50 коп. в год и, кроме того, предоставлялось жилье.

Законодательным актом от 7 ноября 1775 г., получившим название «Учреждения для управления губерний Всероссийской Империи», была заложена государственная система общественного призрения, сохранившаяся в общих чертах до наших дней.

В 1785 г. создаются городские участковые попечительства, в ведение которых передаются благотворительные учреждения. К решению социальных задач привлекаются широкие слои населения, которые получают доступ, как к процессу принятия решения, так и к процессу реализации благотворительных функций.

Екатерина II положила начало созданию в России благотворительных обществ. На рубеже XVIII – XIX веков общественное призрение начинает складываться в определенную систему со своими светскими институтами, появляется специальное законодательство, регулирующее деятельность не только приказов общественного призрения, но и благотворительную деятельность в обществе. На основе расширяющейся благотворительной практики создаются учреждения поддержки разным категориям нуждающихся: беспризорным детям, инвалидам, увечным воинам, слепым, глухим и т.д.

Императрица Мария Федоровна (1759 – 1828) за 30 лет основала целую сеть благотворительных заведений. В ноябре 1796 г. она приняла на себя непосредственное начальствование над

Воспитательным обществом благородных девиц и его мещанским отделением, пожаловав ему в ежегодную выдачу из своей казны по 15 тыс. рублей. В 1797 г., по воле Павла I, она возглавила Воспитательные дома, Сохранные казны и Коммерческое училище, чем положила основание Ведомству, впоследствии названному ее именем.

Императрица заботилась об устройстве уже существующих учебных и благотворительных заведений, а также создавала новые. К 1802 г. в Петербурге и Москве были открыты женские учебно-воспитательные учреждения им. Св. Екатерины, в 1807 г. основан Павловский военно-сиротский институт, в 1817 г. – Харьковский институт благородных девиц для дочерей дворян и купцов всех гильдий с обучением приходящих девиц за плату и без платы. При Марии Федоровне были открыты училища для солдатских дочерей в Севастополе и Николаеве, для глухонемых детей в Павловске на даче императрицы, а также больницы и воспитательные дома.

К наиболее значимым учреждениям императрицы относятся Вдовьи дома – один в Санкт-Петербурге, другой в Москве. Дома были открыты для вдов военных и гражданских чиновников и содержались на доходы Воспитательных домов. В 1803 г. Мария Федоровна основала две больницы для бедных на средства Воспитательных домов, которые в ее память были названы Мариинскими.

Благотворительность нашла свое развитие и при Александре I (1777-1825), который учредил «Императорское человеколюбивое общество», содержащее дома и дешевые квартиры, ночлежные приюты и столовые.

В 1854 г. благотворительные заведения были объединены в «Ведомство учреждений императрицы Марии». Учреждения этого ведомства делились на 15 групп, которые, в свою очередь, подразделялись на разряды. К 1904 г. Ведомство включало

140 учебных заведений, Императорский воспитательный дом, 55 домов призрения, 47 лечебниц и больниц, 376 приютов, 298 попечительских детских приютов, 2 попечительства о слепых и глухонемых (включающих 44 учебных заведения, 16 домов призрения и 17 лечебниц, 31 благотворительное общество). Помимо них действовали и Императорское человеколюбивое общество, Российское общество Красного Креста, Попечительство в домах трудолюбия и работных домах и т.д.

Все существующие в то время благотворительные организации можно разделить на две группы: благотворительные общества и благотворительные учреждения. Благотворительные общества оказывали преимущественно разовую помощь, а благотворительные заведения помимо разовой помощи обеспечивали приют и пропитание постоянно проживающим в них людям.

С оживлением приходской благотворительности с шестидесятых годов XIX столетия ожила благотворительная деятельность Сампсониевского прихода. 13 октября 1874 г. при церкви было учреждено «Общество вспоможения бедным Сампсониевского прихода». Идея учредить общество на капитал в 2 000 руб. принадлежала Действительному Статскому Советнику Михаилу Георгиевичу Петрову и настоятелю церкви св. Сампсония Алексею Ивановичу Ярославскому. Общество стало оказывать денежную помощь бедным прихода, выражавшуюся в ежемесячных и единовременных пособиях. Сампсониевскому обществу покровительствовали крупные благотворительные организации, в том числе Императорское человеколюбивое общество. За первый год своего существования доход общества возрос до 7 427 руб. 96 коп., благодаря пожертвованиям местных состоятельных людей – фабрикантов, лесоторговцев, заводчиков, чинов Л.-Гв. Московского полка.

Совет общества заботился о воспитании детей и о помещении престарелых в богадельню. Оказывалась посильная помощь лицам, нуждающимся в покровительстве. В наемном помещении были устроены даровые квартиры для престарелых женщин, но одновременных пожертвований было недостаточно для их обеспечения. Общество задалось целью выстроить свой дом. Причт церкви предложил участок в 300 кв. саженей церковной земли с арендной платой в 100 руб. в год. Расходного капитала общества, составлявшего 11 тыс. руб. в бумагах, было недостаточно для возведения значительной постройки. На помощь пришел известный благотворитель Илья Федулович Громов, пожертвовавший на постройку дома несколько десятков тысяч рублей. При помощи Сампсониевского благотворительного общества при церкви св. Самсона был выстроен собственный каменный трехэтажный дом (стоимостью более 50 тыс. руб.).

В день Сампсония Странноприимца 27 июня 1880 г. помещение богадельни и приюта было освящено Исидором, митрополитом Новгородским, С.-Петербургским и Финляндским. Первый этаж этого дома церковь сдавала в аренду и получала с него доход, а на втором и на третьем этажах помещались богадельни для престарелых женщин и малолетних девочек.

Анна Ивановна Громова стала попечительницей над богадельней, а наблюдение за призреваемыми было поручено нанятой для этого надзирательнице. В 1887 г. в верхнем этаже дома было учреждено Убежище для бедных сирот, в возрасте от 3 до 12 лет. Кроме приюта и еды, их обучали первоначальному чтению и письму, а также рукоделиям, а затем отдавали в ближайшее городское училище. Кроме содержания богадельни и убежища, общество содержало несколько детей стипендиатами в различных средних и низших учебных заведениях.

Для религиозно-нравственного просвещения горожан при Сампсониевской церкви в 1885 г. была устроена церковно-приходская библиотека, которой бесплатно пользовались бедные прихожане.

При соборе в 1888 г. из числа рабочих Выборгской стороны и членов их семей был создан народный хор, во главе которого встал Панкратий Михайлович Карасев. Хор исполнял ранние литургии по воскресным и праздничным дням, кроме того, пел в храме всю всенощную в воскресные дни и после нее акафист [2].

К 1890 г. общество имело наличный капитал в 65 тыс. руб., что с недвижимостью составляло более 100 тыс. руб. Местные попечители отыскивали нуждающиеся с целью помочь им. Обществом выдавались постоянные ежемесячные пособия бедным семьям, оказывалась помощь во всех несчастных случаях.

Священником Сампсониевской церкви Александром Ивановичем Преображенским в 1892 г. было основано «Общество трезвости». Однако из-за отсутствия собственного помещения и строгой организации жизнь этого общества до 1901 года была мало заметной. С благословения и согласия настоятеля церкви священника П.В. Знаменского и церковного старосты В.Я. Воронина, с 10 июня 1901 г. общество трезвости на добровольные пожертвования сняло квартиру в церковном доме, превращенную в зал для собраний трезвенников. В основном членами общества становились служащие фабрик и заводов, прием всегда сопровождался словом о вреде пьянства. В зале общества также велись беседы религиозно-нравственного содержания, чтения со световыми картинками, занятия воскресной школы, миссионерские курсы (1903 и 1904 гг.), проводились спевки хора трезвенников, выдача

книг из библиотеки, продажа книг Св. Писания и религиозно-нравственного содержания, собрания постоянных трезвенников и выборных общества трезвости, устройство благотворительных елок и др.

7 декабря 1902 г. в честь десятилетия основания общества трезвости в Сампсониевском храме состоялась торжественная литургия, которую отслужил протоиерей И.И. Серпев (Кронштадтский) в сослужении с основателем Общества А.И. Преображенским, священниками А. Косухиным, Н. Птицыным, Д. Якшичем и заведующим Обществом священником И.Е. Острогорским. После служения Кронштадтский пастырь сказал собравшимся слово и посетил залу.

26 марта 1906 года при Сампсониевской церкви было учреждено «Христианское Братство в приходе Сампсониевской церкви города Санкт-Петербурга церкви», устав которого утвердил митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский Антоний. Задачей братства являлась религиозно-просветительная деятельность и борьба с народным пьянством. Главным из элементов братства стало Сампсониевское общество трезвости, которое до учреждения братства существовало лишь со словесного благословения митрополитов Палладия и Антония.

Вскоре после утверждения устава Христианского братства возникла мысль о постройке собственного дома, так как из-за недостатка помещения посещаемость бесед, чтение библиотечных книг и состав воскресной школы не имели роста и развития. Совет братства начал поиск средств для постройки дома. Крупные материальные пожертвования на дом братства внесли

Администрация Сампсониевского собора, Главное управление неокладных сборов; Э.Л. Нобель, Товарищество Д.Н. Лебедева, Н.Д. Егорова, Правление компании Сампсониевской бумагопрядильной и ткацкой мануфактуры, Л.Е. Кениг, Акционерное общество «Воронин, Лютш и Чешер», Н.В. Барановский, Н.В. Елисеев, А.В. Озеров, В.А. Храмченков, И.П. Белозеров, И.П. Максимовский и Сампсониевское общество трезвости [3].

Весной 1907 г. приступили к постройке братского дома по проекту и под наблюдением инженера-архитектора Н.Н. Егорова [4]. В конце февраля 1909 г. дом был закончен. Три зала разной величины, снабженные электрическим освещением, водяным отоплением и вентиляцией, книжный и иконный склад должны были служить целям религиозно-просветительной работы и борьбе с народным пьянством. Одно помещение, выходящее на фасад, сдавалось в аренду.

22 февраля 1909 г. происходили торжества по случаю освящения дома Христианского братства. Божественная литургия была отслужена в Сампсониевском храме епископом Нарвским Никандром (Феноменовым) в сослужении архимандрита епископа Гдовского Вениамина и Сампсониевского духовенства. После литургии крестный ход направился из храма в новый дом, где в Большом зале отслужили молебен на освящение дома и открыли торжественное заседание братства. С приветственными речами выступили председатель совета братства священник И.Е. Острогорский, священники В.А. Покровский и Н.С. Рудинский, епархиальный миссионер-проповедник Д.И. Боголюбов и епархиальный архитектор А.П. Аплаксин.

В новом доме жизнь прежних учреждений братства приняла более широкий характер. К числу прежде существовавших учреждений, вошедших в состав братства и переведенных в братский дом, относятся беседы и чтения, общество трезвости, воскресная школа, хор общества трезвости, книжный и иконный склад, библиотека и рождественская елка для беднейших детей Сампсониевского прихода.

Чтениями и беседами заведовал священник Сампсониевского собора В.А. Покровский, деятельное участие в них принимали штатный диакон собора П.А. Владимирский, священники Н.С. Рудинский и В.Д. Красницкий.

Общество трезвости помещалось в малом зале братского дома. Выборные общества трезвости, состоявшие помощниками руководителя общества И.Е. Острогорского, вели запись трезвенников и принимали от них пожертвования, наблюдали за порядком во время записей, чтений и бесед, организовывали крестные ходы.

Воскресная школа, существовавшая с 1902 г., находилась в ведение Санкт-Петербургского столичного и уездного отделения Епархиального Училищного Совета. Заведующим школой состоял священник В.А. Покровский. В начале 1909-1910 учебного года в школу было принято 250 человек взрослых и детей старшего возраста.

Сампсониевский хор общества трезвости с 1905 г. стал называться Антониевским, по имени офицера морского ведомства Антона Фердинандовича Путвинского, руководившего хором вплоть до 1917 г. Хор принимал деятельное участие в пении всем народом литургии в Александро-Невской лавре и Исаакиевском соборе. Члены хора посещали вечерние воскресные беседы в Большом зале общества братства и пели молитвы и стихи из сборника «Слово Жизни». Состав его к 1904 г. вырос от 20 до 150 певцов. С 1894 г. коллектив выступал во время лекций петер-

бургского проповедника священника Г. Спиридонова, с 1895 г. давал общедоступные концерты, состоявшие из духовных и светских произведений русских композиторов и народных песен. В храме и на концертах духовной музыки исполнялись сочинения авторов петербургской школы Е.С. Азеева, А.А. Архангельского, М.А. Балакирева Н.И. Бахметева, прот. М. Лисицына, а также произведения П.И. Чайковского. С 1905 г. хор приглашали для выступлений в концертах с участием симфонических оркестров и известных солистов.

В год 200-летнего юбилея Сампсониевского храма в Большом зале дома братства прошло два духовных концерта – 8 марта 1909 г. собрание в память о. Иоанна Кронштадтского и 22 марта 1909 г. собрание в память духовных композиторов Д.С. Бортнянского, прот. П.И. Турчанинова и А.Ф. Львова.

Наличие нового помещения расширило деятельность братства. К их новым начинаниям относятся вечерние курсы для взрослых и дамский «Кружок Тавифы».

Инициатива и организация вечерних курсов принадлежала священнику В.А. Покровскому, попечительство над слушателями приняла на себя графиня Мария Федоровна Шереметева. На курсах преподавались следующие предметы: апологетика (священником В.А. Покровским), черчение и рисование (гражданским инженером А.П. Аплаксиным), бухгалтерия (бухгалтером Н.Г. Знаменским), русский язык (слушательницей педагогического института Л.В. Кудрявцевой), природоведение (заведующей 4-х классным городским училищем В.А. Яковлевой), арифметика и геометрия (Н.В. Власовой) и гигиена (врачом В.К. Зарембской). Епархиальный архитектор А.П. Аплаксин пожертвовал 100 руб. на приобретение пособий для чертежного класса. Количество занимающихся отдельными предметами было неодинаково, что объяснялось степенью пригодности предмета в трудовой

жизни рабочего класса, и колебалось от 15 (природоведение) до 70 (черчение) человек на предмет.

Дамский «Кружок Тавифы» был организован О.Д. Рудинской по инициативе священника И.Е. Острогорского. Его участницы собирались в Большом зале братства и шили платья и рубашки для беднейших детей прихода. Для приобретения материала дамы вносили по одному или два рубля в месяц, а также принимали на свое дело единовременные пожертвования.

В период реставрации Сампсониевского собора к 200-летию юбилею, с 21 марта по 25 июня 1909 г. Большой зал, с благословения Митрополита, стал временным храмом Сампсониевского прихода. К 27 июня 1909 г. Большой зал был украшен портретами императоров Александра II и Александра III, написанными масляными красками и помещенными в золоченые рамы, и большой фотографией Сампсониевской церкви до ее реставрации в дубовой раме, пожертвованными А.Д. Лебедевым и В.Д. Лебедевым.

В конце 1909 г. для беднейших детей прихода была организована Рождественская елка, сам же детский праздник состоялся 1 января 1910 г. Елка, украшенная Обществом трезвости, горела электрическими огнями. Из многих сотен желающих на праздник попали беднейшие дети. На елке дети из городских школ и из приюта при Сампсониевский богадельне декламировали стихи, пел хор общества трезвости. Кроме гостинцев и игрушек дети получили по паре хорошей обуви, а также рубашки и платья, изготовленные дамским «Кружком Тавифы». На святках, кроме елки для детей и выборных, была устроена елка для Сампсониевского народного хора, для воскресной школы и вечерних курсов.

12 июня 1911 г. Сампсониевское общество трезвости отмечало 10-летие. Епископ Вениамин отслужил литургию в соборе, а затем в доме Сампсониевского христианского братства провел торжествен-

ное собрание. За 10 лет число трезвенников увеличилось более чем в 60 раз и в 1910 г. превысило 25 000 человек [5].

При Сампсониевском соборе в 1912 г. был основан первый в мире детский союз, а в 1913 г. – христианский союз юношества и общество хоругвеносцев.

Сампсониевский храм стремится духовно влиять и нравственно воспитывать свою многотысячную паству с помощью всех имеющихся у него средств: Христианского братства, общества трезвости, богадельни для престарелых мужчин и женщин, а также подростков обоего пола, народного хора, церковной школы и других религиозно-просветительских благотворительных учреждений. Но все эти средства при посильной поддержке бедных прихожан могли функционировать лишь в малых размерах, далеко не отвечающих нуждам населения Выборгской стороны.

Большевики использовали дом Сампсониевского братства (ныне Дом Культуры 1-го Мая) для проведения своих занятий и собраний. В июле 1917 года в здании братства под охраной отрядов красногвардейцев состоялись первые заседания исторического VI съезда РСДРП (б) под руководством Ульянова (Ленина).

Литература

1. Романченко Н.Ф. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. – СПб., 1909. – С. 95.
2. Зверева С.Г. С.Д.Х. [Хитрово С.Д.]. Антониевский (Сампсониевский) народный хор. – СПб., 1908.
3. Отчет Сампсониевского Христианского Братства в Санкт-Петербурге за 1909 г. – СПб., 1910 – С. 5.
4. Там же. – С. 20.
5. Праздник трезвенников // Петербургский листок, 1911, № 159 (13. VI). – С. 2.

Т.М. МОКИНА

**ИКОНОГРАФИЯ ХРАМОВОЙ ИКОНЫ
САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА
«СВЯТИТЕЛЬ НИКОЛАЙ ЧУДОТВОРЕЦ В ЖИТИИ»**

Святитель Николай Чудотворец пользовался особым поклонением на Руси со времени принятия христианства. Об этом свидетельствует большое число храмов, построенных в его честь и многочисленные предметы религиозного культа: иконы, медные и каменные образки, лицевое шитье. Существовало несколько иконографических типов святого [1]. Один из наиболее ранних – заимствованный из Византии поясной образ, частично окруженный клеймами житийного повествования. Святитель представлен в торжественной позе в полном облачении с евангелием в левой руке, правая – поднята в благословляющем жесте. Тип лика останется неизменным и в дальнейшем: высокий лоб, короткая округлая борода, большие глаза, излучающие добрый свет, обращены к молящемуся, как бы обещаая ему заступничество и покровительство (Икона XIII в., Свято-Духов монастырь). Подобная иконография получила широкое распространение в Новгороде. Там же в начале XII в. возник еще один поясной образ святого, сохранившийся до XVIII в., т.н. «Никола «круглая доска». Согласно преданию, ее появление связано с чудесным исцелением новгородского князя Мстислава Владимировича. Образ Свт. Николая приплыл в Новгород из Киева в 1103 г. и был обнаружен в водах озера Ильмень.

В 1113 г. для этой иконы был построен Николо-Дворищенский храм на княжеском дворе от византийской традиции идет полнофигурное изображение Святителя Николая (фрески Святой Софии Киевской, сер. XI в., Михайловского Златоверхого монастыря, ок. 1112 г.). В церквях, посвященных имени святого, его образ помещался в специальных нишах или обращенных в центральное пространство храма стенах и столбах. Кроме того, в контекст росписи включались композиции, посвященные его житию.

Наиболее употребляемым иконографическим типом Николая Угодника стал получивший широкое распространение в XIV-XVI вв., т.н. «Зарайский». На нем святой представлен с евангелием на покровенной левой руке и отведенной в сторону благословляющей десницей. Согласно преданию, первый подобных образ был принесен на Русь из Корсуни сначала в Новгород, а затем в Рязанские земли. Образ, находившийся в урочище Заразы, дал имя городу Зарайск. Икона почиталась как чудотворная (икона из с. Большие Соли под Ярославлем нач. XV в.).

Отличительной чертой Можайского образа Святителя Николая является его изображение в рост с мечом в поднятой правой руке и градом Можайском в левой. В подобных образах воплотилось представление о Николае Угоднике как защитнике человеческого рода. В основном образ получил воплощение в деревянной скульптуре, которая нередко ставилась в киоты со створками. Большинство сохранившихся изображений относится к XVI-XVII вв. Одна из легенд, связанных с деревянным резным образом Святого Николая и мученицы Параскевы Пятницы, содержится в первой

Псковской летописи. Согласно ей, псковское духовенство и народ отказались поклоняться подобному образу, пока не послушались повеления новгородского архиепископа Макария (реальность этой легенды подтверждается наличием означенных образов в Псковском музее).

Почитание Николая Угодника как заступника во всех бедах переплеталось на Руси с почитанием других святых – Параскевы Пятницы, Георгия и Димитрия, великомученика Никиты. В связи с этим появилась особая иконография образов, получившая распространение в северных и новгородских землях. На иконе изображался крупный оплечный образ Свт. Николая, в основном на красном фоне средника, окруженный поясными изображениями святых. Верхнее поле икон занимает пятифигурный Деисус (Богоматерь, Иоанн Предтеча, Иисус Христос, архангелы Михаил и Гавриил). На боковых полях святые изображаются попарно (апостолы Петр и Павел, святитель Афанасий Александрийский, Пророк Илия, мученики Георгий и Димитрий). На нижнем поле – изображения целителей Космы и Дамиана, святых жен Параскевы и Анастасии, Варвары и Ульяны. Центр нижнего поля часто занимает образ Св. Никиты бесогона. Так, по центральной оси иконы находятся изображения Спасителя, Николы и Никиты. Подобное сочетание образов обусловлено символической имен святых Николы и Никиты, тезоименитых победе (Ника – греч. победа). Оно связано с темой победы над смертью, кознями дьявола и вражьиими силами. В XVI в. значительное распространение получает иконографический тип Николы Велико-рецкого, что было обусловлено перенесением в Москву при царе Иване Грозном в 1555 г. чтимой иконы Свт. Николая из г. Вятки). По мнению исследователей, эта икона чудесно явилась на реке

Великой в Вятке и прославилась в XIV в. Предполагают, что сама явленная икона, представлявшая собой небольшой поясной образ Святителя, в отличие от многочисленных списков, не дошла до наших дней. Великорещкий образ могли поместить в раму, окруженную клеймами жития святого. Подобная устоявшаяся форма изображения была поименована «Великорещкой». В других землях Руси подобные иконы часто получали местные названия. Так, иконы св. Николая Великорещкого, почитаемые в костромских землях, именовались «Бабаевским», по месту явления такой иконы на «бабайках» (вспах от платов). Около 1500 г. в честь явленной иконы был заложен недалеко от Костромы Николо-Бабаевский монастырь.

Вероятно, свой почитаемый образ Николая Чудотворца был и в Пскове. Его именовали «Великорещким» по названию реки Великой, которая являлась главной водной городской артерией.

Но при условии общерусского прославления Великорещкого образа, который был перенесен в Москву из Вятки, культ псковского Великорещкого образа постепенно прекратился. Отголосками почитания образа Святителя Николая на Великой реке в Пскове является шитая пелена, датируемая 1556 г. (Государственный Русский музей). На пелене святой изображен в рост, пальцы правой руки сложены в благословляющий жест, на левой – покоится храм.

К образу Свт. Николая Чудотворца на Руси относились с особой любовью, он был озарен особой светлой духовной верой и благоговением. Поэтому он находился не только в каждой церкви, но и в красном углу любой крестьянской избы.

Изображение Святого Николая Угодника находится в Сампсониевском соборе на первом ярусе главного иконостаса, а также на одной из икон Лицевых святцев.

Храмовая икона «Свт. Николай Чудотворец в житии» была укреплена на свое прежнее место в главном приделе собора в январе 2006 г. Она входит в число храмовых икон собора, находившихся вне иконостасов.

Храмовые иконы наполняли собор с течением времени, среди них были и образа из первой церкви, поскольку намоленные иконы передавались из храма в храм. Судя по фотографиям времени реставрации собора 1908-1909 гг., храмовые иконы находились по всему интерьеру церкви: вдоль стен, в отдельно стоящих киотах, у икон Месяцеслова и в главном приделе.

Исходя из того, что иконы малых иконостасов были перенесены в каменный храм, иконы Святителя Николая Угодника на них не было. Это подтверждается и тем, что ни один храм в царствование Петра I не был посвящен святому. Петр I, по указанию которого строились церкви, предпочитал Николаю Угоднику, столь почитаемому на Руси, святых, связанных с покровителями Царствующего дома (нет образа святого и в Петропавловском соборе). Небольшие часовни в честь Чудотворца возводились на окраинах строящейся столицы. К 1708 г. относятся первые упоминания о Никольской церкви, располагавшейся на Петербургском острове, в 1733 г. для морских служителей была построена Никольская полотняная церковь. Самой крупной из ныне существующих является Николо-Богоявленский собор (1762 г., арх. С.И. Чевакинский). Однако, в дальнейшем самым почитаемым святым для петербуржцев становится именно Николай Чудотворец, которому за 300 лет было посвящено около 60 главных

алтарей городских церквей и соборов [2]. В сер. XVIII в. столичные жители предпочитали среди единоличных изображений святых иконы Николая Чудотворца, затем Иоанна Богослова (в честь него освящен северный алтарь Сампсониевского собора), Иоанна Воина (в храме находится иконы «Свв. Михаил Малени и Иоанн Воин», Т. Баженов. 1761) и великомученика Георгия. Особое поклонение Свт. Николаю отмечали в своем воспоминания и иностранцы. Так, знаменитая французская художница Элизабет Виже-Лебрен, которая посетила Петербург в конце XVIII в., оставила об этом запись в своих мемуарах.

Одним из наиболее распространенных типов икон были житийные иконы, состоявшие из средника с изображением святого и окружающих его иконами сцен жития и чудес, и иконы «предстояния», на которых святые предстояли образу Богородицы. К этим типам икон относятся сампсониевские иконы «Образ Свт. Николая Чудотворца в житии» и «Свв. Михаил Малени и Иоанн Воин». Житийное поле первой иконы и вторая икона были написаны, вероятно, в 1760-е гг. и воспринимались как парные, поскольку обрамлены в почти одинаковые по рисунку барочные рамы.

Храмовые иконы Сампсониевского собора, находившиеся вне иконостасов, наполняли собор с течением времени. Среди них были, вероятно, и образа из первой церкви, поскольку иконы передавались из храма в храм. Судя по фотографиям времени реставрации собора 1908-1909 гг., храмовые иконы находились по всему интерьеру церкви: вдоль стен в отдельно стоящих киотах, у икон месящеслова и в главном приделе. Местонахождение иконы «Образ Свт. Николая Чудотворца в житии» было определено по фотофиксации главного придела в альбоме А.П. Аплаксина.

По указанию А.П. Аплаксина, возглавлявшего работы по реставрации убранства собора в связи с 200-летием Полтавского сражения, икона была в сер. XVIII в. «явлена». Датировка иконы – 1760-е гг., вероятно, совпадает с образом Сампсониевского собора «Св. Иоанн Воин и Михаил Мален» иконописца Т.Баженова 1761 г. Икона «Образ Свт. Николая Чудотворца» была возвращена в Сампсониевский собор из Музея А.В. Суворова в 1987 г. Она трижды прошла реставрацию. Во время последней в 2003 году были обнаружены значительные утраты надписей на фоне иконы, потребовалось устранение реставрационных вставок, укрепление разрушенной основы, восполнение утрат левкаса и живописи. Икона вернулась на свое первоначальное место в главном приделе храма в январе 2006 г.

Икона состоит из средника – Образа Николая Чудотворца (кон. XVII - нач. XVIII в., 30 x 26 см) и житийного поля (160 x 140 см), которое написано в 1760-е гг. темперой на деревянной основе, состоящей из 3 досок с 2 врезными шпонками. Икона имеет тонкий левкас белого цвета и крупнозернистую паволоку.

Отметим, что большинство икон Сампсониевского собора написаны на холстах («приволоках»), плотно приклеенных к деревянным доскам (липовым или сосновым), толщиной от ½ до 2 дюймов, смотря по размерам иконы. На холст накладывался за два-три раза тончайшим слоем «левкас», представляющий из себя смесь плавленного мела с «мезговым клеем». По левкасу рисовались и графировались (тонкими уколами) контуры и происходила раскрывка колерами. Краски, употреблявшиеся иконописцами, были яичными, т.е. представляли чистую (порошковую) краску, разведенную на яичном белке с хлебным квасом. Иконы до сих пор поражают интенсивностью и яркостью красок, глубиной колористического звучания открытых цветов.

Изображение Николая Угодника, находящегося в среднике, поясное, в одной руке у него Священное Писание, другая – поднята в благословляющем жесте. В верхнем правом углу – изображение Христа, слева – Богородицы. Манера письма тонкая, аскетическая. Основу ее составляет линия, которой тонко проработаны детали, техника письма схожа с миниатюрой. Колорит построен на изысканном сочетании бежевых и коричневых тонов с деликатным использованием позолоты, что создает тонкий колористический эффект. На ярком фоне житийного поля средник воспринимается как самодовлеющая художественная часть, поражающая кротостью образа Свт. Николая, который датируется кон. XVII в. и находится в рамках древнерусской традиции. Житийное поле несет на себе печать искусства барокко. С образом святого его объединяет смысловое, а не художественное единство. Икона имеет коричневую окантовку по полю. Образ отличается «наивностью» письма. Взгляд святого полон кротости и спокойствия.

Как уже отмечалось, средник принадлежит более раннему времени. Подобное соединение разновременных фрагментов в одну икону не является исключением. Так, вкладной иконой является, образ Свт. Николая, окруженного житийным полем из собора равноапостольного князя Владимира. Рама с изображением чудес святого датируется второй пол. XVIII в., а образ – первой половиной столетия [3]. Таким же образом, вероятно, была составлена и икона Сампсониевского собора, когда для более древнего намоленного образа было дописано житийное поле, и сам средник выделен отдельной рамой. Последняя решена, как и иконописное поле, в новом художественном стиле барокко.

Строгий по художественному решению средник контрастирует по своему звучанию с многоголосием красочного языка и насыщенностью изобразительного ряда житийного поля. Оно представляет собой роскошный оклад для образа святого: из насыщенного темно-синего фона «выступают» 32 клейма со сценами из жизни и чудесами Николая Угодника. Клейма размером 22 x 18 см каждое, имеют вертикальную овальную форму, что усиливает впечатление глубины пространства изображения, как бы раскрывающегося вверх. Они тянутся шестью горизонтальными полосами, плавно перетекающими одна в другую. Рассматривание клейм схоже с перелистыванием иллюстрированной книги, на каждой странице которой – эпизод из жизни святого (сходство с книгой придают также надписи, поясняющие событие). Однако, здесь жизнь Свт. Николая представлена от рождения до смерти на одном живописном и смысловом пространстве.

Персонажи в житийных сценах помещены в архитектурные или пейзажные фоны, в зависимости от места происходящего. Так, в сцене рождения воспроизводится интерьер богатого дома, а в эпизоде крещения – храма. Иногда, как в сцене заточения Свт. Николая (клеймо «*Страдания свт. Никола в темнице за веру*»), решение Персонажи в житийных сценах помещены в архитектурные или пейзажные фоны, в зависимости от места происходящего. Так, в сцене рождения воспроизводится интерьер богатого дома, а в эпизоде крещения – храма. Иногда, как в сцене заточения Свт. Николая (клеймо «*Страдания свт. Никола в темнице за веру*»), решение пространства почти плоско: заключенные в темницу находятся на первом плане за решеткой, лишь несколько позных фигур намечают глубину поглощающего их чернотой помещения.

Расположение и названия клейм

Рождество	Крещение	Исцеление сукорокой жены	Приведение к обучению	Посвящение в пресвитера	Поставление в епископы
Явление во сне царю Констан- тину с защитой 3-х воевод	Освобождение военначаль- ника Петра (преподобного Петра Афонского) из темницы	Святой Николай – избави- тель трех воевод	Избавление священника Христофора от усекновения мечом	Святитель Николай спасает утопающе- го Димит- рия	Вразумление половчанина
Чудесное возвраще- ние ковра	Избавление младенца от попояления	Надпись на среднике: «Правило веры и образ кротости, воздержания учителя яви- ты стаду твоemu, яже вещей истина: сего ради стоях еси сми- реннее высокая, нищетою богатая. Отче священноначальниче Николае, моя Христа Бога спаси души наши!»		Избавление 3-х дочерей обнажаю- щего богача от бесче- стия	Освобождение Василия, сына Азрикова, из плена
Спасение корабля от бесовского наважде- ния	Воскрешение трех убитых младенцев			Изменение беса из колодца	Чудо о спасении му- жей от пото- па и поглоще- ния китом
Чудесное воскреше- ние матроса	Страдания свт. Никола в темнице за веру	Изгнание бесов и разрешение идольского ка- питана	Чудо о трех иконах	О чудесном спасении патриарха	Чудесное по- собие обнажающей обители
Чудо исцеления бесноватой жены от молитвы и образа святителя	Исцеление боярина	Спасение черно- рица Николая	Успение святого Николая	Преставле- ние св. Нико- лая, Ангел Господень принимает душу усопшего	Перенесение мощей св. Николая от Мир в Бар-град

В сцене исцеления святым иссохшей руки женщины (клеймо *«Исцеление сухорукой жены»*) на заднем плане вырисовываются на голубом фоне очертания города, написанного контурно белой краской. Очень красивы клейма с событиями, происходящими на море и на озере. На одном из них Свт. Николай плывет в челноке среди пенящихся волн (клеймо *«Спасение корабля от бесовского наваждения»*). В отдалении – парусник XVIII в. с матросами, поднимающимися на мачты с развевающимся флагом. Подобные стаффажные фигурки сносят оживление, своеобразный бытовой мотив. Наблюдательность иконописца соединяется с безусловной верой в реальность происходящего, что и обуславливает наличие реалистических деталей. Так, на клейме чуда спасения Свт. Николаем человека из пасти кита слева – огромная рыба. Святой стоит на водной глади и вытягивает за руку мужчину, одетого в красный кафтан и шапку, через плечо которого перекинут дорожный мешок (клеймо *«Чудо о спасении мужей от потопы и поглощения китом»*). Иконописец бережно относится к деталям: архитектурному декору, рисунку тканей, даже фасону одежды (так, на клейме *«Чудесное воскрешение матроса»* рядом с воином – человек в голландском костюме). На клейме со сценой изгнания беса, наряду с колодцем-«журавлем» присутствует крылатый бес (клеймо *«Изгнание беса из колодца»*). Реалистические детали естественно вписываются в канву ирреального действия (так нередко существует реальная жизнь человека и далекая от нее внутренняя жизнь, или состояние души).

На клейме повествующем о спасении тонущего младенца, Свт. Николай как «действующее лицо» отсутствует. Младенца спасает молитва матери, обращенная к святому (клеймо *«Избавление младенца от потопления»*). Композиция делится на две части, соот-

ветствующие двум одновременным событиям: озеро, по которому скользит челя со склонившейся за борт женщиной, тонущий ребенок, а в глубине – часть дома с колонной и балюстрадой. На красном покрывале лежит избежавший гибели младенец, над которым на стене находится образ Свт. Николая.

Выше отмечалось, что каждый сюжет иконы сопровождается надписями, поясняющими происходящее. Они выделены красными овалами с золотыми обрамлениями. Очень красивы окантовки клейм – это золоченые овалы, повторяющие рисунок барочной резной рамы, или стилизованная цветочная гирлянда с рокайльной раковиной внизу. Они чередуются, что лишает монотонности композиционное решение ярусов. Техника исполнения клейм напоминает миниатюру с ее изысканностью, красочностью и насыщенностью изобразительного ряда, при котором максимально используется пространство.

Живописное поле иконы окантовано орнаментом с элементами жемчужника и декором из стилизованных листьев и цветов, написанных золотом. Аналогично и обрамление средника.

Икона поражает не только размером, но и великолепием декорирования клейм, яркостью красок, сиянием золота. Она повествовательна, схожа с неспешным рассказом. Обилие бытовых деталей, хотя и вносит элемент светскости, не противоречит назидательному языку иконописца, для которого, кажется, нет разницы между реальными событиями и чудесами, творимыми при помощи Бога Николаем Чудотворцем. Земное и небесное соединено в иконе. Однако это единство познается не разумом, а чувством и верой.

Икона «Святитель Николай Чудотворец в житии» заключена в великолетнюю барочную деревянную резную позолоченную раму XVIII в., поражающую своими размерами – 297 x 218 см – и роскошью орнаментального мотива (реставрация 2004 г.). Верхняя часть рамы представляет собой сложную композицию из пяти головок Херувимов, окруженных рокайльным орнаментом, над головой верхнего Херувима – раскрывшийся цветок розы. Над ним на украшенной жемчужником подушке – корона, увенчанная крестом. Композицию объединяет рокайльный декор, состоящий из причудливо изогнутых ветвей, листьев и цветов. Плоская «фоновая» часть резьбы покрыта матовым золотом и декорирована «бобами», на ней «вспыхивают» яркими пятнами отдельные детали резьбы, создавая барочную игру светотени. Решение боковых сторон декора аналогично. Центр акцентирован парными склоненными друг к другу головками Херувимов. Нижняя часть рамы решена в виде рокайля, но более спокойного по форме: он сводится к двум спускающимся книзу овальным линиям, центр которых акцентирован распустившимся цветком. Посередине две головки Херувимов, под ними – картуш. Золочение рамы построено на контрасте матового фона и покрытых золочением фрагментов резьбы. Обе рамы свидетельствуют о подлинном мастерстве русских резчиков, создавших произведения, не уступающие резьбе главного иконостаса, и как бы продолжили его на поверхности боковых стен. Рама (как и рама к иконе «Св. Михаил Маленн и Иоанн Воин») была создана намного позднее (иконостас был освящен в 1740 г.), но «барочная» идея с присущей ей экспрессивностью, особой праздничностью, богатством декоративных мотивов, внутренней свободой, вылившейся в роскошь декоративных мотивов, нашла в них свое полное воплощение.

Образ Святителя Николая заключен в позолоченную деревянную раму, которая была изготовлена на основе сохранившихся фрагментов в 2004 г. Декор рамы в основном повторяет элементы оформления наружной рамы иконы с использованием «открытого» и матового золочения, однако его рисунок более сдержан.

Икона Святителя Николая Чудотворца в житии Сампсониевского собора является уникальным памятником русской иконописи и мастерства резчиков XVIII в. Она поражает размером, яркостью письма, великолепной, играющей позолотой барочной рамой.

Литература

1. Сосновцева И.В. Иконы святого Николая Чудотворца в храмах Санкт-Петербурга. – Святой Николай Мирликийский в произведениях XII-XIX столетий из собрания Русского музея. Вып.132. – СПб.: Palace Editions, 2006. – С. 33-41.
2. Там же. – С.35.
3. Там же. – С.36.

Дополнительная литература

1. Аплаксин А.П. Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге. 1709-1909. – СПб., 1909.
2. История русского искусства. – Т.IV. – М., 1959.
3. Антонов В.В., Кобак А.В. Святые Санкт-Петербурга. – Т.1. – СПб., 1994.
4. Бусаева-Давыдова И.Л. Иконостас Петропавловского собора в Петербурге. Опыт истолкования иконографической программы. – // Искусствознание. – 1999.
5. Маркелов Г.П. Книга избранных образцов. Т.1. – СПб, 2003.
6. Иконостас Петропавловского собора. Альбом. – СПб., 2003.
7. Исакова Е.В., Шхаровский М.В. Никольский Морской собор и другие морские храмы Санкт-Петербурга. – СПб., 2003.
8. Святой Николай Мирликийский в произведениях XII-XIX столетий из собрания Русского музея. Вып.132. – СПб.: Palace Editions, 2006.

Е.М. НИКИФОРЕНКО

**ГЛАВНЫЙ ИКОНОСТАС САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА.
АРХИТЕКТУРНО-ЖИВОПИСНО-
СКУЛЬПТУРНЫЙ СИНТЕЗ**

Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге, отражающий последовательно весь процесс изменения художественных форм в масштабах всего 300-летнего периода петербургской церковной культуры, по сути своей является живым музеем-памятником, так как сегодня, отмечая свой юбилей, в равной степени выполняет музейную и культовую функции.

Церковь была заложена в 1709 году как благодарственная, а возможно, и обетная, за небесное покровительство русским войскам в Полтавском сражении и явилась первым храмом воинской славы молодого Санкт-Петербурга.

Одной из немаловажных особенностей Сампсониевского собора является и то, что исторически он единственный в границах современной России был освящен во имя Преподобного Сампсония Странноприимца. Только в самом конце XX – начале XXI вв. появилось несколько больничных храмов и часовен освященных его именем.

Сегодня в Санкт-Петербурге мы имеем лишь несколько сохранившихся памятников архитектуры первой половины XVIII века, и Сампсониевский собор один из них. Его чудом сохранившиеся, наполненные родными иконами, иконостасы, представляют огромный научный интерес. Их исследование может дать представление о конструкциях, резном декоре и иконографической программе

петербургских православных храмов во всем многообразии стилистических наслоений на протяжении всего XVIII, XIX, и начала XX веков, а также иллюстрировать процесс становления и развития реставрационного дела в России.

За свою историю Сампсониевский собор переживал периоды и расцвета, и полного забвения. Но даже в самые тяжелые для храма времена, когда он был в полном запустении, Главный иконостас привлекал внимание специалистов своими пропорциями, чистотой линий, необычайным богатством мотивов.

Вот что писал о нем архитектор А.П. Аплаксин, руководивший реставрацией Сампсониевского собора 1908-1909 гг.: «...шедевр русского искусства, которым может гордиться не только город Санкт-Петербург, но и вся наша Родина». Архитектор ставил его наравне с иконостасами Московского Успенского собора, Новгородского храма св. Софии и собора Псковского Детинца.

Архитектура и иконология петербургских иконостасов середины XVIII столетия отличаются переплетением древнерусских традиционных приемов с новыми, европейскими ассимиляциями. «Всюду и одновременно ... происходили события, бытовали произведения самого различного плана: новое соседствовало, органически переплетаясь со старым»[1]. В отличие от древнерусских храмов, щедро декорированных церковно-монументальной живописью, центральным ядром убранства храмов раннего петербургского периода являются иконостасы.

Три уникальных иконостаса украшают интерьеры Сампсониевского собора – Главный иконостас, освященный во имя Византийского святого Сампсония Странноприимца и два Малых придельных, освященных во имя Святых Архистратига Михаила и Иоанна Богослова. Каждый из них в отдельности может представить свой период в развитии церковной интерьерной архитек-

турной пластики, позволяет проследить и преемственность древнерусских традиций и западноевропейские влияния Нового времени не только в эстетическом, но и в техническом их исполнении. Вместе же они представляют интерьер собора, в архитектурном облике которого и сегодня присутствует шлейф самых разных событий всего 300-летнего петербургского периода русской церковной культуры.

К 1740-му году завершается период формирования его интерьера. В истории русского искусства этот период можно характеризовать как время возвращения древнерусских традиций, время стилизаций, однако, все же уже обремененных опытом предшествующего периода.

Освящение Главного престола храма было совершено 19 августа 1740 года.

Архитектурно-скульптурно-живописная композиция Главного иконостаса уникальна по своему художественному решению, основанному на комбинациях как древнерусских традиционных, так и благоприобретенных европейских приемов конструкции и декора, но воспринятых и впоследствии ставших отличительными чертами церковного искусства Нового времени.

Главный иконостас занимает всю восточную стену храма. Ширина его – 13,6 м., высота в средней части – 11,2 м. Основная конструкция, решенная в виде высокого пятирусного иконостаса, выполнена из дерева сосны, резной декор и скульптура – из липы. Главная иконостасная композиция Сампсониевского собора отличается единством архитектурных частей (колонны, архитравы и т.п.) декоративного резного убранства, живописи и круглой скульптуры.

Местный и Праздничный ряды объединены колоннами композитивного ордера, покоящимися на чуть вынесенном в цокольной части вперед пьедестале. Тело каждой колонны, каннелированной в своей нижней части, увито гирляндами из цветков и бутонов роз, (символ райского блаженства), виноградных гроздей (символ крови Христовой) и стилизованных листьев. Их капители поддерживают антаблемент второго яруса, завершенный крепованным резным карнизом, повторяющим линию выносов пьедесталов, что определяет единство композиции двух нижних рядов иконостаса. На фоне зеленого фриза горельефные головки херувимов. Центральная часть антаблемента, оформляющая дверной проем Царских врат, акцентирована двойным ступенчатым выносом крепованной части карниза, как и пьедесталы с опирающимися на них колоннами. Эта часть решена в виде балдахина с ламбрекенами и ниспадающими драпировками, мягкие фалды которых придерживают две фигурки херувимов. Декоративные панели, формирующие пространство между пьедесталами, и сами пьедесталы расписаны в зеленый цвет с прожилками под камень змеевик или серпантин, филенки оформлены накладной орнаментальной резьбой преимущественно растительных мотивов. Дощатая облицовка стены, обращенной к алтарю, расписана в той же живописной технике под зеленый камень.

Резные Царские врата - двустворчатые, особо украшенные двери с шестью рамами сквозной резьбы для икон, отличаются удивительным богатством и разнообразием мотивов орнаментики. Бусы, раковины, побеги и листья аканта, пальмовые веточки, цветы вплетены в гирлянду, формирующую нащельник створки Царских врат.

Центральная часть Главного иконостаса выделена на уровне всех пяти ярусов сильными выносами раскрепованных карнизов, что дополнительно акцентирует внимание на Царских Вратах, ведущих прямо от престола в храм. Царские Врата называют так же Средними или Святыми, потому что через них, согласно учению Церкви, в Святых Дарах проходит Царь славы и Господь господствующих.

Над Царскими вратами – Сияние - резное облако с расходящимися лучами и головками херувимов, а несколько выше, в центре второго яруса под балдахином, находится икона «Тайная вечеря» в фигурной раме, иконография которой трактуется как начало и основание Христовой Церкви с ее самым главным таинством.

По всей плоскости Местного ряда справа и слева от Царских Врат находится десять прямоугольных рам, две из которых вместе с цокольной частью являются диаконскими дверями. Одностворчатая диаконская дверь для выходов священнослужителей в уставные моменты богослужения с северной стороны располагается против жертвенника. В южной части иконостаса также находится одностворчатая дверь для уставных входов священнослужителей в алтарь, когда они совершаются не через Царские Врата.

На клеймах Царских Вратах традиционно помещены, образ Благовещение Пресвятой Богородицы, а также образы четырех евангелистов. Все рамы имеют фигурные завершения в виде раковин, завитков и листьев аканта с головками херувимов в центре.

Согласно канону, в Местном ряду ставятся иконы наиболее чтимых в данном приходе святых или священных событий. Справа от Царских Врат, как правило, помещается образ Христа Спасителя за Ним следует - образ того святого или священного события, во имя которого освящен данный храм или придел.

В исследуемом иконостасе за Царскими вратами в правую сторону следует 5 икон: икона «Воскресение Христово», затем южная диаконская дверь сформированная иконой в раме «Св. Архидиакон Лаврентий», икона в прямоугольной раме «Св. Иоани Креститель», образ Преподобного Сампсония Странноприимца, во имя которого и освящен храм и икона «Св. Пророк Илия».

Соответственно в левую сторону от Царских Врат также находится 5 икон: первой за Царскими Вратами ставится образ Матери Божией - Благовещение. Этим наглядно показывается, что вход в Царство Небесное открывается людям Господом Иисусом Христом и Его Пречистой Матерью – Ходатаицей нашего спасения, затем северная диаконская дверь, канонично оформленная иконой «Св. Архидиакон Стефан», за ней следуют иконы «Покров Пресвятой Богородицы», «Св. Николай Чудотворец» и «Св. Александр Невский».

Решение Местного ряда Главного иконостаса несколько не канонично, так как, согласно церковной традиции за иконой Спасителя должна следовать икона святого или праздника, во имя которого освящен храм или придел. В нашем случае икона Преподобного Сампсония Странноприимца располагается третьей от иконы «Воскресение Христово». Однако, диаконские двери соответствуют церковным правилам, согласно которым на них изображаются архидиаконы Стефан и Лаврентий, или Архангелы Михаил и Гавриил, или прославленные святители, или ветхозаветные первосвященники.

Во втором, Праздничном, ряду иконостаса ставятся иконы важнейших христианских праздников, то есть тех священных событий, которые послужили спасению людей. Справа и слева от иконы «Тайная вечеря» располагается по 5 икон, представляющих Дванадцатые праздники – (слева) – икона «Сретенье Господне», «Рождество Христово» Благовещение Пресвятой Богородицы», «Введение во храм Пресвятой Богородицы», «Рождество Пресвятой Богородицы»; (справа) – «Богоявление», «Преображение Господне», «Вход Господень в Иерусалим», «Воскресение Христово» и «Вознесение Христово».

Небольшие иконные рамы праздничного ряда имеют форму неправильного овала, а некоторые даже приближены к форме круга. Исключение составляют две прямоугольные рамы, расположенные над диаконскими дверями.

Третий, Апостольский ряд икон, имеет своим центром образ Христа Спасителя на Престоле с Предстоящими Богоматерью и Иоанном Крестителем. В центре композиции иконы Христос Вседержитель, по правую руку от Него изображается Пресвятая Богородица, молящая Его о прощении человеческих грехов, по левую руку - образ проповедника покаяния Иоанна Предтечи в таком же молитвенном положении. Эта икона называется – Деисис - моление (*разг. деисус*). Слева и справа от Деисиса располагаются образы обращенных ко Христу в молитве апостолов: (северная сторона) – Св. Апостол Петр, Св. Апостол Иоанн Богослов, Св. Апостол Иаков Алфеев, Св. Апостол Фома и Св. Апостол Варфоломей; (южная сторона) – Св. Апостол Павел, Св. Апостол Матфей, Св. Апостол Андрей, Св. Апостол Симон и Св. Апостол Иаков.

Также как и два нижних ряда он декорирован композитным ордером и оформлен шестью витыми и увитыми гирляндами колоннами. Причем две центральные колонны акцентируют икону «Спаса Вседержителя», чуть вырываясь из красной линии Деисусного чина, разрывая антаблемент третьего ряда и органично вливаясь в композицию четвертого. Над подобием купола Царских Врат, четыре соединенных вместе волоты поддерживают резную золоченую подушечку с короной на ней. Словно храня ее, на дугах разорванного фронтона две фигуры ангелов с атрибутами Голгофы – копьем и губкой.

Два аналогичных, но явно второстепенных, разорванных фронтона на карнизе второго яруса справа и слева от композиционного ядра Апостольского ряда объединяют в своеобразные подкомпозиции по две иконы третьего и по три первого и второго ярусов. В центре каждой помещены по две фигуры ангелов с другими атрибутами Голгофы – лестница, клещи, гвозди с северной стороны, а молоток и крест с южной. Четыре ангела едва касаясь краев обрывающихся дуг этих фронтонов, поддерживают овальные рамы икон третьего яруса. Четыре ангела, стоящих на карнизе, поддерживают боковые овальные рамы. Кроме шести овальных рам и рамы для центральной иконы «Спаса Вседержителя», в третьем Апостольском ряду находятся четыре прямоугольных, сильно вытянутых рамы с декором из цветов и листьев аканта и фигурными завершениями, оформленными картушами. Завершения овальных рам отличаются сложной и необыкновенно красивой формой. Резьба рамы центральной иконы также богато декорирована.

В четвертом Пророческом ряду иконостаса семь икон. В центре икона «Богоматерь на престоле», где изображена Матерь Божия с Богомладенцем на коленях. Икона заключена в прямоугольную раму с рокайлями и фигурными завершениями в виде

картуша и цветка розы. Раму поддерживают два ангела, сидящие на дугах разорванного центрального фронтона, а на карнизе третьего яруса перед центральной иконой помещены еще две фигурки херувимов. Фланкируют центральную часть яруса четыре валюты, украшенные резьбой орнаментального характера.

По обе стороны от центральной иконы изображены ветхозаветные пророки (север) – Св. Пророки Илия и Давид, Св. Пророк Захария и Св. Пророки Моисей и Исайя; (юг) – Св. Пророки Соломон и Аарон, Св. Пророк Мельхиседек и Св. Пророки Иеремия и Иона. Иконы обрамлены рамами разной формы – круглой, трапециевидной и овальной. Круглые рамы имеют сложный рокайльный рисунок с завершениями в виде картушей. Под ними помещены по две фигурки ангелов и картуши. Трапециевидные рамы завершены головками херувимов и обрамлены валютами, на которых находятся четыре фигуры святых. Пластическое решение этих скульптур отличается непринужденностью и изяществом.

Резные обрамления овальных икон, расположенных по краям четвертого яруса, имеют сложный рисунок из рокайлей, побегов и листьев аканта с ярко выраженной асимметрией. Под ними на карнизе третьего яруса – разорванные фронтоны с четырьмя фигурками ангелов, зафиксированных в сложных ракурсах и в движении, направленном от центра к боковым стенам собора.

Расположение фигур в каждой из этих двух групп и рисунок рам дан в зеркальном отражении, что придает общей композиции четвертого яруса подчеркнутую законченность и уравновешенность.

Это особенно важно в связи с тем, что четвертый и пятый ярусы занимают ту часть плоскости Главного иконостаса, которая находится под коробовым сводом, как бы обрезавшим ее края. Четвертый и пятый ряды не имеют ордера. Они лишь оформлены картушами, валютами и значительным количеством круглой скульптуры.

В пятом ярусе находятся всего три иконы в овальных рамках с изображением Страданий Христовых, где в центре помещено «Распятие». Резьба рам пятого яруса, изысканная по рисунку и очень разнообразная по орнаментальным мотивам имеет нечто общее в композиционном решении, но как и во всех других случаях, не повторяется. По обе стороны от иконы « Распятие» помещены две резные фигуры Богоматери и Иоанна Крестителя. В пластической трактовке предстоящих скульптур ощущается влияние светского искусства, выразившееся в легкости их движений, свободной постановке фигур и изяществе формы.

На карнизе четвертого яруса в центре под фигурами Богоматери и Иоанна Крестителя изображены сидящие херувимы, а на креповках его боковых частей помещены четыре фигурки лежащих херувимов.

Симметричны и многократно повторяемы детали декоративных мотивов оформления рам. В некоторых случаях они выходят за пределы использования элементов декора барочной системы средств выразительности и проявляют радикальные новшества как, например, перетекание форм из одной иконной рамы в другую, слияние с другими типами украшений и т.д. Однако, встретить среди огромного количества иконных обрамлений хотя бы двух одинаковых невозможно.

Иконостас в простой и стройной совокупности образов, слитых в единое целое, легко воспринимаемое взором, оказывается содержащим в себе полноту догматов вероучения Православной Церкви и позволяет проследить весь ход Священной истории.

Его нижний Местный ряд изображает то, что духовно ближе всего к стоящим в данном храме. Это прежде всего Господь Иисус Христос, Богородица, храмовой святой – Преподобный Сампсоний Странноприимец, иконы наиболее чтимых в приходе святых.

Второй ряд – Праздничный – возводит сознание верующих выше, к тем событиям, которые легли в основу Нового Завета, предшествовали нынешнему дню, определили его. Третий ряд (Деисис с апостолами) возводит духовное сознание еще выше, устремляя его к будущему, к суду Божию над людьми, показывая при этом, кто является ближайшими к Богу молитвенниками за род человеческий. Четвертый ряд – Пророческий – простирает молитвенный взор к созерцанию неразрывной связи Ветхого и Нового Заветов. Пятый ряд иконостаса представляет Крестные Страдания Христовы.

Работу над Главным иконостасом многие исследователи относят к 1730-м годам, но анализ декора и натурные исследования заставляют задуматься над возможностью более поздних включений. Об этом свидетельствуют сильные выносы раскрепованного карниза, сложные и очень разнообразные по мотивам формы деревянной резьбы. В нем явно прослеживаются черты развитого барокко середины XVIII века. Однако, сложно назвать его чисто барочным, так как присутствие некой игры устойчивого и неустойчивого в формах декора третьего, четвертого и пятого ярусов можно трактовать как явные признаки зарождающегося рококо. Слияние декоративных элементов является характерной чертой стиля. Анализ орнаментального решения иконных рам, контуры которых теряют устойчивость, позволяет заметить, прежде всего, присущую рокайлю любовь к пустым поверхностям. Так же обращают на себя внимание слияния ракушек с картушами, антропоморфных элементов с растительными, подобная стилизация порой не позволяет определить к какому миру относятся эти формы.

В барочном синтезе искусств в Главном иконостасе Сампсониевского собора живопись и скульптура подчинились архитектуре. Однако, это единение также демонстрирует присутствие переходного этапа от позднего барокко к его легкомысленной модификации – рококо. Чистый стиль рококо встречается крайне редко, в композициях петербургских иконостасов таких примеров нет.

Скульптура в интерьере Сампсониевского собора акцентирована почти также как живопись и является не менее важным звеном общего синтеза искусств. В своих внешних проявлениях сакральная пластика собора в основном ориентирована на иконопись и очень зависима от нее.

Как справедливо заметила М. Бурганова в своем исследовании, посвященном русской сакральной скульптуре, – история русской сакральной скульптуры до сих пор не была выделена в самостоятельный раздел, как, например, иконопись. Неопределенность статуса скульптуры, её присутствия в православных храмах и взаимодействие с рядом других церковных искусств, нуждается в особых объяснениях. Полярный характер этих комментариев придает русской религиозной пластике образ явления, пограничного с регламентируемым Церковью порядком обустройства храма.

Композиционное построение Главного иконостаса Сампсониевского собора представляет архитектурно-живописно-скульптурный синтез органичного слияния древнерусских канонов и традиций с европейскими влияниями.

Современная трактовка канона в архитектуре архитекторами и богословами бывает далеко не одинаковой. Сложно провести четкую грань между понятиями канон и традиция. Порой именно историческая традиция называется каноном. И.Л. Бусева-Давыдова в своей статье «К проблеме канона в православном храмостроении» поднимает вопрос о значении понятия «канон» применительно к православному церковному искусству. Основным выводом статьи является то, что «термины «канон», «канонический» в их точном церковно-историческом значении к храмовому зодчеству неприменимы». Изучив постановления Церкви и документы, связанные с храмостроением (книги, грамоты, Апостольские постановления, уставы и др.) исследователь делает вывод о том, что их содержание в основном «имело рекомендательный характер и не апеллировало ни к каким канонам».

Вероятно, суть «канона» в архитектуре храма не так ярко выражается как, например, в иконографии, и заключается в большей степени в идейном содержании, нежели в практическом использовании тех или иных архитектурных элементов. Тем не менее, целесообразно выделить, если не элементы канона в архитектуре Самсониевского собора, то по крайней мере изменяемые и неизменяемые традиции. Необходимо учитывать богословские основы архитектурной композиции. Каждая архитектурная деталь храма наряду с практическим назначением имеет свое богословско-символическое основание. Несмотря на возможный полиэтнический состав мастеров-храмоздателей Самсониевского собора, работа была обусловлена духовной идеей и согласована с местными изменяемыми и неизменяемыми традициями. Изменяемые традиции открывали для мастера возможность творческого участия в совершенствовании красоты форм архитектурных символов, выражающих духовную идею храма. Неизменяемые традиции, положенные

в композиционную основу архитектурного облика храма и его интерьера, как и канон в иконографии, берегли мастеров от нарушений законов композиции и символики архитектурных форм православного храма.

На храмоздательство и храмоустройство влияют, как правило, все основные тенденции и события современного этому процессу времени. Сампсониевский собор, отражая последовательно весь процесс изменения художественных форм в масштабах всего петербургского периода русского искусства, тому яркий пример.

Литература

1. Евсина Н.И. Архитектурная теория в России в XVIII в. – М., 1975. – С. 23.
2. Успенские М.И. и В.И. Материалы для истории русского иконописания: Переводы из собрания И.В. Тюлина. – СПб., 1900.
3. Маркелов Г.В. Книга иконных образцов. В 2 т. – СПб.: Издательство Ивана Лямбаха, 2001; Комашко Н.И. Русская иконопись Нового времени в частных собраниях // Русское искусство, № 1, 2005. – С. 98-103.
4. Бицилли П.М. Элементы средневековой культуры. – Одесса: Гнозис, 1919.
5. Кондаков Н.П. Иконография Богоматери: Связи греч. и русской иконописи с итальянской живописью раннего Возрождения. – СПб.: Изд-во комит. попечительства о русск. иконописи, 1910.
6. Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии, преимущественно византийских и русских. – СПб.: Тип. Деп. уделов, 1892.
7. Иконостас. Происхождение. Развитие. Символика. – М.: Прогресс-Традиция, 2000.

С.Н. ОКУНЕВ

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ УСИЛИЯ РОССИИ ПО НЕЙТРАЛИЗАЦИИ ТУРЦИИ ПЕРЕД ПОЛТАВСКОЙ БАТАЛИЕЙ

По мере увеличения военной и экономической мощи России, добровольного присоединения Левобережной Украины в середине XVII в., ее стратегической задачей становится выход к морским торговым путям. На севере – это побережье Балтийского моря, захваченное Швецией в начале XVII в., на юге – Азовское и Черное моря. Еще при царе Алексее Михайловиче началось освоение южного направления. Строились военные поселения, верфи, корабли в низовьях Дона и Днепра, но делалось это весьма осторожно, т.к. там соприкасались интересы Турции и России.

Южные военные походы Петра I до 1700 г. и захват спорных земель был нейтрализован дипломатическим путем – практически возвращением к исходным позициям. Союзников у Петра Алексеевича не оказалось, т.к. европейские страны были заняты дележом «испанского наследства» (областей, ранее управляемых Испанией). Большинству европейских стран было выгодно, чтобы сильные конкуренты – Швеция и заявившая о себе Россия – по возможности изнурили друг друга в военном противостоянии. Как писал посол России Возницын с Карловицкого конгресса (1699 г.), «по правде, Государь, немцы знают, как вести свои дела. Их политика – собственная выгода, посему они и заключили сепаратный мир с Турцией».

и «послы аглицкий и голландский... во всем держат турецкую сторону» [1]. Единственно, были подписанный секретный договор с Речью Посполитой против шведов и перемирие, «хотя бы с убытком», с Турцией.

На письмо Шереметева царь Петр отвечает: «Понеже государство сие (Россия – прим. Автора) не есть в состоянии с двумя сими главнейшими неприятелями офензивно (в одиночку) восвать» и добавляет: «кто за двумя зайцами погонится, ни одного не поймает» [2]. Российскому послу в Турции Е. Украинцеву он приказывает не мешкать и заключить договор на любых условиях: «мир зело, зело нужен...» [3]. Поэтому 3 июля 1700 года был подписан мирный договор на тридцать лет, что позволяло Петру I вступить в войну со Швецией.

Однако условия этого договора не обеспечивали устойчивого мира. Например, появление корабля посла Е.И. Украинцева в Константинополе было воспринято как нарушение договора и чуть не привело к разрыву дипломатических отношений между Россией и Турцией. Учитывая сложность обстановки, Петр I в 1702 году назначил послом в Турцию одного из своих искуснейших дипломатов – стольника П.А. Толстого, наделив его широкими полномочиями и большими финансовыми средствами на подкуп чиновников, что оказалось особенно эффективным для достижения поставленной царем цели – обеспечить безопасность южных границ, где доминировала Турция. Главной задачей русской дипломатии стало добиться расположения турецкого султана, который мог сдерживать ногайские орды и крымского хана от набегов на Россию, а также мирная демаркация границ спорных территорий (т.н. «кубанских земель»).

Не менее трудной была внутренняя проблема между Левобережной Украиной и Запорожской сечью, которая фактически ни от кого не зависела и жила «по обычаям», т.е. сбором дани и грабежами. Много вреда наносили шведские и иные агенты, а также «возмущающие письма», где казаков и украинцев призывали «держаться за хана, а не за царя» [4].

Толстой сумел расположить к себе султана и его окружение щедрыми подарками и активной деятельностью по подготовке договоров и участием в разграничении земель. Однако одну из задач – втянуть Турцию в войну «на царцев ли или на венетов», за что Петр I готов был выложить 40 000 червонцев, Толстому выполнить не удалось, т.к. Турция уже вела боевые действия на границе с Персией и на Балканах. Слабость центральной власти провоцировали мятежи, для подавления которых султан Ахмет III обратился к царю Петру с целью получить военную помощь. В это же время (1707 г.) по просьбе Петра I удалось уговорить султана заменить «сторонника войны» крымского хана Газы Гирея, допускаявшего набеги на русские земли и склонявшегося к союзу со Швецией и Речью Посполитой против России [5]. Это позволяло избежать нападения более чем сотысячного войска крымских и ногайских татар, более дисциплинированных и лучше вооруженных, чем «казацкие ватажки».

На этом фоне ощутимым ударом для России стала измена гетмана Мазепы. До 1708 г. не было видимых причин его перехода вместе со штабом на сторону шведов. Гетман явно переоценил свое влияние, и в письмах к Карлу XII обещал ему привести все казацкое войско, но в действительности за ним пошли только несколько тысяч человек.

В этих условиях Толстой убедил султана оставаться нейтральным, а Петру I посол отослал письмо, в котором сообщил, что «Порта пребывает в покое» и никакой подготовки к войне с Россией не ведет. Это позволило царю Петру Алексеевичу в начале 1709 г. перебросить войска с южного направления (Крым, Валахия, Молдавия, Запорожье) и сконцентрировать их под Полтавой [6].

Умелая дипломатическая деятельность России позволила в течение десяти лет избежать военного конфликта с Турцией, несмотря на весьма активные действия практически всех стран Европы, подталкивающих султана к войне. Конечно, здесь сыграли роль таланты русских дипломатов Украинцева и Толстого, но без доверия Петра I и необходимой материальной поддержки вряд ли удалось достичь столь блестящих результатов.

Полтавская баталия стала подтверждением правильности использования всех возможных способов дипломатического воздействия в сложных исторических условиях.

Литература

1. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. IX. – М.: Эксмо-Пресс, 2007. – С.236, 261-262, 336.
2. Письма Петра I к Шереметеву. № 175. – СПб., 1774.
3. Письма и бумаги Петра Великого. Т.III. № 664.
4. Костомаров Н.И. Мазепа и мазепенцы. Собр. соч. Т.16. – СПб., 1905.
5. Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. III. – С. 14-40.
6. Сб. Материалов военно-ученого архива. Т. I. – СПб., 1908. – С. 658.

О.А. ОСНОС

ИЗ ИСТОРИИ БЫТОВАНИЯ ХРАМА ВО ИМЯ ПРЕПОДОБНОГО САМПСОНИЯ СТРАННОПРИМЦА

27 июня 2009 года произошло знаменательное событие – исполнилось 300 лет со дня основания Сампсониевского храма, возведенного в честь Полтавской победы, одержанной русскими войсками над шведами.

В «Церковном вестнике» за 1895 год так говорится об этом событии: «В 1709 году, 27 июня, в день преподобного Сампсона Странноприимца, императором Петром I была одержана под Полтавой над шведами, предводительствуемыми Карлом XII, блестящая победа, которую современники признавали не только знаменитейшую, но чудесную. В благодарную память об этой победе Петром I повелено было построить храм на Выборгской стороне в честь преподобного Сампсона Странноприимца, в день, память которого, одержана была полтавская победа» [1].

Уже через пять месяцев в память об этом событии на Выборгской стороне, заложили церковь.

Первоначальный храм преподобного Сампсона Странноприимца, как и все первые постройки Петербурга, был бревенчатым, однопрестольным, низким, с маленькими окнами квадратной формы. На шатровой крыше находился небольшой купол, на куполе – глава и крест. Начатое в конце 1709 года возведение храма завершили его

освящением, которое состоялось в 1710 году. Находящаяся при храме колокольня или звонница стояла отдельно, обнесенная деревянным забором, которым обнесли как сам храм, так и образованное при нем первое городское кладбище.

На существовавшем до 1772 года православном и лютеранском кладбищах, находившихся на территории храма, погребены многие сподвижники Петра I: «князь-папа» П.И. Бутурлин, сибирский губернатор князь М.П. Гагарин, лейб-медик Л. Блюментрост, зодчие Д. Трезини и Ж.Б. Леблон др. [2].

Спустя четыре года после открытия кладбища при храме открыли первую в городе богадельню.

Простой и не «благоукрашенный по внешнему виду, не обширный внутри, этот стариннейший из петербургских храмов, вследствие устроенного при нем первого и единственного для города кладбища, скоро сделался трехпрестольным, а затем – и сравнительно богатым своим внутренним благолепием, утварью и ризницей. (Указать с точностью, когда были устроены два боковых предела, по недостатку письменных данных, не предоставляется возможным)» [3].

Из описи имущества Сампсоновской церкви видно, что, спустя десять лет после своего основания она была уже далеко не бедной: «В главном храме престол имел уже несколько облачений с серебряными позументами и крестами. На престоле находился антиминс, напечатанный на белом атласе, расписанный золотом и обложенный серебряным позументом. Напрестольное Евангелие, которых в описи показано не одно, имело на верхней доске серебряное вызолоченное изображение Спасителя и евангелистов, украшенное половинчатым жемчугом. Напрестольный крест со святыми мощами, две перемены

сосудов и дарохранильница показаны серебряные и вызолоченные. Над престолом, подобно как в ныне существующем храме, устроена была сень. Икон в главном храме было восемнадцать, некоторые из них украшены серебряными окладами и венцами. В иконостасе главного храма показано десять икон, и некоторые из них также были украшены чеканными серебряными венцами или жемчугом с изумрудами. Одних священнических риз в описи показано более тридцати. Паникадил – четыре, из них одно большое, литое, медное. Словом, церковь тогда имела все необходимое в совершенно достаточном количестве и могла считаться одной из богатых церквей новой столицы. Вскоре, однако, первоначальный деревянный храм, быть может, вследствие спешности и непрочности постройки, пришел в такую ветхость, что явилась необходимость в замене его новым храмом» [4].

В мае 1728 года причт Сампсоновской церкви вместе с прихожанами, обратился в Святейший Синод с докладом, в котором говорилось, что «она церковь с приделами огнила и обветшала и впредь к служению не надежна», и просил разрешения и благословения вместо деревянной «создать новую каменную церковь с приделом» в честь и память тех же святых.

После этого с разрешения Святейшего Синода в том же 1728 году несколько южнее ветхого деревянного был заложен новый каменный храм с двумя приделами. Он сооружался попечением причта, купца Лапшина и частных лиц. Его строительство шло в два этапа: сначала возвели западную, затем – восточную часть здания.

В 1733 году приделы нового храма были готовы и освящены, а 19 августа 1740 года состоялось освящение и главного придела епископом Архангелогородским и Холмогорским Варсонофием.

Старая же церковь в 1737 году, еще до окончания строительства каменного храма, была разобрана. На месте престола разобранной церкви была возведена каменная часовня.

В боковых приделах нового храма поставили иконостасы из прежней церкви, в главном – позолоченный новый в четыре яруса, высотой в 11 метров, иконы в котором написали А. Квашнин, А. Поспелов, Т. Баженов. Тогда же, в 1737 – 1739 годах, в главном алтаре появились великолепные резные сень и престол [5].

До 1852 года передняя, восточная половина храма была холодной. «После же, храм отапливался десятью печами. В зимние месяцы богослужение совершалось обыкновенно в теплых задних пределах. В 1852 году передняя часть храма была переделана, тем самым он сделался теплым, и в нем стало удобнее и просторнее» [6].

В главном алтаре во имя преподобного Сампсона Странноприимца св. престол был из простого дерева, с резными вызолоченными символическими изображениями четырех евангелистов на углах, а внутри, в середине – предвечного Агнца.

В 1885 году престол обложили белым мрамором. Над престолом устроили на деревянных резных вызолоченных колоннах сень. Жертвенник также обложили белым мрамором.

«В середине храма, у северной стены его, в большом красного дерева киоте помещается особенно местно чтимая икона Толгской Божией Матери. Эта икона, обращающая на себя внимание и ценностью украшений и древностью иконописи. Она, будучи

величиною несколько более 13 вершков вышины и почти столько же ширины, украшена серебряной вызолоченной ризой. Икона вделана в середину другой больших размеров иконы, изображающей чудеса, бывшие от Толгской чудотворной иконы Божьей Матери. Страждущие различными болезнями особенно часто возносят свои молитвы пред этою св. иконою» [7].

Также из особенно замечательных святынь и древностей храма обращают на себя внимание следующие:

«1. Икона страданий Спасителя и многих святых угодников Божьих с врезанными в нее двумя «сребропозлаченными крестами и тремя таковыми же ковчезцами, в коих находятся часть ризы Господней и многие частицы мощей разных св. угодников Божьих». Лики святых, частицы мощей которых здесь находятся, изображены на той же иконе. Когда и откуда приобретена в храм означенная святыня – неизвестно. Полагают, что главный, «в середине находящийся большой крест с мощами, есть тот самый, который был на престольном в первоначальной деревянной церкви и значится в церковной описи за 1721 год;

2. Икона Успения Божьей Матери в серебряной ризе. В ней вложены в серебряном ковчезце частицы «мощей св. отец, избивенных в обители Св. Саввы;

3. Дарохранительница серебряная вызолоченная, весом в 1 пуд 9 фунтов, сделанная наподобие сени, под которой ковчег в виде гроба для хранения св. даров. На дарохранительнице находится надпись: «1763 г. декабря 1 дня, в церковь св. Сампсона Странноприимца сделана сия дароносица тицианием директора (или попечителя храма) Михаила Грязновского Лапшина;

4. Евангелие малое, старинное, киевского издания 1703 года. В начале его помещены символические стихи в честь царевича Алексея Петровича, вроде посвящения ему, которые предваряются заглавием: «На знамение – Царския породы пресветлаго и благовернаго Государя Царевича и Великого Князя Алексея Петровича;

5. По древности еще замечательны 5 Евангелий: два из них напечатаны в 1703 году, одно – в 1748 году, одно – в 1789 году и одно – в 1798 году. Все они в обыкновенный лист бумаги, обложены серебром или бархатом с обыкновенными серебряными украшениями на углах и в середине» [8].

За время своего существования Сампсониевский приход значительно увеличился. Так, «в 1762 году по книгам Сампсониевской церкви значится: рождений и крестин было 29 мужского пола и 27 женского, браков – 22, умерших – 40 мужчин и 40 женщин; общее число прихожан показано 465 душ. Через 34 года, за 1796 год, крещений было – 89, браков – 19, исповедовалось – 695 чел., число дворов – 55, общее число прихожан 773. Об относительном увеличении населения прихода в последующее время можно судить по нижеследующим выпискам из исповедных книг Сампсониевской церкви. Крещений было в 1830 г. – 80, в 1840 г. – 123, в 1850 г. – 129, в 1860 г. – 214, в 1870 г. – 233, в 1880 г. – 247, в 1889 г. – 382. Исповедников было: в 1830 г. – 466, в 1840 г. – 567, в 1850 г. – 1.490, в 1860 г. – 2.501, в 1870 г. – 2.271, в 1880 г. – 2.700, в 1889 г. – 3 734» [9].

В последние три десятилетия, как видно из приведенных цифр, с развитием в местности Сампсониевского прихода фабричной промышленности, число прихожан этой церкви значительно возросло.

В 1761 году в связи с новыми течениями в русской архитектуре церковь была переделана на пятиглавную и расписана. В 1800 году слева от колокольни была выстроена часовня. В 1885 году по проекту М.А. Щурупова на могиле А.П. Вольнского и П.М. Еропкина, казненных в 1740 году и погребенных с южной стороны храма, поставлен бронзовый памятник с рельефом работы А.М. Опекушина [10].

С 1881 года для религиозного просвещения прихожан, помимо церковных проповедей, проводились «внебогослужебные» духовные беседы силами местного причта и священников из других церквей, проходившие по воскресным дням. В 1885 году при Сампсониевской церкви была устроена церковно-приходская библиотека, которой бесплатно пользовались бедные прихожане, а также образовался свой народный хор, который пел ранние литургии по воскресеньям и праздничным дням.

В 1890-е годы существовавшая в храме роспись была дополнена новой, исполненной маслом. 27 июня 1894 года крестный ход торжественно перенес из Пантелеймоновской церкви часть мощей прп. Сампсония, подаренных принцессой Е.М. Ольденбургской.

В 1908 году, к 200-летней годовщине церкви, под руководством архитектора А.П. Аплаксина началась ее полная реставрация. Образом реставрировал известный московский иконописец Г.И. Чириков. В боковых приделах были сделаны новые иконостасы, в трапезной появились композиции П.О. Смурковича, П.С. Добрынина, В.М. Арнольда, на фасаде повешена чугунная доска с полтавской речью Петра.

Через два дня после освящения обновленного храма, ставшего незадолго до того собором, начались юбилейные торжества, во время которых 27 июня 1909 года перед колокольной был открыт памятник Петру I по модели М.М. Антокольского, отлитый на средства графов Шереметевых (с 1940 года находится в Государственной Третьяковской галерее, в 2003 году заново отлит и открыт на прежнем месте).

В связи с празднованием 200-летнего юбилея собора был образован специальный комитет, который назывался «Комитет по организации празднования 200-летнего юбилея основания Сампсоновского храма, заложенного Императором Петром I в память Полтавской победы 1709 года 27 июня». В отчете комитета, опубликованном в 1910 году, говорится: «В течение 2 лет (с 25-го февраля 1908 года по 18 марта 1910 года) Комитет имел 48 пленарных заседаний, в том числе 2 чрезвычайных... Свою деятельность Комитет завершил организацией трехдневных юбилейных торжеств память славных Полтавских дней, начавшихся 25-го июня освящением реставрированного Сампсоновского собора и окончившихся 27-го июня открытием памятника Венценосному Победителю Полтавы» [11].

В честь этого знаменательного события Комитетом был издан юбилейный альбом, составленный архитектором А.П. Аплаксыным, входившим в состав комитета. Один из экземпляров альбома «Комитет имел счастье поднести Его Императорскому Величеству, Государю Императору». Остаток средств после проведенных реставрационных работ, а это 10 000 рублей, поступила

«в собственность Сампсоновского собора и получила наименование «Реставрационного фонда имени Комитета по организации празднования 200-летнего юбилея...».

По указу императора Петра I, объявленному Святейшим Синодом 28 февраля 1721 года «повелено было при каждой церкви Петербурга на деньги от продажи свечей, построить богадельню» [12].

Государь хотел построить богадельни по всему духовному ведомству, по монастырям и при церквях. Но за несколько лет до этого, в 1714 году, при церкви Сампсона Странноприимца купец Емельян Яковлев Москвин уже построил мужскую богадельню.

Таким образом, Сампсониевская мужская богадельня стала первым в Санкт-Петербурге явлением епархиальной церковно-приходской благотворительности. В 1722 году открыта и женская богадельня. В 1733 году были построены две богадельни: мужская и женская для призрения убогих. В 1874 году при церкви открыто Приходское благотворительное общество (выдавало бедным денежные пособия и предоставляло «даровые» квартиры). С 1880 года общество выстроено и освящен собственный трехэтажный дом. К 150-летию юбилея Сампсониевского храма приход построил трехэтажное каменное здание на углу Большого Сампсониевского проспекта и Нейшлотского переулка, предназначавшееся для заштатных сирот и вдов из причта Сампсониевской церкви.

В 1906 году возведен дом (1907 – 1909 гг., арх. Н.Н. Егоров), где помещались залы для бесед, воскресная школа, миссионерские курсы, иконная лавка и книжный магазин. В 1912 году открылся первый в городе детский союз юношества и общество хоругвеносцев. Работал также дамский кружок с рукодельной школой и детской столовой.

По повелению императора Петра I Полтавская победа вошла в список основных, так называемых «викториальных» торжеств. В связи с чем, в дни юбилея, в Высочайшем присутствии, у стен храма проходил церковный парад, а в храме – служилась литургия, молебен и панихида с провозглашением вечной памяти Петру I.

Литература

1. //Церковный вестник, изд. при СПб. Духовной Академии. 5 января 1895 года.
2. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. – СПб., 2003.
3. //Церковный вестник, изд. при С-П Духовной Академии. 5 января 1895 года.
4. Там же.
5. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. – СПб., 2003.
6. //Церковный вестник, изд. при СПб. Духовной Академии. 5 января 1895 года.
7. Там же.
8. Там же.
9. Там же.
10. Антонов В.В., Кобак А.В. Святыни Санкт-Петербурга. – СПб., 2003.
11. Отчет Комитета по организации празднования 200-летнего юбилея основания Сампсоновского храма, заложенного Императором Петром I в память Полтавской победы 1709 год 29 июня. – СПб., 1910.
12. //Церковный вестник, изд. при СПб. Духовной Академии. 5 января 1895 года.

В.А. ПАРФЕНОВ

**БЕСКОТАКТНЫЙ МЕТОД КОПИРОВАНИЯ
ПАМЯТНИКОВ ИЗ КАМНЯ
С ПОМОЩЬЮ ЛАЗЕРА И РОБОТОТЕХНИКИ**

К великому сожалению, памятники истории и культуры не вечны. Под влиянием факторов окружающей среды они постепенно разрушаются и погибают. В последние два десятилетия во многих городах мира, особенно в крупных промышленных мегаполисах, произошло резкое ухудшение экологической обстановки. Это привело к значительному ускорению процессов разрушения объектов культурно-исторического наследия, экспонируемых на открытом воздухе. Вследствие этого в наши дни за 20-30 лет состояние памятников претерпевает изменения, сопоставимые по своим масштабам с разрушениями за предшествующие 2-3 столетия!

Особенно остро эта проблема затрагивает скульптуры из мрамора, известняка и других горных пород. Образование черных гипсовых корок, биологические поражения и эрозия поверхности приводят к постепенному разрушению материала таких памятников. В качестве наглядного примера на приведены фотографии, показывающие бедственное состояние отдельных мраморных скульптур в Некрополе XVIII века Александро-Невской Лавры в Санкт-Петербурге, а также в саду Боболи (г.Флоренция, Италия) (рис.1).

Но есть и другая не менее острая проблема – покушения вандалов, которые приводит к серьезным повреждениям, а иногда и полной утрате памятников.

Рис.1. Фотографии разрушающихся мраморных скульптур в Некрополе XVIII в. Александро-Невской Лавры (а) и в саду Боболи во Флоренции (б)

В этой ситуации на повестку дня уже давно встал вопрос о необходимости постепенной замены каменных скульптур, находящихся в экстерьерных условиях, на копии с последующим переносом оригиналов в интерьеры музеев. Как показывает мировая практика, это единственная возможность сохранить для потомков творения мастеров прошлого, по крайней мере, наиболее ценные из них. Именно по этому пути уже давно пошли в Италии и других странах Европы. Самый известный пример такого подхода к сохранению памятников это история шедевра Микеланджело – скульптуры Давида, которая простояла почти 370 лет на площади Синьории во Флоренции. В 1873 году эта скульптура была скопирована, в результате чего оригинал Давида переехал на вечное

хранение в музей Академии, а его место заняла копия из натурального мрамора. Подобный опыт имеется и в нашей стране – работы по копированию отдельных скульптур Летнего сада в Санкт-Петербурге и его пригородах (в Царскосельском музее в Пушкине и музее-заповеднике «Петергоф»).

Хотя идея замены скульптур на копии всегда вызывала и вызывает в обществе и даже среди музейных работников неоднозначное отношение, другого способа спасти известные памятники от разрушения, к сожалению, не существует. Поэтому сегодня специалистам следует серьезно задуматься над другим не менее острым вопросом: из какого материала и с помощью каких технологий следует создавать копии?

Исторически копии памятников из камня изготавливались вручную из материала оригинала (мрамора, известняка, песчаника). Однако известны многочисленные примеры изготовления копий каменных скульптур из гипса и бронзы (в том числе, методом гальванопластики). В 20-м веке появились новые технологии копирования. Поначалу они основывались на изготовлении гипсовой модели с последующей отливкой копии из цемента или камнезаменителя. В последние два десятилетия, в связи с появлением синтетических материалов, широкое распространение получила технология, при которой копии изготавливаются путем заливки или набивки композиции на основе синтетического связующего (полиэфирной смолы) и минерального наполнителя (мраморной крошки с добавлением красителя) в форму, изготовленную из силиконового герметика.

Все перечисленные здесь технологии имеют свои достоинства и недостатки. Самым существенным их недостатком является то,

что в процессе изготовления копии (на стадии изготовления формы) оригинальная скульптура подвергается химическому и физико-механическому воздействию, что может нанести значительный урон состоянию памятника. Технологические аспекты различных технологий копирования подробно рассмотрены в работе В.А. Парфенова и Д.А. Параничева «Некоторые аспекты изготовления копий памятников из мрамора» [1].

Именно по этой причине в последнее время все больший интерес у специалистов вызывает принципиально иной, более современный подход к созданию копий памятников из камня, который основан на использовании трехмерного (3-D) лазерного сканирования и камнеобрабатывающих станков с числовым программным управлением (ЧПУ).

В основе технологии 3-D сканирования лежит принцип определения координат отдельных точек поверхности исходного объекта в пространстве, которое выполняется с помощью высокоточных (точность измерения - доли миллиметра) лазерных дальномеров. Лазерные 3-D сканеры позволяют получить трехмерную реконструкцию объекта (так называемую «виртуальную копию»), которая несет в себе информацию как о его размерах, так и геометрической форме. С принципами лазерного 3-D сканирования можно познакомиться в работах зарубежных и отечественных авторов J.-A. Beraldin, F. Blais, L. Cour-noyer, M. Rioux, F. Bernier, N.Harrison, R. Fontana, M. Gambino, M. Greco, E. Pampaloni, L. Pezzati, R. Scopignot, В.А. Парфенова и А.Я. Фрейдина, [2]-[4].

Полученные таким образом цифровые данные о копируемом памятнике вводятся затем в микропроцессор станка с ЧПУ (в виде компьютерного файла в формате STL). Станок-робот начинает

постепенно, сначала очень грубо, а с каждым новым шагом (по мере замены используемых фрез на инструменты меньшего размера) – все точнее и точнее, фрезеровать глыбу камня, в результате чего на свет появляется высокоточная копия исходного объекта (рис. 2).

Рис.2. Различные стадии изготовления копии мраморной скульптуры с помощью фрезерного станка с ЧПУ

После обработки заготовки на станке, которая занимает от 1 до 3 недель (в зависимости от сложности объекта) остается завершающая стадия работы по изготовлению копии – шлифовка и полировка ее поверхности. И хотя такая операция выполняется скульптором вручную, роль «человеческого фактора» здесь (в отличие от доводки гипсовой формы при контактном копировании) можно исключить практически полностью. Дело в том, что эта работа может проводиться под контролем 3-D сканера, что позволяет проконтролировать точность соответствия оригинала и копии скульптуры в каждой отдельно взятой точке поверхности памятника в течение всего процесса «ручной» доводки.

Одна из первых работ по копированию памятников из камня, выполненных с помощью описанной здесь технологии, была выполнена около десяти лет назад в Великобритании. Речь идет об изготовлении копий двух древнеримских мраморных барельефов, находившихся в имении известного английского коллекционера античной мраморной и бронзовой скульптуры Генри Блюнделла, который жил в пригороде Ливерпуля на рубеже XVIII-XIX веков [5]. В настоящее время, не смотря на столь короткую историю, указанный подход уже получил широкое распространение во многих странах Европы. В качестве примера можно упомянуть Лазерный арт-центр при Ливерпульском Национальном музее, который специализируется на изготовлении копий памятников из натурального камня не только для музеев Англии, но и для заказчиков из других стран.

Одна из причин быстрого развития данной технологии связана с тем, что в Европе (в частности, в Италии) в последние годы был введен запрет на любые инвазивные воздействия на поверхность памятников в процессе их копирования. В этой ситуации бесконтактный лазерный метод создания модели копируемого памятника, дополненный использованием станка с ЧПУ, попросту не имеет альтернативы.

В нашей стране данная технология копирования была опробована совсем недавно. В 2009 году петербургская реставрационная фирма ООО «Ресстрой» в содружестве с итальянскими партнерами (компаниями Tor Art & C. CNC и Studi d'Arte Cave Michelangelo Srl.) выполнила работу по изготовлению копии мраморного бюста «Примавера» из коллекции Государственного музея-заповедника «Царское село» (неизв. скульптор, нач. XVIII в. Италия).

После проведения работ по 3-мерному лазерному сканированию «Примавера», данные этих измерений были переданы в Италию, где из глыбы высококачественного белого каррарского мрамора (сорт Statuario) на станке с ЧПУ была изготовлена высокоточная копия этого памятника (рис. 3). Примечательно, что «Примавера» не только получила второе рождение, но и проделала свой исторический путь – из мраморного карьера в окрестностях города Каррара вновь в Северную Венецию. Совсем скоро оригинал уступит свое место на открытом воздухе копии и переедет в закрытое помещение. Остается надеяться, что бюст-двойник проживет не менее долгую жизнь, чем сама «Примавера», и будет радовать своей красотой еще не одно поколение ценителей скульптуры.

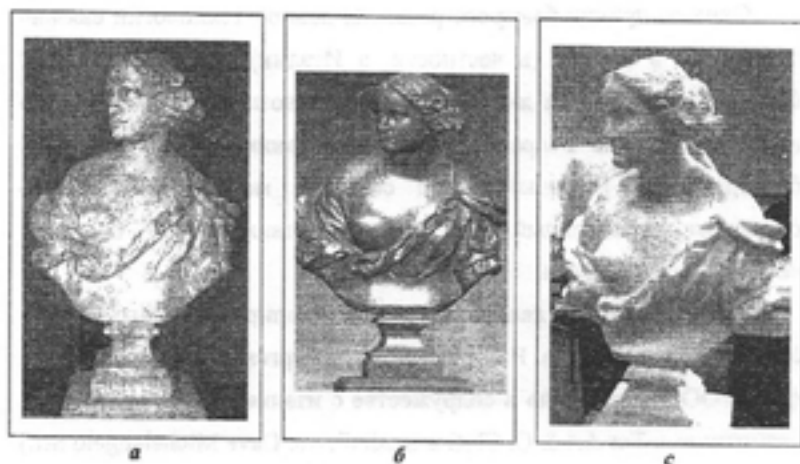

Рис.3. Мраморный бюст «Примавера»
 а – фото оригинала памятника,
 б – его компьютерная 3-D реконструкция,
 с – фото готовой копии

Основное достоинство описанной здесь технологии изготовления копий памятников из натурального камня заключается в том, что она является абсолютно незвзвизивной, так как полностью исключает контакт с поверхностью оригинала. Это особенно актуально при изготовлении копий хрупких и сильно эродированных скульптур. Кроме того (и это особенно ценно! – *прим. авт.*), копия изготавливается из того же самого исторического материала, что и оригинал памятника. В совокупности с точным соответствием формы и мельчайших деталей поверхности копии оригиналу это обеспечивает высокую степень аутентичности обоих объектов.

Немаловажен и экономический аспект обсуждаемой технологии. Использование 3-D сканирования и станка с ЧПУ позволяет значительно (в разы) сократить время, необходимое для создания копии. Уменьшение доли «ручной» работы вкупе со стоимостью заготовки мрамора (которая сравнима со стоимостью требуемого объема полиэфирного бетона) обеспечивает более низкую итоговую стоимость изготовления мраморной копии при одновременно более высоких эстетических качествах конечного продукта.

В заключительной части статьи хотелось бы сказать о том, что описанный здесь подход может быть использован не только для изготовления копий, но также и воссоздания сильно-поврежденных и даже утраченных памятников.

Из истории бытования многих знаменитых скульптур хорошо известны многочисленные примеры попыток восполнения утраченных частей (рук, ног, головы), которым они подвергались в различные эпохи. Весьма примечательно, что подобные восполнения, включая те, что были выполнены мастерами прошлых столетий, и те, что были сделаны реставраторами в наши дни, вызывают неоднозначное отношение, а порой и жаркие споры специалистов [6]. С другой стороны, совершенно естественно желание музейных хранителей улучшить экспозиционный вид того или иного памятника путем восполнения утраченных деталей. Разрешить эту извеч-

ную дилемму позволяет использование комбинированной технологии на базе 3-мерного лазерного сканирования и станков с ЧПУ.

Дело в том, что с помощью 3-D сканирования и последующего создания «виртуальной копии» памятника, полученная таким образом цифровая 3-D реконструкция может быть «доработана» методами компьютерной графики. Такая работа может быть проведена с использованием старинных фотографий и рисунков самого памятника или изображений близких ему аналогов. В результате можно получить новую компьютерную 3-D модель памятника, в которой будут восполнены все имеющиеся утраты или дефекты. Следующий этап работы – создание физической модели («материальной копии») реконструируемого памятника из «промежуточного» материала. Цель создания такой модели состоит в визуальной проверке правильности компьютерной реконструкции. Это совершенно необходимо, так как компьютерную реконструкцию создает один человек (программист), и для проверки правильности результатов его работы нужно выработать коллегиальное мнение специалистов – музейных работников (например, членов реставрационного совета).

Физическая модель может быть изготовлена с помощью метода так называемого быстрого прототипирования из синтетического материала (например, при помощи специального устройства – 3-D принтера) или путем создания вспомогательной модели (опять-таки из синтетических материалов) с последующей отливкой модели реконструированного памятника из гипса или полиэфирной смолы. Примечательно, что поскольку основная цель создания физической модели памятника состоит в визуальной проверке компьютерной 3-D реконструкции памятника, ее размеры могут быть существенно (в разы! – прим. авт.) меньше самого объекта. Стоит ли говорить, что это очень важно с экономической точки зрения?

И, наконец, на заключительном этапе работы после проверки правильности и доработки компьютерной модели, на станке с ЧПУ можно изготовить реконструированный таким образом

памятник в виде единой композиции из исторического материала (из натурального камня). В результате мы не только сохраняем в неприкосновенности дошедший до нас оригинал, но имеем возможность любоваться целостным (пусть и не вполне достоверным) обликом памятника, который не имеет дефектов и утрат. Тем самым, мы получаем своего рода новое «прочтение» памятника, которое, возможно, наши потомки захотят со временем изменить (с использованием такой же или более совершенной технологии).

Как видно из приведенных в данной статье примеров, использование современных технологий позволяет принципиально по-новому подойти к решению проблем копирования и воссоздания памятников из камня. Хочется надеяться, что описанный здесь подход будет по достоинству оценен специалистами и в ближайшей перспективе найдет применение в отечественной реставрационной практике.

Литература

1. Парфенов В.А., Параничев Д.А. Некоторые аспекты изготовления копий памятников из мрамора // Реликвия, № 20, 2009. – С. 13-15.
2. Beraldin J.-A., Blais F., Cournoyer L., Rioux M., Bernier F., Harrison N. Portable digital 3-D imaging system for remote sites // Proceedings of IEEE International Symposium on Circuits and Systems, Vol. 5, 1998. – V. 488-493.
3. Fontana R., Gambino M., Greco M., Pampaloni E., Pezzati L., Scopigno R. High-resolution 3D digital models of artworks // Proceedings of SPIE, Vol. 5146, 2003. – P. 34-43.
4. Фрейдин А.Я., Парфенов В.А. Трехмерное лазерное сканирование и его применение для съемки архитектурных сооружений и реставрации памятников // «Оптический журнал», Т.74, № 8, 2007. – С. 44-49.
5. Fowels P.St. The Garden Temple at Ince Blundell: a case study in the recording and non-contact replication of decayed sculpture // J. Cult. Heritage, Vol. 1, 2000. – P. S89-S91.
6. Яхонт О.В. К вопросу о сохранности в музеях произведений скульптуры, прошедших реставрацию / Исследования в консервации культурного наследия. Вып.2. Материалы международной научно-методической конференции, посвященной 50-летию юбилею ГосНИИР. – М.: Индрик, 2008. – С. 288-294.

Е.Л. РЕПИНА

ИСТОРИЯ ЗАХОРОНЕНИЙ У САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА

К концу 70-х годов прошлого столетия в связи с проведением комплексной реставрации возникла необходимость во всестороннем изучении здания Сампсониевского собора и отдельно стоящей колокольни, построенных в первой половине XVIII века. Объектом исследования также являлось здание часовни, возведенное в 1909 году по проекту архитектора А.П. Аплаксина на месте бывшего алтаря первой деревянной церкви, заложенной по указу Петра I в конце ноября 1709 года. Наряду с вышеперечисленными зданиями, рядом с Сампсониевским собором находится памятник «Врагам Бирона», установленный в 1886 году по проекту архитектора М.А. Шурупова. Все это позволяет нам рассматривать данные сооружения как архитектурный комплекс.

В 1974 году впервые на его территории были проведены археологические раскопки, в которых принимали участие: отряд студентов исторического факультета Ленинградского государственного университета под руководством преподавателей Ю.М. Денисова, Г.С. Лебедева и научного сотрудника Музея истории Ленинграда В.С. Воинова, а также специалисты научно-исследовательского отдела Госинспекции по охране памятников под руководством старшего научного сотрудника В.А. Коренцита.

Попытка обнаружения строительных следов первой Сампсониевской церкви не дала положительных результатов, но в процессе археологических раскопок у восточной стены здания часовни

нашли надмогильную плиту над захоронением прокурора Государственной Санкт-Петербургской губернской коллегии Ф. В. Безобразова (1773) [1]. Рядом с часовней были обнаружены другие погребения и фрагменты надгробных плит, сдвинутые со своих мест, вероятно, при закладке траншей под фундаменты здания. Сезон раскопок 1974 года не предусматривал обследование захоронений, находившихся в непосредственной близости от первой деревянной церкви, но проведенные работы показали, что на территории архитектурного комплекса сохранилось множество кирпичных склепов.

Из истории Сампсониевского собора известно, что по завершении строительства первого храма Петр I повелел, чтобы с 1711 года все жители Санкт-Петербурга «умерших тела, нигде у других церквей не погребали, кроме сея Сампсониевской церкви, не только Российского народа, но и иностранной нации» [2]. В соответствии с этим указом недалеко от ее стен было открыто общегородское кладбище для православных, а рядом – еще одно иноверческое для христиан-иноземцев, разбитое, как тогда говорили на «дорожки», т. е. отдельные участки: католический, лютеранский, англиканский, кальвинистский и др. Оба кладбища изображены на рукописном плане Санкт-Петербурга 1721 года, копия которого, выполненная в XIX веке кондуктором Федоровым [3], находится в Госинспекции по охране памятников. На нем видно, что к прямоугольной территории размером 113 x 70 саж., принадлежавшей Сампсониевскому храму, с восточной стороны примыкало «кладбище для русских», отмеченное на плане крестами и занимавшее огромный трапециевидный участок земли длиной 420 саж. и шириной в самом узком месте 250 саж. На расстоянии 25 саж. к югу от него размещалось почти квадратное в плане «кладбище для иностранцев» размером 300x290 саж.

На других планах города 1714 – 1738 годов общегородское кладбище имело меньшую площадь. Наиболее точно его территория в 65x80 саж. показана на плане Санкт-Петербурга 1725 года из архива Майера [4], хранящимся в Музее истории города. К 1738 году, в связи со строительством нового каменного храма, участок для захоронений был расширен в северном и южном направлениях до размеров 132x78 саж. [5]. План города 1738 года представляет большой интерес в виду того, что на нем обозначено место расположения иноверческого кладбища, имевшего размеры 200x60 м. и находившегося на расстоянии 106 м. от южной границы православного участка.

В монографиях дореволюционных авторов, обращавшихся к истории Сампсониевского собора, содержатся материалы в основном о православном кладбище [6]. По историческим сведениям, впоследствии подтвержденным результатами археологических раскопок, на нем проводились захоронения людей всех сословий как низших, так и высших, но в основном среднего класса: купцов, чиновников, отставных солдат, рабочих Батальона строений и опальной знати. Сам Петр I неоднократно посещал его при погребении: 1 июня 1720 года жены «князя-папы» П.И. Бутурлина – Анны Еремеевны, 1 февраля 1721 года – английского купца Келлермана, 28 августа 1723 года – «князя-папы» Петра Ивановича Бутурлина, на надгробиях которых были сделаны надписи: «похоронен в присутствии Петра I». Н. Романченко описывал скорбные события о кончине П.И. Бутурлина следующим образом: «Тело его хоронили, 28 августа, с большим великолепием на Сампсониевском кладбище. При погребении присутствовал Двор. – Перед выносом покойного из дома каждый из гостей был обязан доброю чаркою вина помянуть душу его святейшества» [7].

В приведенном Н.Романченко «Списке покровов, пожертвованных в церковь Св. Сампсония с указанием от кого они получены» находились громкие имена современников Петра I, похоронивших на Сампсониевском кладбище своих близких [8]. Среди них были: генеральный прокурор П.И. Ягужинский, обер-прокурор С. Кошелев, князь Н.Ю. Трубецкой, генерал-майор И. Бибиков, капитан Муханов, канцелярист Городовой канцелярии Алексей Баженов, почерк которого известен всем работавшим в Центральном Государственном историческом архиве (ЦГИА) с материалами фонда 467, и др.

Популярность кладбища возросла после захоронения у ворот церковной ограды 27 июня 1740 года, казненных по ложному обвинению в государственной измене, русских патриотов: кабинет-министра двора Анны Иоанновны Артемия Петровича Волынского, советника Андрея Федоровича Хруцова и главного архитектора Комиссии о Санкт-Петербургском строении Петра Михайловича Еропкина. С разрешения императрицы Елизаветы Петровны в 1741 году на предполагаемом месте их общего захоронения, вернувшиеся из ссылки дети А.П. Волынского, установили небольшую каменную надгробную плиту.

Позднее в 1885 году по инициативе редактора журнала «Русская Старина» М.И. Семева был объявлен сбор средств на сооружение нового памятника, в результате которого собранная сумма составила 1.900 рублей, из которых 1 000 рублей пожертвовала К.П. Селифонова из рода Волынских. Авторы проекта монумента – архитектор М.А. Шурупов, скульптор А.М. Опекушин и художник Ф.Г. Солнцев выполнили свою работу без денежного вознаграждения. Гранит для постамента бесплатно поставил Я.А. Брусов, а основные расходы пошли на отливку бронзовой стелы мастером А.Н. Соколовым [9].

15 марта 1886 года состоялось открытие памятника, отличающегося простотой и благородством классических форм, внутри которого сохранили прежнее небольшое надгробие: на черный гранитный полированный постамент, окруженный чугунной оградой, была установлена стела, украшенная бронзовым барельефом работы скульптора А.М. Опекушина с изображением богини истории Клио. В ее руках находился развернутый свиток со словами Екатерины II, взывающими к памяти о покоящихся на этом месте невинных жертвах. На стеле были начертаны строки из думы К. Рыльева «Волынский» (1822), а также изображены родовые гербы этих представителей опальной знати и горящий факел – символ вечной жизни и нетленной памяти. В настоящее время памятник является единственным сохранившимся на своем историческом месте надгробием Сампсониевского кладбища и единственным сохранившимся произведением архитектора М.А. Шурупова в России.

О том, что у стен возведенного в 1740 году нового каменного храма также проводились захоронения, свидетельствуют пять мемориальных досок, сохранившихся на южном фасаде собора, четыре из которых размещаются в его открытой южной галерее. Среди них выделяется художественной резьбой, редкая для того времени белая мраморная доска купца М.Я. Грязновского-Лапшина (1769), на деньги которого в 1761 году вокруг главного купола здания возвели четыре малые главки. Надпись на памятной доске с утраченным в нижней части фрагментом сообщала, что против этого места лежит тело усерднейшего сего храма попечителя и украсителя, директора, Санкт-Петербургского купца Михаила Яковлевича Грязновского-Лапшина, погребенного подле родителей. Ему было 50 лет 16 дней, родился он 8 июля 1719 года, а преставился 4 июля 1769 года.

По историческим сведениям известно, что вне храма с южной стороны алтарной апсиды находилось захоронение протопресвитера Троицкого собора Иоанна Симеонова, а на южной стене здания была установлена памятная доска [10]. В ее тексте говорилось: против этой надписи погребено тело протопресвитера Санкт-Петербургского Троицкого собора Иоанна Симеонова 10 июля 1740 года, а преставился он 7 июля в 12 часов пополудни, а было ему 64 года. В настоящее время эта доска, выполненная из «путиловского» известняка, находится с левой стороны от дверного проема в открытой южной галерее здания. На ней частично сохранился растительный орнамент, изображение креста в круге и надпись «...пресвитер Иоанн...». На других памятных досках снаружи здания, также выполненных из «путиловского» известняка, текст уже не читается.

На Сампсониевском православном кладбище по распоряжению Тайной Канцелярии был погребен, скончавшийся в заточении Петропавловской крепости первый русский экономист И.Т. Посошков (1726), но место его захоронения осталось неизвестным [11]. Во время проведения реставрации 1909 года, приуроченной к двухсотлетию юбилею основания храма, в юго-западном углу помещения «трапезной» установили бронзовую доску, посвященную его памяти. По историческим сведениям известно, что внутри Сампсониевского собора на стенах и опорных столбах также находились мраморные и бронзовые мемориальные доски, пять из которых сохранились в интерьере здания.

Кроме упомянутой выше доски Ивана Тихоновича Посошкова (1726), это были памятные доски жителей Санкт-Петербурга первой половины XVIII века: секретаря тайной канцелярии Ивана Федоровича Набокова (1753), дочери генерал-майора

и сибирского губернатора Стефаниды Алексеевны Жеребцовой (1761), иереев собора Святых Апостолов Петра и Павла Григория Феодоровича (1738) [12], а также купчихи Феодосии Ивановны Богдановой (1746). После проведенной в 2006 году реставрации бронзовая золоченая доска с изображением родового герба генерал-аншефа Василия Ефимовича Скворцова (1769) и мемориальная доска поручика лейб-гвардии Измайловского полка Ивана Васильевича Неронова (1751) вернулись на свои исторические места. Местонахождение памятной доски Авдотьи Яковлевны Пастуховой (1773) и бронзовой золоченой доски с родовым гербом армии секунд-майора Ивана Николаевича Зиновьева (1760) осталось неизвестным.

При обследовании в 1909 году В.И. Сантовым территории православного кладбища для монографии великого князя Николая Михайловича «Петербургский некрополь», на поверхности земли еще были видны надгробные плиты, перечень которых он приводит в своей публикации, а именно: канцеляриста Военной Коллегии А. Васильева (1758), жены священника Алексея Георгиева – Евдокии (1759), ведомства Адмиралтейской коллегии галерной команды отставного командира Ф.К. Канаева (1765), купца А.В. Сыромятникова (1769) и его жены Евдокии Григорьевны (1765), А.И. Коновицкой (1737), Г.Р. Чеботарева (без даты), поручика лейб-кирасирского полка П.И. Челищева (1757), К.П. Юрьевой (1761), протоколиста Главной полиции И. Павлова (1746), а также К.Г. Роговикова (1719) и сына его Федора (1725) [13].

Н. Романченко в книге «Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора» писал, что на иноверческом кладбище «как видно по иноверным метрикам, было погребено много замечательных людей» [14]. Однако ссылок на место хранения метрик автор не дает. И.И. Лисаевич в

книге «Доменико Трезини», также без ссылки на источники, приводит сведения о захоронении на этом кладбище архитектора Доменико Трезини (1734 г.), академиков Российской Академии наук: Х. Гольдбаха (1764) и Г.З. Байера (1738) [15]. По другим сведениям здесь были погребены выдающиеся специалисты XVIII века, ярко проявившие себя в различных областях их деятельности: первый президент Российской Академии наук Л. Блюментрост (1755), фельдмаршал Б. Минних (1767), архитекторы: А. Шлютер (1714.), Г.И. Маттернови (1719), Ж.-Б. Леблон (1719), Н.Ф. Гербель (1724), скульптор К.-Б. Растрелли (1744), художники: Г. Гезель (1740), Л. Каравак (1752), С. Торелли (1780), гравер Пикарт (1737). К сожалению, места их захоронений до сих пор не установлены.

Из материалов первых археологических раскопок, проведенных в 1974 году на территории комплекса Сампсониевского собора, было известно, что надмогильные плиты лежат под слоем грунта на глубине не более 20–30 см. Спустя 12 лет, в 1986 году специалисты научно-исследовательского отдела Госинспекции по охране памятников под руководством старшего научного сотрудника В.А. Коренцвита провели изыскания на бывшей территории православного кладбища. Их целью являлось обследование участка архитектурного комплекса в пределах его ограды и выявление засыпанных земель надмогильных плит, без вскрытия захоронений. Для археологических раскопок была выбрана территория свободная от застройки, посадок деревьев и подземных коммуникаций.

В процессе археологических работ 1986 года удалось обнаружить лишь два надгробия из приведенного выше списка захоронений, выявленных В.И. Сайтовым в 1909 году. У северной стены придела во имя Апостола Иоанна Богослова была найдена хорошо сохранившаяся надмогильная плита трапециевидной формы

протоколиста Главной полиции Иоанна Павлова (1746) и его сына канцеляриста таможи Петра Павлова (1756), отличавшаяся тщательностью исполнения надписи и большими размерами 194x117x89 (внизу) см. К востоку от центральной несущей стены собора, ближе к зданию часовни, лежала плита купца Козмы Гавриловича Роговикова (1719) и его сына Федора Роговикова (1725). В ее тексте сообщалось, что купец К.Г. Роговиков умер в 1719 году, его сын Федор был убит в 1723 году, тело его найдено в Лахте в 1725 году, а вдова Федора – Наталья умерла в 1767 году [16].

В дополнение к этим изысканиям с северной и восточной сторон часовни было заложено множество шурфов. С северной стороны здания плит не обнаружили, а с восточной стороны находилось семь надмогильных плит на глубине около 30 см., расположенных одна за другой параллельно зданию собора в направлении с запада на восток. Пять из них имели надписи, а поверхность двух больших плит была сильно «выветрена», и текст уже не читался. Все находившиеся у часовни захоронения, как предписывает христианский обряд, ориентировались головой усопшего на запад и размещались рядами, направления которых следовало с юга на север, перпендикулярно по отношению к продольной оси здания собора. По мере удаления от часовни в восточном направлении располагались более поздние захоронения. Надгробные плиты находились очень близко друг к другу на расстоянии около 30 см., следов оградок при археологических раскопках обнаружено не было.

Всего у здания часовни удалось выявить девять надгробий с сохранившимися надписями. Ближайшая к часовне и самая ранняя из всех найденных плит, была положена в 1725 году на место погребения «девицы Ирины», ее фамилию установить не удалось.

На расстоянии 27 см. от нее находилась плита канцеляриста Санкт-Петербургской внутренней таможи С.Н. Лабозникова (1733), выделявшаяся наличием церковно-славянского шрифта и нестандартным содержанием текста. На расстоянии всего 10 см. лежала следующая плита отставного солдата Николая Григорьевича Лопотева (1765), умершего в возрасте 85 лет и 5 месяцев. Являясь ветераном Северной войны, он мог проводить остаток своих дней в первой городской богадельне, открытой при Сампсониевской церкви через четыре года после ее освящения.

Далее были обнаружены плиты: экономиста ведомства Государственной коллегии Ивана Микитина (17<...>9) – дату захоронения установить не удалось; сержанта Ивана Васильева и его сына поручика Батальонов строения домов и садов Румянцева (1768); певца Петропавловского собора Иоанна Иовлевича Хоржевского (1760); купца Ефима Ивановича Лайкова (1772); Натальи Леонтьевны Роговиковой (1767) – жены купца Ф. К. Роговкова, находившаяся рядом с могилой ее мужа; а также плита купца Семена Ермильева (1761), расположенная ближе к зданию собора и содержащая текст, нанесенный курсивом. Упоминание о ней не встречается в публикациях, вероятно, к началу XX века это погребение уже затерялось.

Все найденные плиты лежали на своих исторических местах, а рядом с ними находились другие надгробия, на которых надписи совершенно не читались или отсутствовали. Исключение составляла плита купца Ефима Ивановича Лайкова (1772), вынутая из земли и обнаруженная строителями в северной части территории архитектурного комплекса. Местонахождение следующих трех надмогильных плит установить не удалось, а именно: большой, разбитой на две части плиты Феклы Сергеевны Пановой (1768) –

жены капитана Г.Н. Тюмина; купца Петра Петровича Холопова (1748); годовалых дочерей Любови и Екатерины поручика Варлама Бороздина (без дат), обнаруженная во время нивелировки территории в юго-восточном углу участка; также был найден фрагмент плиты, на котором сохранилась только дата (1759).

Все выявленные надгробия фиксировались на плане раскопок, а вновь обнаруженные плиты были сосредоточены в северной и восточной частях территории Сампсониевского собора. С северной стороны участка выделялись три локальные зоны, содержавшие захоронения. Первая зона находилась в непосредственной близости от северной стены собора, вторая – вокруг здания часовни, а третья – самая обширная располагалась вдоль ограды архитектурного комплекса, идущей параллельно зданию собора. С восточной стороны территории других плит не обнаружили, но удалось выявить несколько кирпичных склепов подтверждавших предположение, что весь этот участок был занят погребениями.

Найденные в ходе раскопок плиты охватывали хронологический отрезок времени с 1725 по 1775 годы. Но кладбище было открыто в 1711 году и на захоронениях, сделанных ранее 1725 года, могли стоять деревянные кресты, т. к. в первые годы основания Санкт-Петербурга строительного камня не хватало, и он ценился очень дорого. Дата захоронения на плите купца К.Т. Роговикова, скончавшегося в 1719 году не противоречит данному предположению. Каменную плиту на место его погребения положили не ранее 1725 года, это заключение можно сделать на основании ее текста, приведенного выше. Все надмогильные плиты были выполнены из плотного «путиловского» известняка, добыча которого резко возросла на каменоломнях в последние годы царствования Петра I. Во второй половине XVIII века для изготовления надгробий стали использовать также и гранит.

Из всех выявленных в процессе раскопок захоронений самым поздним, датированным 1773 годом, являлось погребение прокурора Государственной Санкт-Петербургской губернской коллегии Ф.В. Безобразова, надмогильную плиту которого обнаружили первой в 1974 году у восточной стены здания часовни. По всей вероятности она относилась к числу последних захоронений, близких ко времени закрытия кладбища. Обследовавший его территорию в 1909 году В.И. Сантов считал, что православное кладбище было закрыто не позднее 1779 года. Н. Романченко по этому поводу писал: «Уничтожено же Сампсониевское кладбище при Екатерине II, когда чума в Москве, в числе мероприятий против распространения в городе заразы, заставила удалить кладбища от жилья» [17]. В 1775 году вышел указ Санкт-Петербургской Духовной Консistorии о запрещении погребать усопших у приходских церквей [18]. Общегородское Сампсониевское кладбище формально не подходило под этот указ, по причине своей удаленности и труднодоступности для живущих на левом берегу Невы горожан. Таким был его официальный статус в 1732–1734 годах, но фактически оно продолжало оставаться приходским, и возможно, его закрыли в 1775 году.

Считается, что в 1770-е годы также прекратило функционировать иноверческое кладбище, на котором были погребены многие выдающиеся западноевропейские специалисты, приглашенные в XVIII веке на службу в Россию. В первые годы строительства Санкт-Петербурга всех иностранцев хоронили на двух кладбищах: у Александро-Невского монастыря и на Аптекарьском острове. После открытия Сампсониевского кладбища, иностранцев погребали уже на нем, до появления в 1756 году Смоленского, а в 1957 году и Волковского евангелистского кладбища. Но на этом история, существовавшего более полувека, общегородского Сампсониевского клад-

бища не заканчивается. Предметом дальнейших исследований могут стать захоронения, которые будут обнаружены на его бывшей территории в процессе последующих археологических раскопок.

Учитывая мемориальное значение дошедших до наших дней надмогильных плит и памятных досок XVIII века, сотрудники музея-памятника «Исаакиевский собор» видят перед собой важную задачу их сохранения и размещения на своих исторических местах. 3 июля 2009 года, в канун празднования 300-летнего юбилея основания Сампсониевского собора, на месте расположения бывшего алтаря первой деревянной церкви был торжественно установлен специальный памятный знак в виде небольшой стелы. Это событие положило начало создания мемориальной зоны на территории архитектурного комплекса. У здания часовни могут быть размещены надмогильные плиты, выявленные в ходе археологических раскопок 1974 и 1986 годов. Они охватывают хронологический отрезок времени с 1719 по 1773 годы и дают возможность частично реконструировать участок захоронений бывшего Сампсониевского кладбища с помощью сохранившихся надмогильных плит.

Реконструкция мемориальной зоны на территории архитектурного комплекса может дополнить расположенную в зданиях собора и часовни постоянную экспозицию «История возникновения и строительства первой Сампсониевской церкви и ныне действующего храма». Эти мероприятия позволят посетителям музея ознакомиться с историей общегородского Сампсониевского кладбища, открытого в 1711 году в непосредственной близости от первой деревянной церкви, деятельность которой была неразрывно связана с его существованием, а также продемонстрируют бережное отношение к сохранившемуся наследию прошлого.

Список надмогильных плит
(с указанием размеров, см.)

Плита купца Козьмы Гавриловича Роговикова (умер 1719) и его сына Федора Кузьмича Роговикова (умер 1725), (182x106).

Плита девицы Ирины (умерла 1725), (161x65).

Фрагмент надмогильной плиты Ирины Аввакумовой (умерла 1726), (610x540).

Плита канцеляриста Санкт-Петербургской внутренней таможни С.Н. Лабозникова (умер 1733), (115x88).

Плита протопресвитера Санкт-Петербургского Троицкого собора Иоанна Семионова (умер 1740), (670x660).

Плита протоколиста Главной полиции Иоанна Павлова (умер 1746) и его сына канцеляриста таможни Петра Павлова (умер 1756), (194x117).

Фрагмент надмогильной плиты купца Петра Петровича Холопова (умер 1748), (750x710).

Плита певца Петропавловского собора Иоанна Иовлевича Хоржевского (умер 1760), (101x61).

Плита Феклы Сергеевны Пановой жены капитана Г.Н. Тюмина (умерла 1760) (161x65).

Плита купца Семена Ермильева (умер 1761), (132x53).

Плита отставного солдата Николая Григорьевича Лопотева (умер 1765), (120x63).

Плита Натальи Леонтьевны Роговиковой жены купца Ф. Роговикова (умерла 1767), (190x94).

Плита сержанта Иван Васильева и его сына поручика Батальонов строения домов и садов Румянцева (умер 1768), (125x69).

Плита купца Ефима Ивановича Лайкова (умер 1772), (148x71).

Плита прокурора Государственной Санкт-Петербургской губернской коллегии Федора Васильевича Безобразова (умер 1773), (194x102).

Плита экономиста ведомства Государственной коллегии Ивана Микитина (умер 17<...>9), (181x 85).

Плита малолетних дочерей поручика Варлама Бороздина – Любови и Екатерины (без дат), (102x570).

Литература

1. Лебедев Г.С., Денисов Ю.М., Войнов В.С. Отчет об археологических исследованиях 1974 года в Сампсониевском соборе на Выборгской стороне. ГИОП. Инв. № Н - 1868. - Л. 1976. - С. 11.
2. Рубан В. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, сочиненное А. Богдановым. - СПб., 1779. - С. 229.
3. План столичного города и крепости Санкт-Петербурга 1721 г. ГИОП. Инв. № 4522.
4. ГМИСПб. Архив Майера. Атлас I. Ч. II. Л. $\frac{6-o}{o}$
5. То же. Атлас II. Ч. II. Л. $\frac{6-o}{1}$
6. Рубан В. Историческое, географическое и топографическое описание Санкт-Петербурга, сочиненное А. Богдановым. - СПб., 1779. - С. 459; Владимирский А. Краткое описание Санкт-Петербургской Сампсониевской церкви, что на Выборгской стороне с историей ее прихода. - СПб., 1890. - С. 35 - 45; Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. - СПб., 1909. - С. 72 - 94; Покровский В. Сампсониевский храм, как исторический памятник. - СПб., 1909. - С. 27 - 30;
7. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской Епархии. Вып. 1. - С. 47; То же. Т. 1., 1869. - С. 89; Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. - СПб., 1909. - С. 75.
8. Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. - СПб., 1909. - С. 152.
9. Городецкий. Памятник на общей могиле Волынского, Еропкина, Хрущева, сооруженный в 1885 году. Русская Старина. Т. 50 (апрель - июнь), 1886. - С. 715.
10. Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. - СПб., 1909. - С. 86.
11. Там же. - С. 87.
12. Там же. - С. 86.
13. Саитов В.И. Петербургский некрополь. - СПб., 1912. - С. 430.
14. Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. - СПб., 1909. - С. 74.
15. Лисавич И.И. Доментико Трезини. - Л., 1986. - С. 209.
16. Коренциг А.В. Отчет об археологических исследованиях на территории бывшего кладбища у Сампсониевского собора в 1986 г. СНПО «Реставратор». ГИОП. Инв. № 1095/3. - Л., 1987. - С. 10.
17. Романченко Н. Исторический очерк Санкт-Петербургского Сампсониевского собора. - СПб., 1909. - С. 80.
18. ЦГА ВМФ. Ф. 1406. Дела графа Чернышева. Т. VII. 1775. - С. 290. (Отпись дел архива Морского Министерства. Т. V. С. 566).

Ю.С. СОКОЛОВА

К ВОПРОСУ О ФОРМИРОВАНИИ ИКОНОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЫ САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА

Сампсониевский собор, храм воинской славы России, является одним из старейших в Санкт-Петербурге. Он был основан в честь победы в Полтавском сражении российских войск над шведами 27 июня 1709 года. Столь значимое событие для всего Российского государства предполагает особую идейную концепцию храмового пространства собора. Однако Сампсониевский храм не обладает какой-либо ярко-выраженной иконографической программой. Более того, она представляет собой не одновременно задуманное решение, но является результатом наслоения и соединения различных элементов нескольких эпох.

Практически до XVI века иконографические программы воплощались в основном в настенных росписях, являвшихся главным элементом церковного убранства, а также главным выразителем христианского вероучения, представляя собою все мироздание. Строй и состав подобных живописных ансамблей определялся строгим канонам, однако в каждом отдельном случае были возможны вариации канонических норм, которые и определяли особенности данной иконографической программы.

Уже с XV века акцент декоративный, а главное догматический, начинает постепенно переходить с храмовой росписи на иконостас. Его окончательное формирование совпадает с периодом расцвета всех сторон духовной жизни Руси. Иконостас представляет собой четкую, выработанную веками «образно-богословскую систему» [1], где все направлено на раскрытие образа Христа. Не зависимо от иконографической программы центральная деисусная икона Спасителя всегда будет доминантой всего иконостаса и даже всего храма.

Важно также понимать, что эти два элемента храмового убранства, роспись и иконостас, не заменяют, не повторяют механически друг друга, а наоборот, являются взаимодополняющими. Вместе они служат раскрытию всего христианского вероучения.

О первоначальной иконографической идее собора можно судить по ранним иконостасам, перенесенным в каменный Сампсониевский храм из деревянной церкви. Это иконостас северного придела, освященный во имя Иоанна Богослова, и иконостас южного придела, освященный во имя Архангела Михаила и прочих Небесных Сил бесплотных. Однако здесь необходимо помнить, что они создавались не одновременно, а по мере того, как строилась деревянная Сампсониевская церковь: сначала был построен и освящен придел в честь Иоанна Богослова, лишь затем пристроен и освящен иконостас в честь Архангела Михаила.

Посвящение северного придела апостолу Иоанну Богослову связывается с фигурой Иоанна Алексеевича, старшего брата Петра I, скончавшегося в 1696 году. Однако подобная патрональная тема не получает дальнейшего развития в программе Сампсониевского храма.

Образ Иоанна Богослова, как и должно в таком случае, располагается с правой стороны местного ряда. Он был написан в XIX веке взамен утраченной иконы того же святого. Возможно, этой деталью и ограничивается прямое участие Петра I в формировании идейного пространства храма.

Особенности иконографической программы собора могли проявиться именно в местных рядах иконостасов. Здесь допускалось большое разнообразие, иконы не имели строгого ритмического распорядка и зависели от местных потребностей и характера данной церкви. Так, в каноническом строе северного иконостаса, из того, что сохранилось после переноса из деревянного в каменный храм, а также после многочисленных последующих ремонтов и переустройств собора, располагаются образы, которые напрямую связаны с темой военных побед России, в частности, с Полтавской битвой.

Слева от Царских врат на месте должной богородичной иконы находится образ Тихвинской Богоматери. Он издавна почитался как воинская святая. Во время похода на Казань в 1552 году икона Тихвинской Богоматери явилась во сне Ивану IV и предвозвестила будущую победу. Поручительством этого образа в 1617 году был заключен Столбовский мир, прекративший войну между Россией и Швецией. После этого икона стала восприниматься как «военный палладиум, защитница и покровительница новгородских земель» [2]. Особенно сильным становится почитание иконы Тихвинской Богоматери в годы Северной войны.

Это объясняет то особое значение, которое имел данный образ для Сампсониевского храма. В соборе, согласно сведениям А.П. Аплаксина, помимо упомянутой иконы находилось еще четыре тихвинских списка. До нашего времени дошел лишь один из них.

Воинскую тематику продолжает икона святого Сергия Радонежского в местном ряду иконостаса, который, согласно житию, благословил Дмитрия Донского в 1380 году перед Куликовской битвой и предрек победу русского войска. Важно и то, что Сергей Радонежский способствовал объединению всего Русского государства. Таким образом, воинская тема в образе этого святого смыкается с темой государственной, и в символической форме восхваляет всю деятельность Петра I, направленную на объединение и укрепление страны.

Новую символику, связанную с петровскими преобразованиями, можно увидеть и в традиционных канонических сюжетах. Это объясняется особым, практически сакральным отношением ко всей деятельности и самой фигуре Петра I в то время. В проповедях и различных панегирических сочинениях можно найти множество параллелей между событиями петровской эпохи и различными ветхозаветными и новозаветными сюжетами. Петр I, безусловно, был осведомлен о подобной трактовке, и, порой, сам являлся «вдохновителем и соавтором» данных концепций [3]. Таким образом, в религиозное искусство вплетается новый, идеологический подтекст, который, однако, не перекрывал первоначальный смысл образа. Примером может служить икона Преображения Господня, расположенная в северном иконостасе на месте иконы Иисуса Христа справа от Царских врат. Данная тема в XVIII веке часто трактовалась как тема преобразования всего Российского государства [4].

Такие же аналогии можно прочесть и в образе Воскресения Христова, дважды повторяющегося в местных рядах южного и центрального иконостасов. Сам Петр I в переписке с Екатериной называл Полтавскую баталию «русским нашим Воскресеньем» [5].

Продолжение воинской темы прослеживается в посвящении южного иконостаса храма. Он освящен в честь Архангела Михаила, который является предводителем святого воинства Ангелов в борьбе с дьявольскими силами. Отсюда его церковное именование «Архистратиг», т. е. старший воин, главнокомандующий.

Заканчивая анализ первоначальной иконографической программы Сампсониевского собора нельзя не упомянуть о храмовых образах, перенесенных из деревянной церкви, в частности о Лицевых святцах – особых иконах, представляющих собой православный календарь в лицах с изображением церковных праздников и святых, поминаемых в течение всего литургического года. Однако данные иконы, скорее всего, не предназначались специально для Сампсониевской церкви, а оказались здесь в силу каких-то других обстоятельств. Обогащая иконографию собора, они никак не способствуют раскрытию идейной программы храма.

В конце 1737-х – 1739-х годов создавался главный иконостас Сампсониевского собора. Один из его подписных образов позволил датировать все иконы тем же периодом. По своей структуре, иконографическому содержанию иконостас гармонично вписался в уже существующую программу. Изошренная пышность его формы не привела к утере догматической ясности и чистоты содержания.

Он стал визуальной доминантой всего храма и явился преемником уже существующих ранних иконостасов. Сохраняя основную догматическую суть – раскрытие образа Христа и всего христианского Домостроительства, – он продолжил уже звучавшие ранее темы. Так, образ св. Александра Невского, разбившего шведов в 1240 году, создает параллель между давней исторической победой и триумфами Северной войны, в частности, Полтавской битвой. Подобная связь закрепляется и в новой службе святому, составленной по приказу Петра I, «куда, помимо прославления святого, включается и благодарение Богу за дарованную России победу над Швецией, за долгожданный мир, прославляется Россия как страна православной веры и ее новая столица, посвященная апостолу Петру» [6].

В местном ряду центрального иконостаса впервые появляется главный храмовый образ – изображение преподобного Сампсония Странноприимца. Сохранились и две другие иконы святого, одна из которых, по предположению А.П. Аплаксина, может происходить из малого иконостаса деревянной церкви [7]. Преподобного можно также найти в Лицевых святцах собора.

Столь небольшое количество изображений Сампсония создает впечатление, что данный образ имел второстепенное значение для иконографической программы храма. Однако в 1909 году, согласно А.П. Аплаксину, в храме было не менее пяти изображений святого [8]. Более того, большая икона Сампсония Странноприимца вместе с образом Иоанна Богослова украшали западный фасад колокольни перед храмом. Старые иконы в 1909 году были заменены А.П. Аплаксиным на новые.

Еще одно изображение святого появляется в соборе в 1909 году на картине И. Петрова. Это говорит о том, что образ святого Сампсония Странноприимца хоть и не определял иконографическую программу собора, но занимал определенное положение в идейном пространстве храма.

Если иконостасы Сампсониевского собора, разновременные и не задуманные единым порывом, гармонично сочетаются друг с другом, то единства немногочисленных росписей храма не получилось. Существующие композиции имеют скорее случайный характер, т.е., говорить о какой-либо программе росписи храма нельзя.

Примером может служить изображение второй трети XVIII века на западной стене напротив центрального иконостаса, где Петр I представлен в благодарственном обращении к Господу Богу на фоне своего походного шатра на полтавском поле сражения. Подобная светская роспись, с одной стороны, является не каноничной для православного храма, а с другой стороны, исторические композиции и изображения донаторов храма были распространены еще с византийских времен. По традиции, светское лицо обычно изображалось преклоненным или обращенным к Иисусу Христу или Богородице, а размеры фигур донаторов намеренно умышленно уменьшались. В данном изображении, напротив, Петр I является центральной фигурой. Была ли взаимосвязь между императорским изображением и утраченным в советское время образом Новозаветной Троицы в центральном своде храма, судить сложно. Хотя император представлен в молитвенном положении, образ его самодостаточен и независим.

В целом, именно эта роспись делает акцент на воинской теме в программе Сампсониевского храма, а также возвращает к государственным мотивам начала XVIII века, когда в религиозное искусство влетали образы и символы, прославляющие преобразования и заслуги Петра I.

Уже звучавшая тема Богородицы как покровительницы Российского государства и заступницы русского воинства окончательно утверждается в иконографической программе собора в начале XX века, когда отмечался 200-летний юбилей со дня основания Сампсониевского храма.

В 1909 году в ходе реставрационных работ в центральной части церкви, как связующее звено между всеми разновременными и разобъединенными частями иконографического храмового пространства, появляется образ Каплуновской-Казанской Богородицы. В нем, как и в образе Тихвинской Богоматери, соединяются богородичная и воинская тематика храма. А.П. Аплаксин помещает Каплуновскую икону над центральной аркой, где ранее, по словам архитектора, размещалась «весьма поздняя» композиция из двух ангелов с крестом [9]. Выбор именно этого иконографического извода не случаен. Согласно преданию, чудотворной иконой Каплуновской Богоматери были благословлены воины перед Полтавским сражением, перед ней молился и сам Петр I, т.е., именно через эту икону российские войска обрели покровительство самой Богородицы.

Таким образом, проделанный анализ иконографической программы Сампсониевского собора позволяет видеть в ней не только традиционную, но воинскую и идеологическую тематику. Богородичная линия звучит в храме как продолжение воинской темы, а введенный А.П. Аплаксыным образ Казанской-Каллуновской Богородицы может рассматриваться как программно объединяющий сакральное пространство всего храма.

Литература

1. Успенский Л.А. Вопрос Иконостаса // Православная икона. Канон и стиль. К Богословскому рассмотрению образа. – М., 1998. – С. 237-248.
2. Шалина И.А. Конференция: «Чудотворная икона Тихвинской Богородицы: иконография-история-почитание». – // София. – 2001. – № 4. 6.п.
3. Погосян Е.А. Петр I – архитектор российской истории. – СПб., 2001. – С. 122-123.
4. Юрьева Т.В. Православный иконостас как культурный синтез. – Ярославль, 2005. – С. 180.
5. Письма русских государей и других особ царского семейства. – Вып.1. – М., 1861. – С. 92.
6. Православная Энциклопедия. Т.1. – М., 2001.
7. Аплаксин А.П. Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге 1709-1909. – СПб., 1909. – С.10.
8. Там же, С.10.
9. Там же, С.7.

Э.А. ФИЛИПОВА

ОБРАЗ КАПЛУНОВСКОЙ КАЗАНСКОЙ ИКОНЫ ПРЕСВЯТОЙ БОГОРОДИЦЫ – ПОКРОВИТЕЛЬНИЦЫ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

Образ Богородицы занимал и занимает на Руси совершенно особое место. С самых первых веков принятия христианства любовь и почитание Богоматери глубоко вошли в душу народа. Одна из первых церквей Десятинная (в Киеве) построена при князе Владимире, была посвящена Богородице.

В XII веке князь Андрей Боголюбский ввел в русский церковный календарь новый праздник – Покров Пресвятой Богородицы, ознаменовав тем самым идею покровительства Божьей Матери русской земле.

В канун 300-летия освящения Сампсониевского собора и Полтавской победы наше внимание, естественно, обратилось к образу Каплуновской (Казанской) Божьей Матери, находящемуся над аркою восточного люнета. В 1909 году вся Россия отмечала 200-летие Полтавской Победы и в связи с этим особо было отмечено историческое значение Сампсониевского собора. К 1909 году была также произведена архитектором А.П. Аплаксиным реставрация Сампсониевского собора. Именно в этот период композиция «Два ангела с крестами» над аркою восточного люнета частично утраченная к 1909 году, была заменена ангелами венчающими образ Каплуновской Богоматери.

Икона Каплуновской Богоматери является одним из списков чудотворной Казанской Богоматери, которым в 1709 году, накануне Полтавской битвы, император Петр Великий со своим воинством молился перед Каплуновской иконой Пресвятой Богоматери. История иконы Каплуновской Богоматери известна нам сказанием о силе чудотворения и заступничества в трудные для России времена Полтавского сражения. Чудеса от иконы Каплуновской Божьей Матери начались за долго до ее всенародного прославления.

Каплуновская икона Божьей Матери (день празднования 11/24 сентября) была явлена в селе Каплуновке Харьковской губернии. Место это раньше принадлежало полковнику Ивану Ивановичу Перекресту, стольнику Ахтырскому, который получил эти земли по жалованной грамоте и назвал образовавшееся здесь поселение черкасов по имени Осадчего Каплуна – Каплуновкой. В 1688 году Иван Перекрест построил в этом селении храм в честь Рождества Богородицы, а первым священником в нем был поставлен митрополитом Белгородским и Обоянским Авраамием (Юховым; умер 1702) Уманов Иоанн Ильич (умер 1713), выходец из польских пределов, возможно из Умани. При нем и явилась эта чудотворная икона [1].

Однажды священнику Иоанну Уманову во сне явился благоговейный старец и сказал: «На третий день после этого к тебе придут из Москвы три иконописца, один лет 60, другой – 80, а третий – 90 лет; у старшего из них сними сверху связки семь икон и возьми восьмую – Казанскую икону Божьей Матери, и узрещи благодать». По преданию, это случилось 8 сентября 1689 года, в ночь перед престольным праздником храма – Рождеством Пресвятой Богородицы.

Действительно на третий день священник, возвращаясь из храма домой, встретил трех странников, которых и пригласил к себе. Увидев связку с иконами, священник упросил старца дать ему восьмую икону, которая оказалась копией Казанской Божьей Матери, как и было предвещено ему в сновидении. Старец отдал икону, не взявши предложенных за нее 15 копеек. Икона эта оставалась в доме священника две недели, а на третьей неделе в ночь с субботы на воскресенье священник увидел второй сон: явилась ему во сне Дева необыкновенной красоты, сказавшая ему: «Иерей Иоани, не держи меня в твоей храминe, отнеси в храм Божий». Священник так и поступил [2].

Новоявленная икона стала привлекать в Каплуновку многочисленных богомольцев. Весть о ней достигла и Москвы, о ней узнал и Петр Великий. Как знак благоговейного отношения к сей святыни храму было подарено святое Евангелие 1699 года, в серебряной вызолоченной оправе, с такой надписью по краям оклада: «1705г/ода/ февр/алья/ 25 д/ня/ по указу в/еликого/ государя построено сие св/ятое/ Евангелие Ингерманландской канцелярии на государевы деньги Ахтырского уезда в с. Каплуновку в церковь Пресв/ятой/ Богородицы весом серебра 15 фунт/ов/ 4 золотн/ика/, а на позолоту 35 червонцев» [3].

Сведения приведенные в описании явления и чудес святой иконы Каплуновской составлены в 1744 году «в Харьковской Академии» (Харьковском коллегииуме) гласят следующее: «Когда Карл XII приближался к Слободской Украине (область Украины, входившая в Российское государство), то епархиальное начальство предписало чудотворную икону Каплуновскую перенести в Харьков

как более безопасное место. Шведский король, войдя в Каплуновку, остановился в доме священника Иоанна Уманова, который в это время находился в Харькове при чудотворной иконе. Воины Карла, разорили село и хотели сжечь храм, но ничего не могли сделать. Это очень удивило Карла, спросившего Мазепу, бывшего с ним, о причине такого странного явления. На что Мазепа ответил: «Здесь храм славится чудесами иконы Божьей Матери». Карл XII велел найти кого-либо, чтобы расспросить об этой иконе, а к стати и узнать, где находится царь Петр. Около села нашли пастуха Григория Журавля и привели к шведскому королю. «Где царь Петр?» – спросил его Карл XII. Пастух ответил: «По слухам в Харькове», – а «А где икона ваша?» – «По приказанию начальства взята священником в Харьков».

Тогда Карл, обратившись к Мазепе сказал: «Смотри, если мы церкви без иконы не могли сжечь, то там, где будет присутствовать сама икона, мало нам надежды на успех».

Это знамение, явленное Каплуновской иконой, быстро распространилось среди русских воинов, вот почему Петр Великий и решил взять икону к войскам. Эта святыня могла вызвать особенное воодушевление в русских войсках и укрепить ревность их в битве за честь Отечества [4]. Накануне Полтавского сражения икону носили по всему войску и благословляли ею коленопреклоненных воинов. Известно, что Петр неоднократно накануне Полтавского сражения молился перед этим чудотворным образом, прося благословления и победы. Священник Иоанн Уманов все это время находился при иконе, был он и Полтавой во время сражения, а позже приглашен был в Москву, где проживал некоторое время до своего возвращения в Каплуновку с богатыми дарами для иконы и церкви.

Петр Великий принес в дар храму в Каплуновке серебряную позолоченную ризу художественной работы и ковчег на икону. На нижней доске ковчега вырезана была следующая надпись: «В сем ковчеге император Петр I, по окончании 1709 года с Карлом XII под Полтавой войны, прислал обратно в Каплуновку чудотворный образ Божией Матери». Сын, внук и правнук священника Иоанна Уманова были также священниками при этой церкви, а более дальний его потомок – Владимир Васильевич Уманов – Каплуновский, родившийся в 1865 году – был писателем.

Иная судьба была уготована полковнику Перекресту Ивану Ивановичу. Полковник Ахтырского Слободского полка, видный деятель Слободской Украины конца XVII и начала XVIII веков, Иван Перекрестов принимал участие в походах князя Голицына в Крым: его полк оберегал население от татарских набегов; принимал он участие в Северной войне и, в частности, в сражении у Эрстфера 29 декабря 1701 года. В этой битве, принесшей первую крупную победу русскому оружию в Северной войне, особо отличились казаки Ахтырского полка, которые, атаковав и уничтожив шведский авангард, преследовали бегущего противника на протяжении трех верст. Полковник Иван Перекрест за эту победу получил 28 февраля 1702 года из рук царя Петра Алексеевича «Жалованную грамоту с объявлением милости и учреждением формы» [5].

Однако уже в 1704 году полковник был отстранен по высочайшему повелению от полковничьего уряда, а его огромные имения были у него отобраны в государственную казну; будучи прекрасным и смелым воином, он был заражен недугом стяжательства. Известно, что в 1714 году он, находясь в опале, жил

на своем хуторе. В 1721 году началось дело по расхищению имущества в его бывших имениях, и он был вызван на расследование в Архангельск, но по дороге скончался. Вероятно причиной гонения были грубые нарушения полковника: осталось много челобитных на полковника за притеснения и обиды, им чинимые. Много жалоб было и от его соперников – Андрея Прокофьева, полковника бывшего, и Романа Герасимовича – полковника будущего. Только малая доля некогда огромного имения Ивана Перекреста досталась его сыновьям и дочери [6].

Некоторое время спустя внук Ивана Перекреста Василий Данилович, женился на вдове Осиповой, разбогател и стал именоваться Перекрестов-Осипов. Этому роду перешло село Каплуновка. Стараниями этого рода в селе был выстроен новый огромный каменный храм Рождества Пресвятой Богородицы, освященный в 1789 году. Здесь до революции и хранился чудотворный образ Каплуновской иконы Божией Матери.

Строительство каменного храма начиналось во времена царствования императрицы Елизаветы Петровны, распорядившейся об этом строительстве. Построение храма происходило под особенным наблюдением Святейшего Синода, который выдавал от себя книгу для сбора подаяний. Ахтырский протоиерей Максим Яновский определен был в попечители построения храма.

«Огромный главный купол с двадцатью окнами был окружен четырьмя малыми куполами. Храм был так велик, что в нем свободно находилось до 2000 человек. Кроме главного престола, два придельные: южный – во имя митрополита Петра; Северный – во имя преподобного Иеремии и праведной Елисаветы; а прежде еще был престол во имя святителя Николая в верхней галерее, которая позже была уничтожена по ветхости» [7].

Каплуновскую икону Божьей Матери как «споспешницу Полтавского сражения» особо чтит в день великой победы – 27 июня, который в прошлые века ежегодно торжественно отмечался крестными ходами, торжественными службами и панихидами воинам-героям, положившим свою жизнь за Отечество.

Литература

1. Павловский И.Ф. Битва под Полтавой. 27 июня 1709 года и ее памятники. – Полтава, 1909.
2. Поселянин Е. Богоматерь. Описание Ее земной жизни и чудотворных икон. - М., АНО «Православный журнал «Отдых христианина», 2002.
3. Пономарева Т. <http://www.pravoslavie.ru>.
4. Описание Харьковской епархии, преосвященного Филарета т. III. – С. 241-246; Русский паломник 1889 г. № 20.
5. История города Харькова за 250 лет его существования (с 1655 по 1905 гг.). Историческая монография проф. Д.И. Багалая и Д.П. Миллера. - Изд. Харьковского городского общественного управления. - Харьков, 1905-1912.
6. Летописные заметки (1651-1749) «Киевская старина», 1883, № 3. - С. 680-692.
7. Архив Малороссийской коллегии при Харьковском университете. «Киевская старина», 1882, № 1. - С. 193-198.

Г.А. ХВОСТОВА

**ОСОБЕННОСТИ ХРАНЕНИЯ И РЕСТАВРАЦИИ
МРАМОРНОЙ СКУЛЬПТУРЫ ЛЕТНЕГО САДА
В XVIII ВЕКЕ**

Тема истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII столетии на настоящее время является недостаточно изученной. Представленная работа призвана в определенной мере восполнить указанный пробел, поскольку проблемы реставрационного ухода за памятниками петровской коллекции являются предметом нашего внимания в теории и на практике. В ряде публикаций мы касались этого аспекта, и соответствующие ссылки найдут место в тексте работы. Таким образом, настоящий материал составлен с учетом ранее опубликованных сведений, привлечением некоторых малоизвестных архивных данных, дополнен впечатлениями от натуральных обследований скульптур и постаментов. Несмотря на крайне скудные в целом архивные документы по теме, это исследование является первой попыткой в концентрированной и систематизированной форме воссоздать картину хозяйственных работ и реставрационных мероприятий, связанных с содержанием мраморной скульптуры сада в XVIII столетии.

Представление о том, как выглядел в петровское время Летний сад, можно получить; не только изучая гравюры этого периода, но и знакомясь с записками иностранных путешественников, посещавших строящийся Петербург. Так, в книге Фридриха-Христиана Вебера «Преображение России» имеются полные восхищения строки: «За рукавом реки находится возведенный в камне дом его царского величества, в котором он летом имеет резиденцию.

Дом, хотя и мал, сделан хорошо и никаких недостатков не имеет. В 1716 году вокруг этого сада провели канал и в саду всюду устроили приятные решетки вдоль дорожек, где выставлено несколько красивых беломраморных скульптур [1].

Напомним, что скульптуры приобретались для Летнего сада через «агентов» Петра I в Италии, преимущественно в Венеции, столь энергично, что к 20-м годам XVIII века коллекция насчитывала (согласно описи 1728 года) 118 произведений. В 1732 году, как указывает С.О. Андросов, их количество увеличилось за счет 17 статуй из собрания А. Д. Меншикова, конфискованных после его ссылки в 1727 году [2].

В дальнейшем численность и состав коллекции в саду менялись в зависимости от разных обстоятельств: по причинам перевода в другие царские резиденции, передачи в так называемые «магазейны», особенно после поломок, актов вандализма и повреждений во время наводнений [3].

Сформировавшийся скульптурный комплекс императорского Летнего сада требовал соответствующе организованного аппарата обслуживания. По преимуществу его составляли иностранцы, к которым прикреплялись неквалифицированные русские помощники... Первое упоминание о специалистах, принятых на русскую службу для ухода за скульптурой, приводится К.В. Малиновским: в 1718 году в Венеции был нанят каменного резного дела мастер Пассина с сыном Марко. Отец через несколько лет умер, а сын продолжал работать в Летнем саду [4]. О выплате ему жалованья имеется упоминание в документах лета 1720 года [5]. При нем находилось из переведенцев каменщиков пять человек, которые... «клеили мраморные фигуры, а что склеено – считать невозможно, для того, что все – починка» [6].

Широкий размах работ представляется удивительным явлением: то ли не было споровки в общении с мраморными скульптурами и они часто ломались, то ли после петровских «ассамблей» в саду нужда в починке становилась особенно актуальной. В августе 1721 года в рапорте в Канцелярию от строений сообщалось, что каменщики «клеют фигуры каменные и в саду ставят» [7].

Отсутствие длительного опыта содержания мраморной скульптуры в сочетании со сложностями петербургского климата сказывалось постоянно. Это проявлялось, например, в возникновении трудностей при установке скульптур. В ранний период формирования коллекции не все статуи и скульптурные бюсты приобретались вместе с мраморными постаментами. В случае отсутствия таковых приходилось думать о применении деревянных пьедесталов. Так, к 1719 году относится «Доношение» архитектора Г.И. Маттарнови в Канцелярию городских дел о найме столяров для изготовления пьедесталов под бюсты в Летний сад [8]. Деревянные пьедесталы, как и «лавки в саду», о чем узнаем из письма Б. Неронова М.А. Сенявину, в начале летнего сезона окрашивались белилами [9]. И все же в условиях сырого климата, частых наводнений, суровых зим дерево как материал не обеспечивало продолжительного использования, что в случае со скульптурами было неудобно и даже опасно. В основном, на деревянные постаменты помещались скульптурные бюсты, они-то и доставляли особенно много хлопот. В доношении архитектора М. Земцова «по усмотрению его... многие повреждения деревянных уборов, которые чрез те лета, как построены, погнили и попорчены от пришлой воды, а сколько чего, о том прилагается реестр: тумб под поясные фигуры сделать вновь – 50, ...починить – 14» (наряду с остальными работами) [10].

Постепенно обозначалась, отрабатывалась и крепла система ухода за скульптурами. Из документов 1728 года следует, что существует отдельная должность смотрителя скульптуры. По «сдаточной описи» этих обязанностей от одного лица к другому среди прочих задач по «сдаче смотрения» указано на необходимость «вне анбара статуи с пьедесталами... осмотреть подлинно канцелярии от строений числом, всем налицо и не имеется ли из тех вещей чего поврежденного и по осмотре едет с распискою каптенармусу Федору Степанову и приказать ему смотреть тех вещей, чтоб они были за ево смотром в великом бережении и чистоте» [11].

Царь Петр Алексеевич, всегда отдававший много усилий устройству Летнего сада и пополнению коллекции скульптуры, несомненно, осознавал важность подготовки отечественных специалистов скульптурного дела. За год до его кончины в мае 1724 года последовал указ: «послать в Италию для науки каменной резной работы, выбрав из малых ребят лет двенадцати и пятнадцати, кои лутче грамоте умеющие, восемь человек...» [12].

Посылкой русских учеников в Венецию занимались агент Петра по приобретению произведений искусства в Италии Савва Рагузинский и итальянский купец Пьетро Салуччи (или Салуций). В эту новую группу «итальянских пенсионеров» вошли «солдатские дети» В.Л. Кобелев, П.Я. Серебряков и П.С. Галкин. С 1724 по 1730 год они обучались у Пьетро Баратта, который был назначен «скульптором Московии в своем отечестве» [13]. Затем, после краткого пребывания в Артиллерийской канцелярии в Москве, в июле 1732 года все трое приняты на службу в Летний сад в качестве «пьедестальных мастеров» [14]. Уже к 1733 году одобрены труды по изготовлению пьедесталов и обсуждается вопрос о прибавке им жалованья [15].

Среди работавших в Летнем саду упоминается также скульптурный мастер А. Селиванов, который в 1733 году обращается в Дворцовую контору строений, домов и садов с просьбой «Об отдаче ему для скульптурных и пьедестальных работ старой мыльни у Комедии в Летнем саду» [16]. Не знаем, что в связи с этой просьбой случилось со старой мыльней, но уже осенью 1733 года происходит строительство «деревянного домика для скульптурной мастерской возле мыльни в старом Летнем саду» [17]. Это говорит о серьезной организации работ по обслуживанию скульптуры сада и, возможно, такая активизация связана с новым именем в истории Летнего сада и его скульптуры. Ввиду насущной необходимости «надзирания за скульптурами, изготовления мраморных и гранитных пьедесталов», а также проведения работ по «починке» мраморных произведений 1 августа 1733 года на службу принят прибывший из Австрии скульптурный мастер Иоганн Антони Цвенгоф [18]. Судьба назначила ему трудиться в Летнем саду до самой кончины, последовавшей в 1756 году.

Каковы же были конкретные задачи Цвенгофа и его команды? Как уже отмечалось, часть скульптур, прибывших из Италии, имели мраморные постаменты. Альбом с изображением статуй и скульптурных бюстов на таких постаментах, хранящийся в Библиотеке Академии наук, был опубликован О.Я. Неверовым [19]. Рисунки выполнялись в Италии в 1717 году по заказу Саввы Рагузинского, который и представил Альбом Петру при личной встрече во Франции. С тех самых пор Альбом стал служить своеобразным сопроводительным документом к партии закупленных в Венеции скульптур для Летнего сада. Многие рисунки на листах вполне узнаваемы, как узнаваемы и изображения постаментов.

Некоторые чудом дошли до наших дней и торжественно служат основаниями для лучших статуй на главной аллее сада. Постамент для статуи представляет собой прямоугольный невысокий пьедестал, выполненный из белого каррарского мрамора. Зрительно он разделен на массивную сложнопрофилированную базу, более стройную, но вполне основательную среднюю часть и венчающий карниз. Лицевая плоскость основы оформлена резным рельефом в виде гирлянды, пластика которой может варьироваться. Подобные постаменты, предназначенные держать на себе изящные барочные статуи, являлись оптимальным решением своей задачи как с точки зрения функциональной, так и художественной.

Что касается постаментов для скульптурных бюстов, то они в Альбоме изображены как небольшие пьедесталы-ножки из мрамора, исключительно соразмерные силуэту бюста. Это способствовало созданию эффекта логичного продолжения и завершения данного вида скульптуры. Следует отметить, что тип собственно постамента, который был бы рассчитан на соединение скульптурного бюста с землей, судя по материалам Альбома, не предполагался. Таким образом, изготовление новых каменных постаментов для имеющихся скульптурных бюстов, по нашему мнению, и было главным делом «пьедестальных мастеров».

Скульптурных бюстов в коллекции сада всегда насчитывалось гораздо больше, чем статуй, а процесс их ремонта и обновления был постоянным. Документы начала XVIII века пестрят подробностями такого рода, как, например: в апреле 1723 года потребовалось сделать восемь деревянных пьедесталов, для чего оказались нужны столяры, каменщики, кирпич и известь [20]. Понятно, что в данном случае речь шла об устройстве фундаментов под постаменты в зыбкой почве сада. Есть основания полагать,

что с появлением в Летнем саду скульптора Цвенгофа дерево как материал для постаментов уходило в небытие и уступало свои позиции граниту. В современной экспозиции сада под двумя скульптурными бюстами имелись выполненные целиком из гранита, великолепного абриса постаменты с вырубленной датой изготовления – «1748». Остальные аналогичные гранитные постаменты, не имеющие датировки, являются их копиями, так что у скульптурных мастеров в саду работы было предостаточно. В результате натуральных обследований известен и способ крепления скульптурных бюстов на гранитных постаментах: в основании мраморного бюста в верхней части постамента просверливались отверстия, и при помощи вставленного железного пилона скульптура соединялась с основанием, как правило, через так называемую «ложку» – подставку из мрамора.

По характеру донесений Цвенгофа в Канцелярию от строений можно понять, что помимо изготовления пьедесталов, весьма существенной работой скульптурной команды была также «починка» скульптур. К 1741 году относится его рапорт красноречивого содержания: «...во оных садах ходят множество всякого чина люди и ломают своевольно у помянутых статуй персты... А в зимнее время не токмо всякаго подлага ходят народа множество денно и ночью и ездят на лошадях в санях и повреждают у оных статуй мелкие вещи» [21]. Поскольку статуи ставились на постаменты с применением прокладок из свинца, известны и случаи «уронения мраморной фигуры и... унесения из-под оной свинцового круга» [22].

С 1743 года на осень и зиму статуи стали покрывать толстым холстом и сверху зашивать циночками. Однако, поскольку сад всегда был открыт для гуляющих, они частенько «похищали со статуй чехлы и мешки». Отчаявшийся Цвенгоф поставил вопрос о необходимости введения «караула к оным статуям... солдат человека четыре, дабы денно и нощно от оных надсматривано было...» [23]. Известны даже имена некоторых антигероев: в 1738 году «... апреля восемнадцатого дня пополудни в пятом часу в первом Ея Императорского Величества саду позади грота мимоходом артиллерии правянтский писарь Никита Седелников в каморе в которой имеются органы стоящую фигуру Наоние белаго мрамора именуемую Святую Клару с места уронил на пол и оттого урону этой фигуры явилась попорчена в трех местах на голове убруса носа у левой ноги колена немного сшиблено». Починка, произведенная «статуйного дела учеником Иваном Сафоновым стоила водин рубль водну копейку с третью четвертью и здевятою», которые предполагалось взыскать с Седелникова [24]. Нелепое и жестокое происшествие зафиксировано в протоколах Канцелярии от строений в 1742 году: «... сего мая 26-го дня... в первом саду, мимо шедший солдат, идучи через оный сад, статую именуемую Нарцисус, которая стоит против деревянных покоев, близ большой светлой галереи порочным образом с пьедестала опрокинул на землю и палкою отломив у стоящего с тем Нарцисусом мраморного мальчика руку и топтал ногами» [25]. Приведенный отрывок убедительно демонстрирует сложности в деле обеспечения целостности и сохранности скульптур. Посетители Летнего сада, за редким исключением, оказались эстетически не

готовыми к виду мраморных статуй, представлявших (в обнаженном виде) непонятных рядовому гражданину и все еще чуждых мифологических персонажей иноземной культуры. Именно это обстоятельство зачастую вызывало негативную реакцию и способствовало почти постоянным проявлениям вандализма, хотя, разумеется, не следует сбрасывать со счетов и причины психологического свойства.

Впечатляют сведения о замене свинцовых фигур на запасные мраморные бюсты в результате очередного ночного разгрома: «... в ночи во Втором Летнем саду в бывшей фабольной роше у называемого яблонного фонтана четыре свинцовые фигуры не известно кем на землю свалены и, отломав у одной две руки и нога, у другой рука, у третьей, однакож, рука помята и... дабы благоволено было показанные четыре фигуры по неготовности их и чтобы дурного виду не казали, взять в магазейны, а на место оных тому следует приказать выбрать из имеющихся в тех же магазейнах четыре бюста с пьедесталами и на места поставить...» [26].

Симптоматично, что налаженная Цвенгофом система ухода за скульптурой функционировала достаточно долго и успешно. Упоминание о «статушной мастерской», а заодно и о «двух караульных избах во втором Летнем саду» можно встретить в бумагах, относящихся к 1775 году. Это значит, что первая скульптурная мастерская в Петербурге и в России, разместившаяся в Летнем саду, продолжала действовать и через 43 года после ее появления.

Отражалась ли на судьбе сада и скульптуры последовательная смена в течение XVIII столетия его владельцев – российских монархов? Разумеется, именно Петром Великим была собрана замечательная в количественном и качественном отношении коллекция мраморной скульптуры.

Основатель новой столицы до самой своей кончины в 1725 году постоянно занимался улучшением и украшением усадьбы на берегу Невы. Последующим венценосным владельцам, отметившим сад периодическим пребыванием, оставалось умелое поддержание летней резиденции, и не случайно 40-е годы XVIII столетия считаются временем его расцвета.

Наводнение 1777 года имело катастрофические последствия для сада: погибли фонтаны, исчезли деревья, многие парковые постройки, пострадало скульптурное убранство. И, хотя сохранились основные черты планировки, прежний Летний сад фактически перестал существовать. Екатерина II, сосредоточившая свое внимание на строительстве новых загородных дворцов и устройстве при них парков, редко обращала свои заботы на Летний сад. Впрочем, редкие исключения случались, на что указывают найденные нами документы. Так, 23 мая 1793 года по Указу Ея Императорского Величества генерал-майор и кавалер Турчанинов написал в Контору строений Ея Величества домов и садов о необходимости прислать реестр бюстам и статуям, находящимся в дворцовых садах и в Петергофе, поскольку «сей реестр нужен для Ея Величества». Тут же выяснилось, что выполнить распоряжение некому – «в конторе... мастер для осмотра означенных статуй и зделания скульптурного художества не состоит». Ввиду этого следует требовать в Императорской Академии Художеств – командировать скульптурного мастера. Им оказался академик Иван Прокофьев, который осмотрел имеющиеся в Петергофе фигуры и представил «реестр» спустя 12 месяцев – в мае 1794 года. Перечень скульптур Летнего сада Прокофьевым так и не был составлен. По его невятному письменному объяснению о причинах невыполнения задания, его работе в Летнем саду «воспрепятствовала зима» [27].

Впрочем, на тему «реестра» все же появились две записки на французском языке, составленные Ж.-Д. Рашеттом (*в РГИА имеется перевод – прим. авт.*): I. Записка фигур и бюстов в Императорском саду находящихся, кои должны быть починены и вычищены (39 наименований) и II. Статуи и бюсты в малом Летнем саду, кои должно починить и вычистить (фигур – 14, бюстов – 23) [28].

Допустим, что указанные Рашеттом мероприятия в отношении скульптур были исполнены, хотя подтверждающих документов пока не найдено. А вот события 1797 года, когда «10 июля в ночное время неизвестным свалено поясных (*т.е. бюстов – прим. авт.*) 7 штук, да больших одна статуя, у коего голова отшиблена», получили отражение в деловых документах в связи с тем, что исправлять содеянное нарушителями было «поручено скульптору... Гордееву». Несмотря на большую занятость, Ф.Г.Гордеев регулярно занимался осмотром и, как тогда выражались, «ремонтom» скульптур. Он же руководил процессом мытья мраморов, о чем свидетельствует выдержка из архивного документа: «... выдать Гордееву... мыла крепкого один пуд, губок гречских два фунта... баб на один месяц десять нанять...» [29]. Как известно, обычай мыть в летнее время скульптуры Летнего сада благополучно дошел до наших дней, как и принятое также в XVIII веке правило укрывать памятники от дождя и снега в холодное время года.

Суровый и непредсказуемый климат северной столицы стал серьезным отягчающим обстоятельством существования мраморной скульптуры в новых условиях, столь отличных от климата далекой Италии. Мог ли предполагать ее основатель, что украшение мраморными скульптурами любимого им «парадиза», который он страстно желал устроить «лучше, чем у французского короля», обернется столь большими сложностями?! Однако, в течение первых ста лет главные испытания были пройдены, они же попут-

но способствовали возникновению и дальнейшему развитию как навыков обращения с новым для России материалом – мрамором, так и рождению в петербургском Летнем саду нового искусства создания скульптуры из камня и, соответственно, мастерства «починки» или реставрации мрамора.

В заключение, дабы мысленно проститься с Летним садом XVIII столетия, уместно обратиться к «Истории императора Петра Великого от рождения его до Полтавской баталии и взятия в плен остальных шведских войск при Переволочне включительно» Феофана Прокоповича, изданной в Москве в 1788 году. Автор воспекает «... дом Царский, на бреге полуденном Невы при самом его разделении построенный, и при нем вертоград, образцом италианским насажденный, с прекрасными архитекторскими гульбищами... дивную являет красоту и позором своим плывущих по реке увеселяет» [30].

Литература

1. Цит. по: Беспятовых Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л., 1991. – С.102.
2. Андросов С.О. Петр Великий и скульптура Италии. – СПб., 2004. – С.308.
3. Хвостова Г.А. Акты вандализма в Летнем саду в XVIII, XIX, XX, XXI веках//ТрМ. Материалы научно-практического семинара «Проблемы безопасности в художественном музее». 26 – 27 апреля. Нерадовские чтения. – СПб., 2004. – С.16.
4. Малиновский К.В. И.А.Цвенгоф и петербургская скульптурная школа второй четверти XVIII века. Скульптура в городе. – М., 1990. – С.281.
5. РГИА, ф.467, оп.1, д.10, л.25.
6. Малиновский К.В. Указ. соч. – С.281.
7. Там же. – С.276.
8. Андросов С.О. Указ. соч. – С.293.
9. РГИА, ф. 467, оп.1, д.17а, л.152.

10. Там же, оп.2, д.80а, л.187; см. также Хвостова Г.А. Из истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII – XIX веках//Университетские чтения. Петербург и Москва. Две столицы России в XVIII – XIX веках. – СПб: СПбГУ, 2001. – С.12.
11. Андросов С.О. Новые сведения о скульптуре Летнего сада (по описи XVIII века). Памятники культуры. Новые открытия. – Л., 1985. – С.240.
12. Малиновский К.В. Указ. соч. – С.283.
13. Андросов С.О. Скульптура Италии. – СПб., 2004. – С.293.
14. Малиновский К.В. Указ. соч. – С.283.
15. РГИА, ф.467, оп.2, д.80а, л.187; см. также Хвостова Г.А. Из истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII – XIX веках//Университетские Петербургские чтения. Петербург и Москва. Две столицы России в XVIII – XIX веках. – СПб: СПбГУ, 2001. – С.12.
16. РГИА, ф.467, оп.2, д.80в, л.535.
17. Там же. Л.170.
18. Малиновский К.В. Указ. соч. – С.281.
19. Неверов О.Я. Новые материалы к истории скульптурного убранства Летнего сада. Памятники культуры. Новые открытия. – М., 1987. – С.287.
20. РГИА, ф.467, оп.2, д.38, л.242.
21. Малиновский К.В. Указ. соч. – С.281.
22. Хвостова Г.А. Из истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII – XIX веках//Государственный Эрмитаж. Проблемы русской культуры XVIII века. – СПб., 2001. – С.101.
23. Малиновский К.В. Указ. соч. – С.276.
24. Андросов С.О. Итальянская скульптура в собрании Петра Великого. – СПб., 1999. – С.126.
25. Дубяго Т.Б. Русское садово-парковое искусство I половины XVIII века. – Л., 1951. – С.187.
26. Хвостова Г.А. Из истории реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII – XIX веках//Государственный Эрмитаж. Проблемы русской культуры XVIII века. – СПб., 2001. – С.103.
27. Там же.
28. Там же.
29. Хвостова Г.А. К истории реставрации скульптуры Летнего сада//Петербургские чтения. – СПб., 1994. – С.82.
30. Цит. по: Беспятым Ю.Н. Петербург Петра I в иностранных описаниях. – Л., 1991. – С.256.

И.Ю. ХИТАРОВА

К ВОПРОСУ ОБ АВТОРСТВЕ ПОДПИСНЫХ ИКОН САМПСОНИЕВСКОГО СОБОРА

Основой для написания данной статьи стал материал ранее проведенного автором исследования по теме «Возможность участия мастеров московской Оружейной палаты в художественном оформлении Сампсониевского собора» дополненный новейшими сведениями и комментариями. Этот материал нигде ранее не публиковался и содержит принципиально новую информацию о подписных иконах Сампсониевского собора.

Одна из достопримечательностей Сампсониевского собора – золоченый пятиярусный деревянный иконостас.

Создание иконостаса относят к концу 1730-х годов, однако отдельные детали свидетельствуют о более позднем времени. Уникальна коллекция икон, большинство из которых было выполнено в период 1720-х – 1760-х годов. Три образа подписаны авторами – А. Квашниным, А. Пospelовым и Т. Баженовым. Это противоречит традициям XVII века, предписывавшим иконописцам смирять гордыню и оставаться анонимными.

Долгое время об этих трех художниках было практически ничего не известно. На основании общих художественных особенностей икон делались предположения о принадлежности их к школе иконописцев Московской Оружейной палаты. Наше исследование позволило подтвердить эту гипотезу, а также выдвинуть несколько новых идей, касающихся истории создания главного иконостаса его авторства.

Ранее Сампсониевский собор являлся филиалом Государственного мемориального музея А.В.Суворова. В этот период было написано несколько научных работ об иконописи собора. М.В.Успенский в 1977 году первым выдвинул гипотезу о роли мастеров Оружейной палаты в создании икон Сампсония. В основу его исследования легли материалы «Отчета об архитектурно-археологическом исследовании 1974 г., в Сампсониевском соборе на Выборгской стороне». К сожалению, найти оригинал его работы до настоящего времени не удалось. Однако в более поздней справке научного сотрудника Л.С.Александровой, есть ссылка на исследования Успенского. Также она пишет, что М.В. Успенский аргументировал свою гипотезу сложным финансовым положением церкви в период строительства и художественными особенностями икон. Судя по тексту Л.К. Александровой, М.В. Успенский являлся одним из непосредственных участников группы, проводившей исследования в Сампсонии в 1974 г.

Факт причастности мастеров Оружейной палаты к изготовлению данных икон был подтвержден и в процессе работы автора данной статьи в архиве древних актов (Москва).

Наиболее интересной для исследования оказалась персоналия А. Пospelова, кисти которого принадлежит образ Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна в местном ряду главного иконостаса.

Фамилия иконописцев Пospelовых в научной литературе встречается достаточно часто. Например, Н.И. Корнеева пишет: «Симбиоз живописного и иконописного письма очевиден, к примеру, в творчестве сыновей кормового иконописца Якова Меркульева Пospelова – Ивана и Андрея Пospelовых, принявших самое деятельное участие в написании иконостасов для Преображенской церкви в Ревеле (Таллинн) и Петропавловского собора в Петербурге». Тот факт, что существовала целая иконо-

писная династия Пospelовых, представители которой работали в интересующий нас период в Санкт-Петербурге, заставил нас предположить, что Алексей Пospelов мог иметь к этой династии самое непосредственное отношение. Но действительно ли Алексей Пospelов, был одним из тех самых Пospelовых, которые работали при И. Зарудном и Д. Трезини в Петропавловском соборе в Санкт-Петербурге и Преображенской церкви в Ревеле?

Вот отрывок из одной из книг о Петропавловском соборе:

«Внутреннее убранство собора напоминает парадный зал. Расписанные под мрамор массивные колонны, декорированные коринфскими пилястрами, делят его на три нефа. Поражает своей красотой величественный иконостас в виде триумфальной арки, выполненный в 1722-1726 гг. московскими резчиками и позолотчиками под руководством И.П. Зарудного из липового дерева. В иконостасе, представляющем собой гармоничное сочетание мастерски выполненных фигур святых и икон, написанных московским иконописцем А.М. Пospelовым и его помощниками, сохраняется стиль московского («нарышкинского») барокко. Он был характерен для русской архитектуры конца XVII – начала XVIII в. В том же стиле исполнена и алтарная сень, поддерживаемая резными винтообразными колоннами».

Как мы видим, здесь фигурируют инициалы одного из Пospelовых – А.М. Можно было бы предположить, что речь идет об Андрее Пospelове, однако отец работавшего в Петропавловском соборе Андрея Пospelова звался Яковом Меркулевым (Пospelовым), т.е. отчество должно было бы звучать как «Яковлевич». Откуда же, в таком случае, взялся А.М. Пospelов, которого часто упоминают в различных источниках связи со строительством Петропавловского собора? Этот вопрос удалось разрешить только в результате работы в Центральном Архиве Древних актов и консультаций с работниками Третьяковской галереи.

Выяснилось следующее.

Ранее упоминавшийся Яков Пospelов был сыном Меркурия (Меркурия) Пospelова, также иконописца Оружейной палаты Московского Кремля. Фамилий, как принято в наше время, иконописцы тогда не имели и называли себя по отцу, по местности, откуда они были родом или по прозвищу. Потомки Меркурия, соответственно, величали себя «Меркульевыми». Вероятно, позже им была присвоена фамилия «Пospelовы». Однако старое прозвание полностью не отошло. Таким образом, многие носили двойную фамилию. Вначале мы предположили, что имя Андрея Пospelова согласно современным представлениям также должно было бы звучать как «Андрей Яковлевич Пospelов», но он чаще назывался Андреем Меркульевым Пospelовым. То есть исследователи могли сокращать в своих работах имя до А.М. Пospelова, что и внесло определенную путаницу в наше исследование. В дальнейшем выяснилось, что приведенная нами цитата Н.И. Корнеевой может содержать существенную ошибку. По мнению сотрудников Третьяковской галереи и ряда других исследователей (Е.Б. Мозговая, Н. Молева, А. Балютин) Андрей Пospelов был не сыном, а братом Якова Пospelова.

В этом контексте инициалы «А.М.» Андрея Пospelова абсолютно верны, но возникает другой, не менее интересный вопрос.

Яков и Андрей были, соответственно, сыновьями кормового живописца Оружейной палаты Меркурия Пospelова и сами воспитали каждый по три сына. Эти сыновья также стали иконописцами и унаследовали живописные традиции Оружейной палаты. Сыновья Андрея – Алексей, Ефим и Степан. Сыновья Якова – Алексей, Иван и Петр.

Н.И. Корнеева указывает двух сыновей Якова Пospelова работавших в Петропавловском соборе и Преображенской церкви – Ивана и Андрея. Сын Якова Иван заслуживает отдельного разгово-

ра. Нам в первую очередь интересен человек, названный «Андреем, сыном Якова Поспелова». Сына Андрея, как мы уже выяснили, у Якова не было, зато был сын Алексей (имена созвучны, и могут быть легко перепутаны). Не идет ли в данном случае речь об Алексее Яковлевиче Поспелове? (Далее, во избежание неточностей мы будем пользоваться современной традицией использования собственных имен – *прим авт.*). Если установленным фактом является работа Якова Поспелова в Петропавловском соборе и Преображенской церкви с двумя старшими сыновьями, то речь идет об Алексее и Иване! Значение этого факта раскрывается в контексте специфики организации художественных работ в эпоху Петра I. Мастера для выполнения определенных работ тщательно отбирались, формировалась определенная «команда» переезжавшая потом от объекта к объекту.

Например, известен хранящийся в настоящее время в Харьковском университете «список Зарудного» куда мастер внес имена иконописцев могущих качественно выполнить сложные иконописные работы. Мастера из этого списка работали в Преображенской церкви в Ревеле и позже, большинство из них приняло участие в работе над оформлением Петропавловского собора в Санкт-Петербурге. Весьма вероятно, что та же «команда» приступила к работе в Сампсониевском соборе. Если сын Якова Поспелова Алексей работал над иконами Преображенской церкви, Петропавловского и Сампсониевского соборов, это дает ключ ко многим спорным вопросам истории собора.

Для решения этого вопроса, попробуем проследить связь И. Зарудного с иконописцами Поспеловыми подробнее. Известно, что для отделки и оформления Петропавловского собора в Санкт-Петербурге Петром I было поручено выбирать лучших мастеров. Считается, что М.П. Аврамов обратился к Андрею Поспелову, к тому времени имевшему высокую профессиональ-

ную репутацию. Андрей Пospelов и Иван Зарудный были хорошо знакомы, много работали вместе и мастера из «списка Зарудного» это, по сути те же мастера, что и рекомендованные Пospelовым для работы в Санкт-Петербурге.

В 1718-1719 гг. – работали И. Зарудный, А. Пospelов и другие члены их «команды» работали в Ревеле. А в 1720 году Андрей Пospelов с сыновьями и помощниками отбыл в Санкт-Петербург. Туда же прибыл и И. Зарудный.

Интересно, что с собой в Санкт-Петербург Андрей Пospelов привез выполненные ранее 41 икону.

В 1726 году работы в Петропавловском соборе были закончены, и Пospelов долгое время работал в Москве. Однако есть сведения о том, что он и его «команда» еще минимум один раз возвращались в Санкт-Петербург в 1731 году.

Поскольку практически во всех работах упоминается, что Андрей Пospelов работал «с сыновьями», есть все основания полагать, что Алексей, Ефим и Степан Пospelовы также работали в Ревеле в 1718-1719 гг. и в Санкт-Петербурге в 1720-1726 гг. и 1731 году.

Семья Якова Пospelова в 30-е годы XVIII века активно работала в Москве. Существует документ, датированный 1735 году и засвидетельствованный Алексеем Яковлевичем Пospelовым. В Санкт-Петербург Яков Пospelов с сыновьями (Алексеем, Иваном и возможно, Петром) был вызван в 1743 году.

Икона в Сампсониевском соборе датирована 1739 г. Вначале мы предполагали, что ее автор Алексей Андреевич Пospelов, т.к. сыновья Якова Пospelова приехали в наш город позже. Однако в дальнейшем мнение изменилось. Если Алексей Андреевич скончался в 1739 году в Москве, то это делает его менее вероятным автором иконы, чем Алексея Яковлевича, здравствовавший в 1739 г. и позже.

Весьма вероятно, что икона подписанная «Алексеем Поспеловым» была выполнена в 1739 году в Москве или другом городе, а по приезде семьи Якова Поспелова в Санкт-Петербург привезена членами семьи с собой. (Как это, например, сделал Андрей Поспелов при работе над иконостасом Петропавловского собора – *прим. авт.*). В 1743 году работы над иконостасом еще окончательно не закончились, например икона работы Т. Баженова датирована и вовсе 1761 годом, т.е. между временем создания иконы и периодом когда окончательно было завершено оформление иконостаса прошло более 20 лет. За это время икона, конечно, могла неоднократно перевозиться.

Таким образом, мы полагаем, что икона подписанная «Алексей Поспелов» была выполнена Алексеем Яковлевичем Поспеловым и привезена его семьи при переезде в Санкт-Петербург в 1743 году. В то же время, мы не можем категорически отрицать вероятность того, что икона была выполнена не Алексеем Яковлевичем, а его двоюродным братом Алексеем Андреевичем. Однако, если бы последнее предположение неожиданно оказалось верным, данная икона могла бы оказаться поистине уникальной, как последнее творение автора.

Интересно отметить, что и Алексей Андреевич и Алексей Яковлевич Поспеловы являются прямыми наследниками иконописных традиций Оружейной палаты, продолжателями традиций известнейшего рода иконописцев.

Это поколение мастеров столкнулось со множеством проблем, неизвестных их предшественникам. После переноса Петром I столицы из Москвы в Санкт-Петербург, строительство новых храмов в Москве пошло на спад. После указа Петра I о запрете на каменное строительство оно «прекратилось вовсе, что неминуемо влекло за собой отсутствие возможности для всех многочисленных московских иконописцев быть обеспеченными работой».

Лучшие художественные силы страны фактически остались невостребованы. «К концу XVII века, царские иконописцы, можно сказать, сошли на нет». Массовым явлением стал отъезд в провинцию или принятие священнического сана. Наиболее удачливым повезло получить заказы в новой столице и других городах. В фаворитах оказалась и «команда Зарудного» получившая сразу несколько крупных заказов вне Москвы.

Помимо нескольких представителей рода Пospelовых, в «команду Зарудного» входил и еще один важный для нас живописец – Андрей Нестеров. Это имя, как правило ничего не говорит исследователям Сампсониевского собора, в то время как он имеет к его иконописи самое непосредственное отношение.

Датированная 1720 годом икона с изображением Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова находится в Царских Вратах и подписана живописцем А. Квашиным. Согласно исследованиям сотрудников Третьяковской галереи, сравнивавших икону Квашина в Сампсониевском соборе и Андрея Нестерова в Преображенской церкви в Ревеле, они принадлежат одному автору. Андрей Нестеров был вписан в список Ивана Зарудного. А вот фамилия Квашина там не упоминалась, что вероятнее всего связано все с той же «путаницей в системе раздачи фамилий» о которой мы писали ранее. Кстати, икона в Сампсониевском соборе не единственная работа Квашина в Петербурге. Известно его участие в оформлении интерьера Пантелеймоновской церкви. И вот здесь возникает еще один нюанс. В 1894 году часть мощей преподобного Сампсония была перенесена из Пантелеймоновской церкви в Сампсониевский собор. Возможно вместе с мощами могли быть перенесены и какие-то иконы.

Возникает довольно интересная гипотеза, связанные с неподписанными иконами Сампсониевского собора. Поскольку минимум двое из живописцев «команды Зарудного» принимали участие

в их создании, весьма вероятным представляется, что в соборе при внимательном изучении найдутся работы и кого-нибудь еще из этой группы живописцев – например, Ф. Протопопова (Филипп Артемьев Попов – *прим. авт.*), В. Васильева, В. Слепохина, А. Забелина или М. Чернова.

Чем больше персоналий авторов икон удастся установить, тем вероятнее станет гипотеза и о самом авторстве иконостаса. По крайней мере, его первого варианта. На наш взгляд, учитывая определенные историко-художественные параллели между Петропавловским собором, церковью в Ревеле и Сампсониевским собором, таковым, скорее всего, является И Зарудный.

Долгое время наиболее загадочной для нас являлась фамилия Т. Баженова. Учитывая хронологическую разницу во времени, к «команде Зарудного» данный иконописец не относился. Соответственно не было о нем сведений и в источниках, прояснивших нам персоналии А. Пospelова и А. Квашнина. Немного позже сведения об этом живописце мелькнули в документах семьи Лапшиных. Написанная им икона «Святые Преподобные Михаил Маленин и Мученик Иоани Воин» была посвящена святым покровителям М.Я. Грязновскому-Лапшину и И.А. Лапшину. В результате чего, стало известно, что Тимофей Баженов был провинциальным живописцем из Костромской области (Посад Большая Соль – *прим. авт.*) и его работа датирована 13 июля 1761 года.

Недавно икона «Михаил Маленин и Иоани Воин» была отреставрирована. А еще раньше, в 2006 году реставраторы из 17 отдельных фрагментов воссоздали резную позолоченную раму.

Таким образом, подведем некоторые итоги проведенного исследования:

1. Две из трех подписных икон Сампсониевского собора принадлежат кисти живописцев, чьи фамилии фигурируют в так называемом «списке Зарудного». С мастерами из этого списка

Зарудный работал в Петропавловском соборе в Петербурге и в соборе в Ревеле. Это обстоятельство позволяет предполагать возможность работы «команды Зарудного» при создании первого варианта иконостаса Сампсониевского собора. А также дает возможности для идентификации авторства неподписанных икон. При внимательном искусствоведческом исследовании среди них наверняка можно будет найти работы и других художников из «списка Зарудного».

2. Икона с изображением Святого Апостола и Евангелиста Иоанна Богослова принадлежит кисти Андрея Ивановича Квашнина, фигурирующего в списке Зарудного под фамилией Нестеров. Достоверно известно, что Андрей Нестеров работал в соборе в Ревеле (под фамилией Нестеров – *прим. авт.*) и расписывал купол Пантелеймоновской церкви в Петербурге (под фамилией Квашнин – *прим. авт.*).

3. Автор иконы «Святые Преподобные Михаил Маленн и Мученик Иоанн Воин» Тимофей Баженов. Других его работ, в настоящее время, не установлено и какой-либо прямой связи между ним и мастерами «списка Зарудного» нет. Тем более, что время создания данной иконы удалено по времени от создания двух других подписных икон. Скорее всего, это был просто отдельный заказ, исполнение которого не оставляет нам больших возможностей для проведения аналогий.

4. Автором иконы «Образ Святого Пророка, Предтечи и Крестителя Господня Иоанна» скорее всего является Алексей Яковлевич Поспелов, племянник одного из основных авторов икон в Петропавловском соборе Андрея Поспелова, брат иконописцев Ивана и Петра Поспелова, двоюродный брат иконописцев Алексея, Ефима и Степана Поспелова. В тоже время нельзя исключать вероятность того, что под именем «Алексея Поспелова» фигурирует двоюродный брат Алексея Яковлевича – Алексей Андреевич.

5. Учитывая, что семья Пospelовых прибыла в Петербург с большим количеством заранее написанных икон, нельзя исключать и того факта, что две подписные иконы Сампсониевского собора (Пospelова и Квашина) были изготовлены еще в Москве. Особенно это вероятно применительно к иконе Квашина, выполненной по срокам намного раньше чем икона Пospelова.

Литература

1. Александрова Л.С. Современные данные о научной атрибуции б. Сампсониевского собора. – Л., ВИМС., 1981 г.
2. Корнеева Н.И. Московские иконописцы Иван Гусятников и Егор Грек: о судьбе традиции иконописной мастерской Оружейной Палаты в пер. пол. XVIII в. // Филевские чтения: тез. шестой науч. конф. по проблемам русской художественной культуры XVII - первой половины XVIII вв. / Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.
3. Достопримечательности Ленинграда. – Л.: Лениздат, 1967. – 525с.
4. Мозговая Е.Б. Творчество Ивана Зарудного: автореф. дис... докт. иск. – Л., 1976; Молева Н., Белютин А. Живописных дел мастера. Канцелярия от строений и русская живопись первой половины XVII в. – М., 1965.
5. Корнеева Н.И. Московские иконописцы Иван Гусятников и Егор Грек: о судьбе традиции иконописной мастерской Оружейной Палаты в пер. пол. XVIII в. // Филевские чтения: тез. шестой науч. конф. по проблемам русской художественной культуры XVII - первой половины XVIII вв. / Российский научно-исследовательский институт природного и культурного наследия им. Д.С. Лихачева. Центральный музей древнерусской культуры и искусства им. Андрея Рублева.
6. Успенский А.И. Царские иконописцы и живописцы XVII века. – Т. 2, – С. 254.

Е.К. ЧЕРНЫШЕВА

**ПРАЗДНОВАНИЕ ЮБИЛЕЕВ САМПОНИЕВСКОГО СОБОРА
(ПО МАТЕРИАЛАМ ИЗДАНИЙ XVIII-XX ВВ.)**

Известно, что в ознаменование победы русских войск над шведами в Полтавской битве, государь Петр I повелел заложить в Петербурге храм. Одержанная 27 июня победа произошла в день памяти преподобного Сампсония Странноприимца, в связи с чем храм был назван в имя этого святого.

Победе под Полтавой царь Петр Алексеевич придавал особое значение и высоко оценивая значение Полтавской победы для нашего государства, царь Петр I повелел отмечать этот день ежегодно» [1].

Празднование Полтавской победы положило начало «созданной царем в новой столице системы ежегодных военных дней воспоминания баталий, которые стали новшеством в русской общественной жизни» [2]. Как отмечает О.Г. Агеева «торжества в честь этой победы стали одними из первых «триумфов-торжеств в честь возвращения в столицу победоносного войска» [3].

На этот же факт обращает внимание в книге «Парадный Петербург» Е.Э. Келлер: «Традиции викториальных торжеств начали складываться одновременно с рождением Петербурга во время Северной войны <...> Сампсониев день и Полтавскую викторию торжественно отметили на Петербургской стороне в новой строящейся столице» [4].

Однако празднование Полтавской победы, в первые годы, происходило не у стен Сампсониевского собора, а на Троицкой площади Петропавловской крепости: «Для празднования первой годовщины 27 июня 1710 года сделали большие приготовления. На Троицкой площади за Петропавловской крепостью был построен Преображенский полк. Император Петр I подошел к полку, отдал различные распоряжения и направился в Троицкий собор, где присоединился к хору певчих. После обедни он вышел на площадь к полкам, расположенным кругом. Посреди круга была воздвигнута пирамида, на которой висели 59 взятых в Выборге знамен и штандартов. Ректор московской патриаршей службы архимандрит Феофилакт Лопатинский произнес проповедь, завершившуюся благодарственным молебном. Затем раздался сигнальный выстрел, и открылась пальба с крепостного вала, из Адмиралтейства и с четырех фрегатов на Неве. Преображенский полк закончил салют залпом. Петр I поздоровался с окружающими его лицами, затем с полком, спросил чарку водки и выпил за здоровье солдат» [5].

Специально для праздника государь «... повелел Законоспаспасской Академии Ректору Гедеону сочинить особую благодарственную на сию победу службу, которая в сие время и поднесена Его Величеству» [6]. Благодарственная служба, по поручению епископа Смоленского и Дорогобужского Гедеона I (Вишневого), была сочинена архиепископом Тверским и Кашинским Феофилактом Лопатинским. Отметим, что Государь внимательно ознакомился со всеми 36 листами службы, сделал на полях ряд замечания и поправок и впоследствии внимательно следил за исполнением всех деталей своих указаний. Текст благодарственной службы был опубликован в четьях-минеях (книги житий святых православной церкви предназначенные для чтения – прим. авт.) сначала в 1711 и был переиздан в 1717 гг., а в 1862 г. академик П.П. Пекарский опубликовал замечания, сделанные Петром I [7].

О праздновании первых годовщин Полтавской победы мы узнаем из дневников очевидцев этих событий.

Вот, например, как описывает член польского посольства окончание праздника в память Полтавской победы 28 июня 1720 года (отмечается 11-ая годовщина – прим. авт.): «... после молебна в Троицкой церкви и парада полков поехали мы на угощение на галеру, и галеры поплыли к Итальянскому саду (так он называет Летний сад, как увеселительный сад и итальянский по происхождению – прим. Ж.А. Мацулевич); когда провозглашали тосты, то по обыкновению палили из пушек. Пошли мы в сад; кто хотел – тот пил, а кто хотел – гулял. Затем царица с дамами села за ужин, на котором подавали только варенье и водку. Пила царица – и все пили за послушание, все дамы вместе с супругою посла графиней Хаментовской должны были пить. По всему саду носили ушатами водку, и каждому давали пить из деревянного солдатского кубка. когда посол, гуляя в сумерках, повстречался с царем, тот его повел опять к ушатку пить водку, но гренадер сказал: «кушал господин посол»; поэтому царь пропил за после рюмку водки. Затем начался фейерверк на том месте, что и прежде; на фрегате, на котором были флаги, все мачты были украшены плоскими, которые горели до окончания фейерверка. Пускали ракеты из мортир. Около часу пополудни все возвратились домой, а царь, взяв царицу, повел ее через сад в другой дворец [8].

В знаменитых дневниках камер-юнкера Ф.В. Берхгольца, которые он вел, начиная с 1721 по 1725 гг., мы также узнаем о праздновании Полтавской победы.

27 июня 1721 года (12-ая годовщина Полтавской победы).

«... Это место было прямо против новой Биржи, перед церковью Св. Троицы, на большой площади, где стояла обширная палатка с алтарем внутри перед которым собралось все знатнейшее духовенство и совершало торжественную литургию. Шагах в пятидесяти от алтаря стоял его величество царь, в том самом одеянии, которое было на нем в день Полтавского сражения, то есть в зеленом кафтане, с небольшими красными отворотами, поверх которых была надета простая черная кожаная португез. На ногах у него зеленые чулки и старые изношенные башмаки. В правой руке он держал пику как полковник гвардии, а левою придерживал под мышкой старую, очень простую шляпу. Позади его стояли подполковники гвардии по правую сторону князь Меншиков, по левую – генерал Бутурлин, а за ними, в три или четыре ряда, большое число обер-офицеров, все с пиками в руках и шляпами под мышкой. Как в день празднования коронации, и теперь вся гвардия была в соборе и стояла в строю поодаль. Ея величество царица, с вдовствующею царицею и всеми придворными дамами, находились в это время на небольшом балконе, устроенном перед входом в церковь <...> Богослужение подходило к концу <...> царь и все присутствующие (исключая иностранцев) стояли на коленях, и когда была пущена ракета, с крепости последовало три залпа из всех пушек, которым отвечали орудия стоявшие за палаткою и вся гвардия – троекратным беглым огнем из ружей, исполненными со всевозможного точностью; наконец, стреляли также с галер, расположенных у берега. Когда все это кончилось и многочисленное духовенство, в великолепных облачениях, в предшествии распятия и восковых свечей, возвратилось в церковь, начался обратный марш гвардии, под предводительством самого царя, как полковника, к реке, на которой стояли галеры, перевезшие его опять на другую сторону, где гвардия стояла лагерем <...>

На реке, перед царским садом, стоял красиво-вызолоченный фрегат, украшенный сотнею или более флагов и вымпелов, с которого падали из пушек во весь этот день <...> Около двенадцати часов зажгли фейерверк, устроенный перед самою галереєю на нескольких, для того приготовленных, больших барках. Между прочим горело изображение человека с бороною (Egge) на голове для защиты от дождя и с Русскою надписью наверху: *Дурное прикрытие*. Некоторые думал, что это намек на Английскую эскадру, высланную для прикрытия Швеции. Покамест горел этот девиз, было пущено множество ракет, водяных шаров и маленьких бомб или бураков <...> Так кончилось празднование Полтавского сражения, и мы разошлись все по домам» [9].

Здесь следует отметить, что «... еще одним новшеством стали иллюминации и фейерверки, которые в XVIII веке были одним из видов светского искусства, их поначалу театрально-зрелищный характер был чужд православной традиции. Но постепенно в петербургской культуре фейерверки и иллюминации становятся компонентом и церковных празднований. Фейерверки в честь викторий были полны политических аллегорий. Зажигались они летом на специальных баржах, которые стояли на Неве, напротив Летнего сада. [10].

Во время празднования Полтавской победы был зажжен фейерверк, впечатление о котором также отражено в дневнике камер-юнкера Ф.В. Берхгольца: «... на двух столбах сияло по короне – польская и российская; между ними горящий лев – геральдический знак Швеции; он коснулся одного столба и тот опрокинулся; затем лев перешел к другому столбу, покачнул его, так что и этот готов был упасть, но тогда из горящего орла, который словно парил над ним, вылетела ракета, ударила во льва и зажгла его; он разлетелся в куски и исчез, а наклоненный львом столб с короною поднялся и снова стал прямо» [11].

27 июня 1723 года (14-ая годовщина Полтавской победы).

«... день Полтавского сражения праздновался обыкновенным и уже описанным мною порядком, хотя некоторые и полагали, что, по представлению Шведского посланника, не будет ни какого торжества. На императоре, перед обедом, был опять старый синий, Шведский мундир, который он имел в Полтавском сражении, а на кн. Меншикове кафтан и шпага, служившие ему в том же сражении, которых он не снимал и во весь день» [12].

И последняя запись, посвященная празднованию Полтавской победы в 1725 году, нашедшая отражение в дневнике камер-юнкера Ф.В. Берхгольца (16-ая годовщина Полтавской победы): «... происходило обыкновенным порядком празднование Полтавской победы» [13].

В 1809 году, в год столетия Полтавской победы «... Россія, и Европа изнемогали подъ гнетомъ наполеоновскихъ войнъ и полтавскій юбилей не былъ особенно замѣтенъ» [14].

К 150-летию юбилею храма во имя преподобного Сампсония Странноприимца священником Александром Владимирским было подготовлено «Краткое описаніе С.-Петербургской Сампсоновской церкви, что на Выборгской сторонѣ, съ исторіею ея прихода. Къ полуторастолѣтнему юбилею цѣркви, подготовленного священником Александром Владимирским» (полный текст приводится в настоящем сборнике – прим. авт.).

В журналах и газетах за 1890 год «Прибавленіяхъ к Церковнымъ вѣдомостямъ», в «Историческомъ вѣстникѣ», в «Недѣль строителя» был также опубликован ряд статей посвященных этому знаменательному событию. Ниже мы приводим эти публикации.

Для читателя может быть не совсем понятным, почему 150-летний юбилей храма отмечается спустя 181 год после Полтавской победы. Здесь следует отметить тот факт, что новая каменная церковь с главным алтарем во имя преподобного Сампсония Странноприимца была освящена 19 августа 1740 года [15].

150 ЛѢТИЕ САМСПОНИЕВСКОЙ ЦЕРКВИ (Прибавленія к Церковнымъ вѣдомостямъ, 1890)

«19-го августа въ С.-Петербургѣ, на Выборгской сторонѣ, въ приходской церкви святаго Сампсона Странноприимца, совершено было особенно торжественное богослуженіе по поводу 150-лѣтняго существованія нынѣшняго храма. Уже въ началѣ 10-го часа утра церковь, одна из древнѣйшихъ въ Петербургѣ, начала наполняться молящимися. Въ началѣ 11 часа прибылъ въ храмъ преосвященный Николай, епископъ Ладожскій, и въ сослуженіи 6-ти Петербургскихъ священниковъ совершилъ божественную литургію. Въ концѣ литургіи настоятелемъ церкви, священникомъ А.А. Владимірскимъ, сказано было слово, между прочимъ, знакомившее съ исторіей Сампониовской церкви. Послѣ молебствія, на которомъ присутствовало до 20 священниковъ, преосвященный Николай обратился съ архіерейскаго амвона къ молящимся съ глубоко назидательнымъ словомъ, въ которомъ выяснилъ значеніе храма, особенно приходскаго, который подобно матери любовно собираетъ вокругъ себя чадъ своихъ прихожанъ, совершаемыми въ немъ великими священнодѣйствіями, порождая, возрождая, укрѣпляя и освящая всю ихъ жизнь, заботясь о нихъ и по смерти.

Особенно важно было слово преосвященного Николая въ отношеніи распространенной на Выборгской сторонѣ зловредной секты пашковцевъ; въ немъ онъ съ особенною силою указывалъ на православный храмъ, какъ на единственно вѣрное прибѣжище и надежное орудіе въ достиженіи вѣчнаго спасенія. Слово преосвященного произвело глубокое впечатлѣніе. По молебствіи вокругъ храма совершень былъ крестный ходъ, во время котораго у могилы кабинета-министра Артемія Петровича Волинскаго и съ нимъ безвременно погибшихъ, по проискмъ временщика Бирона, отслужена была торжественная панихида по императору Петру I, по всѣмъ почившимъ священно-церковно-служителямъ и ктиторамъ храма, по всѣмъ погребеннымъ на сихъ мѣстахъ, а также по воинамъ, на брани за вѣру, царя и отечество животь свой положившимъ. По возвращеніи крестнаго хода въ храмъ, генераломъ Петровымъ, прѣдседателемъ приходскаго благотворительнаго общества, о. настоятелю церкви священнику Александру Алексѣевичу Владимірскому поднесенъ былъ отъ лица прихожанъ и почитателей прекрасный украшенный драгоценными камнями крестъ.

Торжество закончилось въ квартирѣ о. настоятеля скромнымъ завтракомъ и задушевною бесѣдою, причемъ всему причту (два священника, діаконъ и псаломщики) поднесены были болѣе или менѣе цѣнные подарки» [16].

ПОЛУТОРАВЪКОВОЙ ЮБИЛЕЙ ЦЕРКВИ СВ. САМСПОНІЯ (Исторический вѣстник, 1890)

«Стопятидесятилѣтіе Самспоніевской церкви было отпраздновано 19-го августа с большою торжественностью. Еще с утра церковь и ограду стали наполнять толпы молящихся. Всѣхъ интересовали старыя могильныя плиты древняго кладбища вокругъ храма. На многихъ изъ нихъ надписи стерлись ото времени, а на другихъ уцѣлѣли вполнѣ, и всѣ онѣ относятся къ семисотымъ годамъ. Нѣкоторые камни совсѣмъ вросли въ землю. Не менѣе любопытныхъ привлекала къ себѣ и икона петровскихъ временъ, написанная на камнѣ. Въ старомъ, нынѣ несуществующемъ храмѣ, она помѣщалась на горнемъ мѣстѣ; теперь же она стоитъ въ оградѣ, въ маленькой часовенкѣ построенной на мѣстѣ, гдѣ былъ престолъ. Этотъ памятникъ старины хотя и откргъ, но достаточно защищенъ отъ дождя и снега, помѣщенный в глубокой нишѣ часовни. Изъ церкви къ памятнику Артемія Волинскаго былъ протянуть по землѣ коверъ-дорожка. У самаго памятника былъ приготовленъ для панихиды на коврѣ покрытый парчою столъ, установленный массою горѣвшихъ свѣчей. Публика вслухъ читала выравированныя на таблице памятника стихи изъ «Думы» Рыльева: «Тамъ, за оградой, у воротъ почіет прахъ врага Бирона». Послѣ обѣдни настоятель Самспоніевской церкви о. А. Владимірскій сказалъ слово, въ которомъ вкратцѣ сообщилъ исторію храма со дня его основанія. Во время богослуженія священнодѣйствіе совершалось съ старинной церковной утварью, сохранившейся до настоящаго времени: потиръ, дискось и Евангелие.

Послѣ литурги былъ пропѣтъ благодарственный молебенъ. Затѣмъ подняты хорутви и иконы святыхъ, въ честь которыхъ освящены придѣлы церкви и крестный ходъ, сопровождаемый массою молящихся, направился изъ храма къ памятнику Волынскаго. У этой исторической могилы была отслужена преосвященнымъ панихида по всѣмъ покойникамъ, похороненнымъ здѣсь со времени основанія кладбища. Пѣлъ хоръ пѣвчихъ. Отъ древняго кладбища уцѣлѣло около тридцати надгробныхъ плитъ. Остальная часть кладбища давно уже застроена домами. По окончаніи панихиды почетнымъ прихожанамъ въ квартирѣ настоятеля церкви былъ предложенъ завтракъ. Ко дню праздника была издана отдѣльная брошюра, излагающая исторію церкви за полтора столѣтія». [17].

САМПСОНІЕВСКИЙ ХРАМ. К 150-ЛѢТНЕМУ ЮБИЛЕЮ (Недѣля строителя, 1890)

«19 августа Сампсоніевская церковь праздновала 150-лѣтній юбилей своего существованія. Церковь св. Сампсона – самая старѣйшая въ Петербургѣ и основана Петромъ Великимъ въ 1709 году, после Полтавской победы. Государь повелѣлъ также устроить при церкви общее городское кладбище, какого тогда въ Петербургѣ еще не было. Церковь сначала была деревянная и вскорѣ стала разрушаться, поэтому въ 1728 году была заложена каменная, существующая до настоящаго времени. При Сампсоніевской церкви, до императрицы Екатерины II ежегодно, 27 іюня, происходилъ церковный парадъ, на которомъ иногда присутствовали и государи.

Первоначально при церкви было два придела, по устройству которых старая деревянная церковь в 1737 году была разобрана, и на мѣстѣ престола поставлена каменная часовня. Въ 1740 году былъ отстроенъ главный приделъ церкви во имя св. Сампсона и освященъ 19-го августа. Сампсоніевская церковь сохраняетъ до сихъ поръ много остатковъ старины; въ особенности поражаетъ своею стариною предалтарный иконостасъ въ четыре яруса, съ различными деревянными резными колоннами, изображениями херувимовъ и другими украшениями. По древности замечательны следующие предметы: фелонь изъ золотой парчи, съ надписью: «Сіи ризы въ церковь преп. Сампсона Страннопримца въ С.-Петербургѣ дала вкладу серпуховитянка Акулина Кишкина в 1760 году»; серебряные вызолоченные потиръ и дарохранительница; Евангеліе кievскаго изданія 1703 года (въ началѣ Евангелія помѣщены символическіе стихи въ честь цесаревича Алексѣя Петровича). На западной стѣнѣ при входѣ въ храмъ находится изображение Петра Великаго. Императоръ представленъ стоящимъ въ лагерной палаткѣ, съ открытою головою, въ рыцарской одеждѣ и порфирѣ; подлѣ императора столъ, на которомъ лежитъ корона, скипетръ и держава; по сторонамъ шлемъ, кирасы, знамена, барабанъ, пушка и пирамида ядеръ» [18].

В 1909 году вся Россия отмечала 200-летний юбилей Полтавской победы, названной Петром I «Русское Воскресение». Вместе с юбилеем победы свой праздник отметил и Сампсоніевский храм. В этот год Указом Императора Николая II храму был присвоен статус собора, а 10 июля, через несколько дней после освящения обновленного и отреставрированного храма на

южном и северном фасадах колокольни были установлены чугунные мемориальные доски с текстами речей Петра I к участникам Полтавского сражения и открыт памятник Петру I, выполненный по модели знаменитого скульптора М. М. Антокольского архитектором Н.Е. Лансере.

Как и в 1890 году во многих журналах и газетах к 200-летию юбилею был подготовлен ряд публикаций, из которых можно было вновь ознакомиться с историей собора, узнать о его реликвиях, реставрации, а также о торжествах в честь Полтавской победы.

Так, № 26 от 27 Июня 1909 года журнала «Русский Паломник» был полностью посвящен 200-летию Полтавской победы. Все статьи сопровождалась фотографиями и рисунками. В этом номере журнала, наряду со статьями Е. Извековой «Полтавская битва в общем ходе русской истории. (К 200-летию со дня Полтавской победы)», С.К. Витовтова «Полтава и памятники Полтавской битвы» и заметкой «Порядок полтавских торжеств», была опубликована статья В.Н. Елесина «Сампсониевский храм в С.-Петербурге и его древности» [19]. Ниже мы приводим содержание этой статьи

САМПСОНІЕВСКІЙ ХРАМЪ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГЪ И ЕГО ДРЕВНОСТИ

(по поводу 200-200-лѣтія существованія храма)

Церковь св. Сампсонія Страннопримца, въ настоящее время, въ виду исполненія 200-лѣтія существованія храма, переименованная, по Высочайшему повелѣнію, въ соборъ, заложена въ 1709 году императоромъ Петромъ Великимъ въ память о Полтавской побѣдѣ.

Имя архитектора, строившаго церковь, не извѣстно, но есть данныя, указывающія на знаменитаго въ то время строителя итальянца Антоніо Трезини.

Въ 1709 году была заложена деревянная церковь, нынѣ же существующая каменная начата постройкой въ 1725 году, въ годъ смерти Петра Великаго. Построена она немного въ сторонѣ отъ прежняго деревяннаго храма, на мѣстѣ котораго въ настоящее время находится небольшая каменная часовня съ каменнымъ образомъ Св. Троицы.

Особенную художественно-историческую цѣнность въ храмѣ имѣетъ рѣзной деревянный иконостасъ, сдѣланный изъ липоваго дерева и вызолоченный червоннымъ золотомъ на блѣдно-малахитовомъ фонѣ.

Сдѣланъ иконостасъ въ стилѣ Людовика XV, эпохи постройки 33-37 годовъ XVIII столѣтія. Идея иконостаса носить глубоко-русскій характеръ. По православнымъ традиціямъ, въ немъ пять ярусовъ, что являетъ изъ себя рѣдкость для эпохи XVIII вѣка, когда иконостасы обыкновенно представляли изъ себя лишь эффектную декоративную массу въ которой иконы являлись лишь какъ бы случайными пятнами.

Живопись на иконостасѣ принадлежитъ талантливой рукѣ знаменитаго живописца Алексѣя Поспѣлова одного изъ славныхъ представителей «царской» московской школы.

Очень красивы также и два малые иконостаса, которые, какъ можно заключить по нѣкоторымъ даннымъ, перенесены изъ первоначальной Петровской церкви, о чемъ свидѣтельствуетъ и дата «1720 года» на одной изъ иконъ.

На противоположной отъ главнаго иконостаса сторонѣ находится старинная картина, изображающая императора Петра Великаго, выходящего изъ палатки и благодарящаго Бога за одержанную Полтавскую побѣду.

Во время реставраціонныхъ работъ, которыя, въ виду 200-лѣтія существованія храма, предприняты съ цѣлью привести въ извѣстность всѣ его древности и придать имъ должный видъ и которыя уже приходятъ къ концу, подъ мраморными одеждами главнаго престола обнаружены старинный резной, золоченый престолъ на четырехъ ножкахъ, поддерживающихъ массивную кипарисную доску. На ножкахъ престола символическія изображенія евангелистовъ: ангелъ, левъ, орелъ и телець. Ножки, рѣзныя, вызолоченныя, связаны между собою наверху гирляндами изъ цвѣтовъ и ангельскихъ головокъ. Внизу престола, въ центрѣ его помѣщенъ символъ Христа Спасителя въ видѣ Агнца.

Среди достопримѣчательностей храма обращаетъ на себя дальѣ вниманіе весьма оригинальная дарохранительница, сдѣланная изъ чистаго серебра и помѣщенная на главномъ престолѣ. Среди древнихъ иконъ особенно замѣчательны: икона Толгской Божіей Матери, ярославскаго письма, и древнѣйшій образъ Николая Угодника. Очень интересна грандіозная картина

Страшного суда, фряжскаго письма. Замѣчательно печатное Петровское Евангеліе 1703 года, кіевскаго изданія. Впередѣ текста помѣщены вирши, посвященныя наслѣднику цесаревичу Алексѣю Петровичу. Красивы двѣ громадныя размѣровъ Елисаветинскія рамы 1763 г., въ стилѣ «рококо». Въ одной изъ нихъ помѣщается Николино житіе, въ другой Иванъ Воинъ и преподобный Михѣй.

По указу Петра Великаго въ 1711 г. при Сампониѣвской церкви открыто кладбище, первое въ Петербургѣ. На этомъ кладбищѣ погребены всѣ узники Петропавловской крепости того времени и среди нихъ первый русскій полит-экономъ, писатель изъ народа А. Посошковъ. Здѣсь же находится памятникъ-колонна, подъ которой погребены казненные, по указу временника Бирона, черезъ размозженіе головы генераль-аншефъ, оберъ-егермейстеръ, кабинетъ-министръ А.П. Вольнскій, совѣтник А.Ф. Хрущовъ и придворный архитекторъ «оберъ-бауинтендантъ» П.М. Еропкинь» [19].

Как и в журнале «Русскій Паломникъ», юбилею Полтавской победы и Сампониѣвскаго собора были так же посвящены статьи в нескольких номерахъ журнала «Родина».

ПОЛТАВСКІЯ ТОРЖЕСТВА (Родина, 1909, № 27)

Память Полтавской побѣды торжественно праздновалась и въ Петербургѣ. Торжества начались также 26-го іюня совершеніемъ въ этотъ день богослуженій въ Петропавловскомъ соборѣ и въ церкви св. Сампсонія, закладкою новаго моста (имени Петра Великаго) черезъ Неву и закладкою училищнаго дома его же имени. 27-го іюня былъ свершенъ соединенный крестный ходъ изъ Александро-Невской лавры, Казанскаго собора и другихъ церквей къ храму св. Сампсонія, на площадке передъ которымъ, при торжественной обстановкѣ, состоялось открытіе памятника Петру Великому. Въ тотъ же день состоялось открытіе памятника Петру Великому на Адмиралтейской набережной, въ присутствіи Государынь Императриць Маріи Федоровны и Александры Федоровны съ особами Императорской фамиліи и лицами свиты. «С.-Петербургскимъ телеграфнымъ Агенствомъ» получены многочисленныя телеграммы о бывшихъ 27-го іюня по случаю 200-лѣтія полтавской побѣды въ разныхъ городахъ и селеніяхъ торжественныхъ богослуженій, парадахъ войскамъ, народныхъ чтеній и гуляньяхъ» [20].

ПАМЯТИ ПОЛТАВЫ

(Родина, 1909, № 28)

Къ памятникамъ Полтавы должны быть отнесены барельефъ на памятнике въ Спб. и картина въ Сампсоніевской церкви; первый изображаетъ Петра передъ рѣшительнымъ моментомъ боя, а вторая – его молитву передъ боемъ.

Кроме вышеописанныхъ знаменательныхъ памятниковъ Полтавской побѣды, имѣется еще одинъ, основаніе которому было положено самимъ великимъ преобразователемъ Россіи. Это – храмъ во имя святого Сампсонія Страннопримца въ С.-Петербурѣ ... Этотъ храмъ, заново реставрированный ко дню двухсотлѣтняго юбилея Полтавской битвы, представляетъ очень большой интересъ въ историческомъ отношеніи» [21].

ДВУХСОТЛѢТІЕ ЦЕРКВИ ВО ИМЯ СВ. САМПСОНІЯ СТРАННОПРИМЦА В С.-ПЕТЕРБУРГѢ (Родина, 1909, № 28)

«Одержавъ подъ Полтавой 27-го іюня 1709 г., въ день преподобнаго Сампсонія Страннопримца, побѣду надъ Карломъ XII, Петръ Великій, по своемъ возвращеніи въ Петербургъ, въ конце 1709 г. повелѣлъ заложить деревянный храмъ во имя св. Сампсонія Страннопримца, на Выборгской сторонѣ, и устроить при немъ городское кладбище, котораго в Петербургѣ тогда еще не было. По преданію, царь Петръ имѣлъ такую мысль: преподобный Сампсоній былъ страннопримецъ, а въ Петербургѣ селились странники – люди пришлые; пусть же они и покоются подъ сѣнью св. Страннопримца Сампсонія. У Галляшкина отмѣчено: «Его Величество прибылъ в Петербургъ 23-го ноября 1709 г., занялся гражданскими дѣлами, а между оныхъ, въ погребеніе странныхъ и пришельцевъ, заложилъ церковь св. Сампсона» [22].

ДВУХСОТЛѢТІЕ ЦЕРКВИ
ВО ИМЯ СВ. САМПОСНІЯ СТРАННОПРИМЦА
В С.-ПЕТЕРБУРГЕ
(Родина, 1909, № 29)

(В начале статьи дается полное описание храма – *прим. авт.*)

Въ настоящее время, ко дню двухсотлѣтняго юбилея, храмъ принялъ очень красивый видъ и находится въ полномъ сочетаніи со старинными постройками петровскихъ временъ. Противъ храма воздвигнуть памятникъ Петру I, работы извѣстнаго скульптора Антокольскаго.

Возстановленіемъ и приведеніемъ въ порядокъ запущеннаго храма св. Сампоснія много обязаны энергичному содѣйствию и хлопотамъ попечителя храма священника о. Владиміра Покровскаго, состоявшаго председателемъ юбилейной комиссіи. О. В. А. Покровскій въ 1907 г. перешелъ в церковь Сампоснія Страннопримца, где въ прошломъ году организовалъ комитетъ по реставраціи заброшеннаго Сампосніевскаго храма. Имѣя громадное знакомство среди высшаго круга, о. В. А. Покровскій сумѣлъ заинтересовать и привлечь многихъ лицъ къ дѣлу реставраціи историческаго Сампосніевскаго храма. Его старанія увѣнчались успѣхомъ: былъ собранъ капиталъ в 120 тысячъ рублей. Этого было вполне достаточно на полную реставрацію храма, возведеніе красивой церковной ограды, каменной часовни на мѣстѣ прежняго алтаря въ стилѣ петровскихъ построекъ, новаго зданія церковной ризницы и многихъ фундаментальныхъ работъ, которыя были исполнены всѣ въ очень короткій срокъ [23].

В завершение краткого обзора материалов периодической печати XVIII – XX вв., посвященных юбилею Полтавской победы и Сампсониевского собора, мы предлагаем внимаю читателей статью, опубликованную в журнале «Всесірне обозрѣніе», в которой подробно описываются торжества по случаю знаменательного события.

ПОЛТАВСКІЯ ТОРЖЕСТВА ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ (Всесірне обозрѣніе, 1909)

Полтавскія торжества въ С.-ПетербургѢ прошли великолѣпно. На этотъ разъ обыкновенно холодный, замкнутый въ себѣ городъ Великаго Петра развернулся и отпраздновалъ по-русски широко юбилей событія, уквѣпившаго за нимъ то мѣсто, на которомъ существуетъ уже двести лѣтъ.

Празднества начались пушечнымъ громомъ, возвѣстившимъ всѣмъ петербуржцамъ, что юбилейный день Полтавы наступилъ. Тотчасъ послѣ этого начался колокольный звонъ, возвѣщавшій начало крестныхъ ходовъ.

Крестные ходы.

Первымъ вышелъ крестный ходъ изъ основанной Петромъ Великимъ Александро-Невской лавры. Во главѣ лаврскаго духовенства шель преосвященный епископъ нарвскій, Никандръ. У Казанскаго собора ожидало духовенство съ иконой Казанской Божіей Матери, и послѣ краткаго молебствія крестный ходъ, къ которому присоединились хоругви и кресты изъ Введенской церкви, изъ соборовъ Преображенскаго и Сергіевскаго, направился дальше по Невскому, Морской, черезъ Дворцовую площадь, Троицкій мостъ, по набережной Петра I, къ часовнѣ Спасителя. Длинной лентой растянулось духовенство въ серебряныхъ ризахъ, предшествуемое десятками хоругвей, крестами и образами.

У часовни Спасителя снова молебствие и присоединились крестные ходы из Петропавловскаго и Троицкаго соборовъ. Шествіе направилось на Выборгскую сторону, къ храму св. Сампсонія-Страннопримца.

У Сампсоніевскаго храма крестный ходъ ожидалъ на паперти митрополитъ петербургскій Антоній, окруженный архимандритами и мѣстнымъ духовенствомъ. Крестный ходъ вошелъ въ храмъ и началось богослуженіе. Послѣ литургіи служилось благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ «вѣчной памяти» Петру Первому, а на площади, передъ храмомъ, въ это время уже приготовлялись къ освященію памятника.

У памятника Петру Великому.

Полукругомъ построились здѣсь войска 23-й пѣхотной дивизіи. При звукахъ «Коль славень» вышелъ изъ храма крестный ходъ и размѣстился вокругъ памятника.

Въ 12 часовъ дня началась пальба съ военныхъ судовъ, расположенныхъ на Невѣ, и изъ крѣпости; послышался перезвонъ колоколовъ, и изъ церкви понемногу стало выходить духовенство. Раздалась команда: «На молитву»; начался молебенъ. Послѣ молитвы съ колѣнопреклоненіемъ и пѣнія «Тебѣ, Бога, Хвалимъ», протоіаконь возгласилъ многлѣтіе Царствующему Дому, а затѣмъ «вѣчную память» императору Петру I.

Медленно спала съ памятника пелена, и глазамъ всѣхъ предстала фигура великаго императора. Фигура Петра, работы Антокольскаго, точная копія съ памятника, находящагося въ Нижнемъ саду въ Петергофѣ. Внизу надпись: «А о Петръ вѣдайте, что жизнь ему не дорога, – а жила бы только Россія!»

Памятникъ предъ храмомъ сооруженъ потомками фельдмаршала Бориса Петровича Шереметева, командовавшего въ Полтавскомъ бою.

Митрополитъ окропилъ памятникъ святой водой, осенилъ народъ крестомъ, и крестный ходъ направился обратно въ церковь. Войскамъ былъ прочитанъ Высочайшій приказъ, послѣ чего они построились и прошли церемониальнымъ маршемъ предъ памятникомъ. Къ подножію памятника были возложены два вѣнка: городскимъ головой Рѣзцовымъ – отъ Петербурга и отъ Шереметьевской дружины, съ надписью: «Отъ скромныхъ носителей безсмертнаго имени, героя, мореплавателю, плотнику, на тронѣ вѣчному работнику – царю Петру Великому» [24].

Литература

1. Романченко Н. Исторический очеркъ Санкт-Петербургскаго Сампсоніевскаго собора. – СПб., 1909. – С. 38.
2. Агеева О.Г. Официальные праздники петровскаго Петербурга // Культура Санкт-Петербурга XVIII-XX век: мат. науч. конф. «Петербургские чтенія», посвященной 290-летию Санкт-Петербурга, 24-28 мая 1993. Вып. 1. – СПб., 1993. – С. 48.
3. Там же.
4. Келлер Е.Э. Парадный Петербург. – СПб.: Русская коллекция, 2004. – С. 38.
5. Романченко Н.Ф. Исторический очеркъ Санкт-Петербургскаго Сампсоніевскаго собора. – СПб., 1909. – С. 39-40.
6. Там же.
7. Пекарскій П.П. Наука и литература при Петре Великом. – Т. II. – СПб., Издательство Товарищества «Общественная польза», 1862. – С. 200.
8. Мацулевич Ж.А. Летний сад и его скульптура. – Л., Изогиз. Ленингр. отд-ние, тип. им. Ив. Федорова, 1936. – С. 12-13.

9. Берхгольц Ф.В. Дневник камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствование Петра Великаго съ 1721-го по 1725 годъ. Пер. с нѣм. И.Ф. Аммонъ. Ч. 1-4. - М., [А.И. Кошелевъ], 1857-1862. - С. 44-48.
10. Келлер Е.Э. Парадный Петербург. - СПб.: Русская коллекция, 2004. - 260с.
11. Берхгольц Ф.В. Дневник камеръ-юнкера Берхгольца, веденный имъ въ Россіи въ царствование Петра Великаго съ 1721-го по 1725 годъ. Пер. с нѣм. И.Ф. Аммонъ. Ч. 1-4. - М., [А.И. Кошелевъ], 1857-1862.
12. Там же. - С. 95-96.
13. Там же. - С. 170.
14. Памяти Полтавы // Родина, № 26, 1909. - С. 407.
15. Воинов В.С., Денисов В.Д., Лебедев Г.С. Реконструкция Сампсониевского собора: проект // Строительство и архитектура Ленинграда, 1975, № 7. - С. 25.
16. 150 лѣтіе Сампсоніевской церкви / Извѣстія и замѣтки // Прибавленія къ Церковнымъ вѣдомостямъ, № 36. - С. 1201.
17. Полуторавѣковой юбилей церкви Св. Самсонія / Смѣсь // Исторический вѣстник, 1890, томъ XLII. - С. 270.
18. Сампсоніевскій храм. К 150-лѣтнему юбилею / Слухи и вѣсти // Недѣля строителя, 1890, № 31. - С. 216-217.
19. Елесин В.Н. Сампсоніевскій храм в С.-Петербурге и его древности. (По поводу 200-лѣтія существованія храма) // Русский паломник, 1909, № 26. - С. 416.
20. Полтавскія торжества // Родина, № 27, 1909. - С. 2-3.
21. Памяти Полтавы // Родина, № 28, 1909. - С. 423.
22. Полонскій В.Н. Двухсотлѣтіе церкви во имя св. Самсонія Страннопріимца в С.-Петербурге // Родина, № 28, 1909. - С. 424.
23. В.Н. Двухсотлѣтіе церкви во имя св. Самсонія Страннопріимца в С.-Петербурге // Родина, № 29, 1909. - С. 423.
24. Полтавскія торжества въ С.-Петербурге // Всемирное обозрѣніе, № 28, 1909. - С. 1.

Н.Н. ЧУГРЕЕВА

О КАЗАНСКОЙ КАПЛУНОВСКОЙ ИКОНЕ БОГОМАТЕРИ

В Полтавском сражении со шведами 27 июня 1709 г. в полках русских воинов находилась чудотворная Казанская Каплуновская икона Богородицы. Царь Петр I особо почитал Казанский образ. После Смутного времени и воцарения новой династии Романовых икона Богоматери Казанской стала новой государственной святыней. Царь Михаил Феодорович повелел праздновать ей дважды в год (8 июля – в день обретения в 1579 г. в Казани образа Богородицы, и 22 октября – в день освобождения Москвы с Казанской иконой от поляков). В эти дни совершались большие крестные ходы по тому же чину, что и прославленной иконе Богородицы Владимирской [1]. В 1636 г. по указу царя Михаила Феодоровича на государственные средства был выстроен каменный Казанский собор на Красной площади. Общерусское празднование Казанскому образу было установлено в 1649 г. царем Алексеем Михайловичем. Только в дни празднования Казанскому образу в Москве большие крестные ходы совершались из Успенского собора Кремля в Казанский собор с хождениями «по всем городам» – стенам Кремля, Китая, Белого и Земляного городов [2].

В XVII в. Казанский образ Богородицы уже широко почитался на Украине. В Киеве особенно была известна «Златовратская» Казанская икона на Золотых Воротах, перенесенная в 1699 г. в Троицкую церковь, располагавшуюся недалеко от Софийского собора. Древней считалась Казанская икона в Воздвиженской церкви 1700 г. ближних пещер Киево-Печерской Лавры.

В храмах Харькова XVII столетия находились почитаемые Казанские образы. В с. Городище Сосницкого уезда Черниговской епархии с 1719 г. прославилась икона Богоматери Казанской, в честь которой был установлен специальный день празднования.

В село Каплуновку Харьковской губернии Казанская икона была принесена московскими иконописцами в 1689 г. Сказание о ней записано со слов священника Иоанна Уманова, при котором икона появилась в Каплуновке. Оно повествует об обстоятельствах явления иконы, чудесах от нее, событиях шведского вторжения и полтавской баталии. Сказание публиковалось [3], его изложение помещалось в различных изданиях об иконе [4], известно оно и в рукописных списках.

Когда шведский король Карл XII приблизился к слободской Украине, чудотворную Казанскую икону, получившую название Каплуновской, решено было перенести в Харьков. Перед Полтавской баталией образ был принесен в русские полки, им благословляли воинов (при иконе находился священник Иоанн Уманов). Во время битвы, по свидетельству Сказания, государь Петр Алексеевич трижды омывал слезами святую икону, прося о победе над неприятелем, и с помощью чудотворного образа возымел совершенную победу. На знаменитой шпалере первой четверти XVIII в. Ф. Бегаля (ГЭ) [5] царь Петр представлен как победитель, с обнаженной шпагой, на гнедом коне, в мундире Преображенского полка с лентой ордена святого апостола Андрея Первозванного, на фоне ожесточенной схватки русских и шведов.

После Полтавской победы царь Петр взял на время Каплуновскую икону, которую сопровождал священник Иоанн Уманов,

в Москву. Образ был украшен серебряным позолоченным окладом с драгоценными камнями и венцом над главой Богоматери в виде короны и помещен в серебряный киот. В нем икону возвратили в Каплуновку, что удостоверяла надпись на киоте: «В сем ковчеге Император Петр I, по окончании 1709 года с Карлом XII под Полтавою войны, прислал обратно в Каплуновку чудотворный образ Божией Матери» [6].

22 октября 1709 г., в день празднования Казанскому образу, по указу царя Петра повсеместно совершались особые торжества в честь Полтавской победы с пушечной пальбой. По царскому же повелению ректором Московской Академии (впоследствии архиепископом Тверским) Феофилактом Лопатинским была составлена специальная благодарственная Служба о победе над шведами, напечатанная в Москве в 1710 г. и в Петербурге в 1725 г. Победа под Полтавой стала победой русской армии во главе с почитателем святых икон православным царем Петром над еретическим шведским войском. Празднование Каплуновской иконе было установлено в 1766 г. вместе с Ахтырской иконой по высочайшему указу Императрицы Екатерины II и члена Святейшего Правительствующего Синода епископа Белгородского и Обоянского Порфирия и совершалось 11 сентября, в день появления иконы в Каплуновке [7].

Каплуновские иконы, обычно, южнорусского происхождения и особенно распространены на Украине. Одна из почитаемых икон, благодаря которой в 1709 г. шведы были обращены в бегство, находилась в слободе Мурафе Харьковской губернии Богодуховского уезда, к которому относилась и Каплуновка. Чудотворными почитались Каплуновские иконы в слободе Козеевке, в восьмидесяти верстах от Харькова [8], в с. Козлянич Черниговской епархии. На полях последней были изображены чудеса, совершившиеся по молитвам к иконе в Каплуновке [9].

С Каплуновским Казанским образом, участвовавшим в битве под Полтавой, всегда связывалась память о Полтавской победе. День 27 июня был особенно памятен и в Каплуновке праздновался особо, с крестными ходами [10]. Большой каменный храм Рождества Богородицы 1788 – 1798 гг. с Каплуновки вмещал до двух тысяч человек [11] (не сохранился). В ознаменование 200-летия победы над шведами в 1909 г. издавались книги о святыне. Чудотворная Казанская Каплуновская икона выносилась в крестных ходах на торжествах 1909 г. Поднятая на носилках, в киоте с золочеными главками, золотыми парчевыми драпировками и малороссийскими полотенцами, она особо выделялась в торжественной процессии хода [12].

Местонахождение чудотворного Каплуновского образа ныне неизвестно. По различным свидетельствам в 1920-х годах он находился в Харькове, затем – в Киеве, а впоследствии попал за границу. Сохранилась архивная фотография Каплуновской иконы, сделанная в начале XX в. [13]. К этому времени покрывавшая икону олифа потемнела и местами сгнилась, возможно, образ прописывали. Оклад иконы на фотографии относится к началу XIX в. – это золотой оклад с драгоценными камнями, возложенный в 1804 г. Известно, что первоначальный серебряный позолоченный оклад царя Петра был перенесен на список с чудотворного образа, стоявший также в Каплуновской церкви у левого клироса [14].

Каплуновскую Казанскую икону, принесенную в 1689 г. московскими иконописцами в Каплуновку, ориентировочно можно датировать 1680-ми годами и отнести к художественной культуре Москвы. В манере письма образа проявилась традиция «живоподобия» второй половины XVII в., характерная для мастеров Оружейной палаты Московского Кремля.

Размер чудотворного Каплуновского образа, судя по сохранившимся спискам с него, делавшимся «в меру и подобие», был размером иконы-пядницы (около 31 x 26 см). Особенности иконографии образа, общие пропорции, соотношения фигур Богоматери и Младенца Христа, типы ликов не противоречат его предполагаемой датировке 1680-ми годами. В память об украшении Каплуновской иконы царем Петром I окладом с короной над главой Богоматери, наподобие царской, списки всегда имеют изображение короны, обычно рокайльного рисунка. На щеке Матери Божией иногда изображается изтекшая слеза (напоминание о чудесах, совершившихся в Каплуновке вскоре после принесения иконы). На нижнем поле списков обычно помещается надпись: «Изображение Чудотворной иконы Пресвятыя Богородицы Каплуновския. Явися 1689 г. 11 сентября». Поля часто имеют вид рамы с барочными картушами по углам, иногда с лепным левкасом.

Один из интересных списков с чудотворного Каплуновского образа середины – второй половины XVIII в. находился в Киевском Выдубицком монастыре (ГЭ) [15]. Из надписи на нижнем поле иконы явствует, что это «Изображение и мера Чудотворной Икони Престия // Бгоматере Капли[овской] явившейся 1689 // году сентября 11 дня». Она была вложена в Выдубицкий монастырь игуменьей Флоровского девичьего монастыря Пульхерией по князе Петре Шаховском. По сторонам образа на отдельных досках, вставленных в киот, изображены преподобный Петр Афонский, небесный покровитель князя Петра, и святая царица Пульхерия. Известны и другие списки этого времени южно-русской культуры. Каплуновские иконы XVIII – начала XX веков почитаются во многих церквях Украины, особенно Полтавы, Полтавской и

Харьковской областей. Наиболее ранняя из них, видимо, начала XVIII в., находится в Полтавской епархии. Икона первой половины – середины XIX в. происходит, по устным свидетельствам, из Каплуновки (Пархомовский историко-художественный музей – находится недалеко от Каплуновки). На Украине имели хождение небольшие медные нагрудные образки с изображением Казанской Каплуновской иконы (Пархомовский историко-художественный музей). Иногда они были двусторонние – с Каплуновской и Ахтырской иконами Богородицы [16].

После помощи в сражении под Полтавой от Каплуновского Казанского образа один из почитаемых списков с иконы Богородицы Казанской в 1710 г. был принесен по повелению царя Петра I в Петербург и поставлен в Казанской часовне на Петербургской стороне – центре тогдашнего города. Новая северная столица возникла под покровом Казанской иконы. Император Петр I стал именоваться 22 октября 1721 г., в день празднования Казанскому образу, после заключения Ништадского мира (30 августа 1721 г.). Принесенная в новую столицу Казанская икона Богоматери представляла собой, по-видимому, ранний список с явленного в Казани образа. Существующая почитаемая Казанская икона в Казанском соборе на Невском проспекте, относящаяся к первой трети XVIII в., отличается от ранних списков большим размером и манерой письма.

В честь Полтавской победы царем Петром в Петербурге на Выборгской стороне была заложена деревянная церковь во имя святого Сампсона странноприимца, в день которого шведы были разбиты. Она была выстроена и освящена в 1710 г. [17] Каменный Сампсониевский собор (первоначально однокупольный) сооружен рядом с деревянным в 1728 – 1740 годах. Позднее, в середине –

второй половине XIX в., на месте захоронения русских воинов под Полтавой также был выстроен каменный Сампсоньевский храм (освящен после реконструкции в 1895 г.). Во время реставрации 1909 г. каменного петербургского Сампсоньевского собора в росписи интерьера трапезной, над входом в помещение храма, по предложению архитектора А.П. Апплаксына [18] было помещено торжественное изображение Казанской Каплуновской иконы, поддерживаемой двумя большими светлыми Ангелами в развевающихся одеждах, держащими большую корону над Каплуновским образом.

Литература

1. Чугреева Н.Н. «И бывает ход большой». О почитании иконы Богородицы Казанской в царствование Михаила Феодоровича // Светильник. – 2003, № 2 – 3. - С. 23–52.
2. Чугреева Н.Н. «Русская Одигитрия». Почитание иконы Богородицы Казанской в царствование Алексея Михайловича // Светильник. – 2004, № 1 (5). - С. 45–74.
3. Уманов И.И., священ. Древнее сказание о явлении чудотворной иконы Богоматери Каплуновския, письмени преданное от свидетельства священника Иоанна Уманова. - Харьков, 1859 (2-е изд.: Харьков, 1866).
4. О Каплуновской иконе: [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии. - М., 1857. Отд. 3. Уезды Ахтырский и Богодуховский, Сумский и Лебединский. - Стб. 244–246; Тихомиров Е. Жизнь Пресвятой Богородицы и сказание о всех чудотворных иконах ее, прославляемых в Православной Церкви. - М., 1884. Ч. 2. - С. 92–94; Коханов Стефан, священ. Каплуновская Чудотворная икона Божией Матери // Русский паломник. - 1889. № 20. - С. 233–235 с ил.; Свессорева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы и описание святых чудотворных Ее икон, чтимых Православною Церковью на основании Священного Писания и церковных преданий. - СПб., 1898. - С. 308–310. (перезд., 1993. - С. 215–217. с ил. на с. 216); Бухарев И., прот. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы (История их и изображения). - М., 1901. (перезд.: М., 1994). - С. 103–104; Ильинский Стефан, священ. Каплуновская чудотворная икона Божией Матери, бывшая среди русских

- воинов в Шведскую войну и споспешница Полтавской победы 1709 года. - Харьков, 1907. - С. 3–6; Павловский И.Ф. Битва под Полтавой 27-го июня 1709 года и ее памятники. - Полтава, 1908. - С. 3–4. ил. на с. 1; Божерянов И. Сказание о Каплуновской чудотворной иконе, освященной памятью преславной Полтавской победы, бывшей по словам Петра Великого «Воскресением России». - СПб., 1909. - С. 5–8. ил. на титул. листе; Поселянин Е. Богоматерь. Полное иллюстрированное описание Ея имени чудотворных икон. - СПб., 1909. (перизд.: Коломна, 1993. Т. 2. - С. 444. ил на с 443); Каплуновская икона Божией Матери // Православная энциклопедия Харьковщины / Авт. идеи и рук. проекта В.В. Петровский. Сост., отв. ред. А.Д. Каплин. - Харьков, 2009. - С. 233–234; Чугреева Н.Н. Казанская Каплуновская икона Богоматери и победа под Полтавой // Полтава: К 300-летию Полтавского сражения: Сб. статей. - М., 2009. С. 302–311 с ил.
5. Памятники Полтавской победы в Эрмитаже (Ленинград) / В.Н. Васильев, В.М. Глинка, Г.Н. Комелова, К.К. Мамаев, А.В. Помарицкий // Полтава. К 250-летию полтавского сражения: Сб. статей. - М., 1959. - С. 435.
 6. Коханов, свящ. Каплуновская Чудотворная икона Божией Матери. - 1889. - С. 234; Снегирева С. Земная жизнь Пресвятой Богородицы... - 1898. - С. 310. перизд., 1993. - С. 217; Павловский И.Ф. Битва под Полтавой... - 1908. - С. 4.
 7. [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии... - 1857. - Стб. 19–20; Димитрий (Самбикин), еписк. Месяцеслов святых, всею русскою церковию или местно чтимых и указатель празднеств в честь икон Божией Матери и св. Угодников Божиих в нашем отечестве. - Тамбов, 1878. Вып. 1. - С. 23–24.
 8. Бухарев И., прот. Чудотворные иконы Пресвятой Богородицы... - 1901. перизд., 1994. - С. 104.
 9. Димитрий (Самбикин), еписк. Месяцеслов... - 1878. - С. 24; [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Историко-статистическое описание Черниговской епархии. Уезды: Новгородсеверский, Сосницкий, Городницкий, Конотопский и Борзенский. Чернигов - 1874. - С. 186 (Сосницкой уезд).
 10. Ильинский Стефан, свящ. Каплуновская чудотворная икона Божией Матери... - 1907. - С. 7.

11. [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии... - 1857. - Стб. 241–242; Лукомский Г.К. Старинные усадьбы Харьковской губернии. - Пг., 1917. Ч. 1. Богодуховский уезд. - С. 65–66. фото на вклейке.
12. Божерянов И. Сказание о Каплуновской чудотворной иконе... - 1909. - С. 22.
13. Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 155 (Н.П. Кондакова). Оп. 2. Вр. 12. № 195.
14. [Филарет (Гумилевский), архиеп.]. Историко-статистическое описание Харьковской епархии... - 1857. - Стб. 246–247.
15. Косцова А.С., Побединская А.Г. Русские иконы XVI — начала XX века с надписями, подписями и датами. Государственный Эрмитаж. Каталог выставки. - Л., 1990. Кат. № 69. - С. 29. ил. на С. 109.
16. Каталог Екатеринославского областного музея имени А.Н. Поля. Археология и этнография. - Екатеринослав, 1905. Ч. XII. Древности церковные (из запорожских церквей Екатеринославской губ.). - С. 93.
17. Баторевич Н.И., Кожичева Т.Д. Храмы-памятники Санкт-Петербурга: Во славу и память российского воинства. - СПб., 2008. - С. 151–152. в литературе также указывается более поздняя дата сооружения собора в 1715 – 1717 гг. по проекту архитектора Доменико Трезини: Шульд С.С. мл. Храмы С.-Петербурга (история и современность). Справочное издание. - СПб., 1994. - С. 63.
18. Баторевич Н.И., Кожичева Т.Д. Храмы-памятники Санкт-Петербурга... - 2008. - С. 192. ил. на с. 193, ил. вкл. С. 30–32.

Кн. Марія Трубецкая

Г И М Н Ъ
НА 200 - Л Э Т И Е П О Л Т А В С К О Й П О Б Ы Д Ы

Повѣдать вѣмъ про славный бой Полтавы,
Сынамъ бы снѣтъ о доблестныхъ отцахъ...
Не можеть быть, чтобъ трепеть прежней славы
Не разбудиль дремавшихъ струнь въ сердцахъ!

Изъ тмы время възстанеть образъ ясный,
Могучій духъ Великаго Царя,
Безсмертный ликъ, и грозный, и прекрасный,
Съ печатью думъ въ чертахъ богатыря.

И память ихъ воскреснеть съ новой силой,
Тѣхъ славныхъ дѣлъ, что здѣсь вершились встарь...
Живи, живи, нескованный могилой,
Живи въ сердцахъ, Великій Государь!

За то, что Ты, орелъ на полѣ брани,
Свои полки отважно ведший въ сѣчь,
Соединить умѣл въ дерзавной длани,
И свой топоръ, и свой безстрашный мечъ.

Твой смѣлый умъ, въ борьбѣ окрѣпшій рано,
Не признавалъ губительныхъ оковъ,
Не промѣнялъ простора океана
На тишь и гладь анакомыхъ береговъ.

Отдавъ свои вѣсь помыслы отчизнѣ,
Ты произнесъ безсмертными слова:
«Поймите вѣсь, Петру не нужно жизни,
Была бы Русь любимая жива».

Въ тотъ часъ, когда раздался гром побѣды,
Въ ныняшій часъ удачи боевой
Твой царскій пиръ съ Тобой дѣлили шведы,
Твои враги облаканы Тобой.

И мы теперь, спустя два долгихъ вѣка,
Сквозь мглу времени, измѣнчивыхъ, какъ тѣнь,
Почтимъ въ Тебѣ Царя и человѣка,
И вспомнимъ вѣсь полтавскій славный день.

И память ихъ воскреснеть съ новой силой,
Тѣхъ славныхъ дѣлъ, что здѣсь вершились встарь...
Живи, живи, нескованный могилой,
Живи въ сердцахъ, Великій Государь!

**ПЕРЕЧЕНЬ НАУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ
О САМПСОНИЕВСКОМ СОБОРЕ,
ПОДГОТОВЛЕННЫХ СОТРУДНИКАМИ МУЗЕЯ
В ПЕРИОД С 1985 ПО 2009 ГГ.**

1985 год

Боровкова Г.С. История проектирования и строительства Сампсониевского собора.

Давид В.М. Монументальная живопись Сампсониевского собора.

Знаменова И.Г. Иконостасы Сампсониевского собора.

Фивейский В.В. Архитектура Сампсониевского собора.

1986 год

Давид В.М. Сампсониевский собор – мемориальный памятник русской истории.

Коренцвит В.А. Альбом фотографий к отчету об археологических исследованиях на территории б. Кладбища у Сампсониевского собора (56 фотографий).

Коренцвит В.А. Отчет об археологических исследованиях на территории б. Кладбища у Сампсониевского собора (с чертежами – на 4 л.).

1987 год

Давид В.М. Анализ библиографии и архивных материалов по истории строительства, художественному убранству и реставрации Сампсониевского собора.

Давид В.М. История проектирования, строительства и художественного оформления и реставрации Сампсониевского собора.

Москаленко Л.П. Иконы главного иконостаса Сампсониевского собора.

Фивейский В.В. Вопросы реконструкции здания б. Сампсониевского собора.

Фивейский В.В. Решение архитектурно-художественного облика музея-памятника «Сампсониевский собор» (материалы для проведения реставрации).

1988 год

Фивейский В.В. История реставрации Сампсониевского собора.

1989 год

Догадаева Е.В., Иванова Н.А. Иконы Сампсониевского собора.
Фивейский В.В. Осветительная арматура Сампсониевского собора.

1993 год

Квятковский А.В. Главный иконостас Сампсониевского собора – возрождение шедевра.

1995 год

Квятковский А.В. Во имя Сампсония Странноприимца, во славу русского оружия // Сб. науч. тр. «Музеи России: поиски, исследования, опыт работы».

Квятковский А.В. Санкт-Петербургский Сампсониевский собор – архитектурно-исторический памятник 18 века. Некоторые проблемы изучения.

1996 год

Квятковский А.В. Захоронения при Сампсониевском соборе в Санкт-Петербурге // Сб. науч. тр. «Музеи России: поиски, исследования, опыт работы».

Квятковский А.В. Мемориальный памятник «Врагам Бирона» при Сампсониевском соборе Петербурга.

1997 год

Квятковский А.В. Дворянские гербы на мемориальном памятнике при Сампсониевском соборе // Сб. науч. тр. «Музеи России: поиски, исследования, опыт работы».

1999 год

Бергер И.Н. Иконостас Иоанна Богослова в музее-памятнике «Сампсониевский собор»

Званцев П.М. Тема Полтавской победы в настенной росписи Сампсониевского собора.

Званцев П.М. Месяцесловы (святцы) музея-памятника «Сампсониевский собор».

2000 год

Бергер И.Н. Иконостас южного предела Архистратига Михаила в музее-памятнике «Сампсониевский собор».

Мокина Т.М. Убранство интерьера Сампсониевского собора.

Оснос О.А. Жизнь и творчество А.П. Аплаклина.

Репина Е.Л. Храмовое зодчество Д. Трезини и М. Земцова. Преемственность традиций.

Федосеева О.А. Роль и значение орнамента в русском монументальном искусстве конца XVIII- начала XX вв. (Сампсониевский собор, Исаакиевский собор, храм Воскресения Христова).

2001 год

Квятковский А.В. Военный храм-памятник как исторический символ России. На примере музея-памятника «Сампсониевский собор».

2002 год

Званцев П.М. Концепция поэтапной подготовки к открытию и функционированию музея-памятника «Сампсониевский собор».

Званцев П.М. Концепция установки надгробной плиты в Сампсониевском соборе.

Мокина Т.М. Малые иконостасы Сампсониевского собора.

Мокина Т.М. Атрибуция главного иконостаса Сампсониевского собора.

Мокина Т.М. Музейный комплекс «Сампсониевский собор».

2003 год

Голованова А.В. Обзор и анализ документов по реставрации Исакиевского собора, Сампсониевского собора, Спаса на крови.

Званцев П.М. Сампсониевский собор – исторический памятник славного прошлого России.

Львова Е.Н. История действующего Сампсониевского собора и его музеефикации.

Оснос О.А. Персоналии по захоронениям при Сампсониевском соборе.

Турцова Н.М. Образы Богоматери в Сампсониевском соборе.

Хитарова И.Ю. Возможность участия мастеров московской оружейной палаты в художественном оформлении Сампсониевского собора.

2004 год

Захоронение И.Т. Посошкова на кладбище у Сампсониевского собора // Сб. науч. тр. науч. конф. «Отечественная научная традиция и социально-экономическое развитие России. Памяти Посошкова И.Т.».

Званцев П.М. Особенности православного высокого иконостаса на примере Сампсониевского собора.

Званцев П.М. Реставрация и ремонт Сампсониевского собора к 200-летию Полтавской победы (обзор архивных документов и библиография).

Мокшина Т.М. Иконы главного иконостаса Сампсониевского собора. Иконография.

Львова Е.Н. История Сампсониевского собора как действующей церкви.

2005 год

Званцев П.М. Сампсониевский собор в годы Великой Отечественной войны.

Званцев П.М. Сампсониевский собор в послевоенный период.

Званцев П.М. Воспитательно-патриотическое значение музея-памятника «Сампсониевский собор».

2006 год

Званцев П.М. Каменный храм, его строительство и ремонт в XVIII веке.

Званцев П.М. Настенные росписи в соборе.

Званцев П.М. Судьба собора в предвоенные период, в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. и в послевоенный период.

Мишура О.О. Памятники Полтавской победы и празднование ее годовщины.

Мишура О.О. Сампсониевский собор – центр торжеств в честь Полтавской победы.

Мокина Т.М. Захоронения при Сампсониевской церкви.

Мокина Т.М. Каталог внутреннего убранства Сампсониевского собора.

Мокина Т.М. Храмовые иконы и церковная утварь.

Репина Е.Л. Значение храмовых икон и рам Сампсониевского собора в коллекции музея

Репина Е.Л. Научная концепция экспозиции храма-памятника Сампсониевский собор.

Репина Е.Л. Реставрация храма 1908-1909 гг.

2007 год

Званцев П.М. Первая деревянная церковь во имя Сампсония Странноприимца.

Званцев П.М. Престол и напрестольная сень главного иконостаса Сампсониевского собора (история создания и реставрации).

Репина Е.Л. Восстановление православного храма и памятника воинской славы «Сампсониевский собор» в 1984 – 2006 гг.).

Филиппова Э.А. Историческое осветительное оборудование Сампсониевского собора.

2008 год

Бартова-Грозовская Т.Г. Духовенство Сампсониевского собора.

Голованова А.В. Памятник Петру I работы М.М. Антокольского перед Сампсониевским собором.

Мокина Т.М. Убранство сени главного алтаря Сампсониевского собора.

Хитарова И.Ю. Православные святые в Сампсониевском соборе.

Сампсониевский собор – СПб., 2008, – 12с.

2009 год

Сампсониевский собор в Санкт-Петербурге. – СПб., 2009. – 170с.

Квятковский А.В. Сампсониевский собор в работах отечественных историков и документах исторических архивов Санкт-Петербурга.

Бондарчук В.Г. Документы последней четверти XX века по реставрации Сампсониевского собора из фондов Государственного музея–памятника «Исаакиевский собор».

Голованова А.В. Творческое наследие гражданского инженера и епархиального архитектора А.П. Аппаксина.

Догадаева Е.В. Малое Евангелие Сампсониевского собора.

Матвеева О.О. Благотворительные учреждения при Сампсониевском соборе.

Мокшина Т.М. Храмовая икона Сампсониевского собора «Святой Николай Чудотворец в житии» со средником. Особенности иконографии.

Окунев С.Н. История формирования облика каменной Сампсониевской церкви в 1740-1763 гг.

Материалы по современной реставрации Сампсониевского собора из фонда научно-технической документации Государственного музея–памятника «Исаакиевский собор».

Чернышева Е.К. Празднование юбилеев Сампсониевской церкви в Санкт-Петербурге (по материалам массовых источников XIX и XX вв.).

Филиппова Э.А. Иконография образа Каплуновской Божией Матери в Сампсониевском соборе.

НАШИ АВТОРЫ

- БУРОВ**
Николай Витальевич
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор», директор
- БЕЛЕЦКАЯ**
Лариса Ивановна,
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
хранитель фондов Спаса на крови
- БОНДАРЧУК**
Вера Гавриловна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
старший научный сотрудник, хранитель фондов
- ГОЛОВАНОВА**
Анна Викторовна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
старший научный сотрудник
- ГРЕБНЕВА**
Людмила Геннадьевна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
методист отдела по работе со школами
- ГУСЕНЦОВА**
Татьяна Матвеевна
Археолог, историк, педагог,
кандидат исторических наук
- ДОБРЫНИНА**
Ирина Николаевна
Искусствовед, экскурсовод по Санкт-Петербургу,
педагог, дипломант Всероссийского конкурса
образовательных программ «Растим патриотов
России» Министерства образования Российской
федерации - программа «Родники истории»
(Выборгская сторона).
- ДОГАДАЕВА**
Елена Викторовна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
старший научный сотрудник, хранитель фондов
- ИСАЧЕНКО**
Валерий Григорьевич
художник

- КВЯТКОВСКИЙ** Александр Викторович Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», заместитель директора по научной работе
- МАТВЕЕВА** Ольга Олеговна Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», старший научный сотрудник
- МОКИНА** Татьяна Михайловна Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», хранитель фондов Сампсониевского собора, кандидат искусствоведения
- НИКИФОРЕНКО** Елена Михайловна Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», заведующая экскурсионным сектором Сампсониевского собора, кандидат искусствоведения
- ОКУНЕВ** Сергей Николаевич Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», хранитель фондов Исаакиевского собора, кандидат технических наук
- ОСНОС** Ольга Александровна Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», старший научный сотрудник
- ПАРФЕНОВ** Вадим Александрович Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет, доцент, кандидат технических наук
- РЕПИНА** Елена Леонидовна Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», старший научный сотрудник
- СОКОЛОВА** Юлия Сергеева Государственный музей-памятник «Исаакиевский собор», экскурсовод

- УШКОВА**
Юлия Семеновна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
начальник отдела учета фондов
- ФИЛИПОВА**
Элеонора Анатольевна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
старший научный сотрудник,
кандидат филологических наук
- ХВОСТОВА**
Галина Александровна
Государственный Русский музей,
ведущий научный сотрудник,
хранитель скульптуры Летнего сада
- ХИТАРОВА**
Илона Юрьевна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
старший научный сотрудник,
доктор философских наук
- ЧЕРНЫШЕВА**
Елена Кельмановна
Государственный музей-памятник
«Исаакиевский собор»,
ученый секретарь музея,
кандидат педагогических наук
- ЧУГРЕЕВА**
Наталья Николаевна
Центральный музей древнерусской культуры
и искусства им. Андрея Рублева,
старший научный сотрудник

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительное слово главного редактора	3
Слово святейшего Патриарха Московского и Всея Руси Кирилла за литургией в Исаакиевском соборе 5 апреля 2009 года	4
Краткое описание С.-Петербургской Сампсониевской церкви, что на Выборгской стороне с историею ея и прихода. Къ полуторастолѣтнему юбилею церкви Священника Александра Владимірскаго	8
ОТЧЕТЪ Комитета по организаціи празднованія 200-тъ лѣтняго юбилея основанія Сампсоніевскаго храма, заложенаго Императоромъ Петромъ I-мъ въ память Полтавской побѣды 1709 года 29-го іюня	70
Буров Н.В. Храм в честь Полтавской победы	83
Белецкая Л.И. Из истории герба Полтавской губернии	97
Бовдарчук В.Г., Ушкова Ю.С. Интересные открытки из собрания Государственного музея-памятника «Исаакиевский собор» (к вопросу о комплектовании коллекции)	103
Голованова А.В. История создания памятника Петру I скульптором М.М. Антокольским	117
Гребнева Л.Г. О пятилетнем опыте проведения детской музейной программы в Сампсоніевском соборѣ	129
Гусенцова Т.М., Добрынина И.Н. На Выборгской стороне: местность вблизи Сампсоніевскаго собора в литературных произведеніях XIX века	146

Догадаева Е.В.	Уникальный памятник культуры начала XVIII века — Малое Евангелие Сампсониевского собора	153
Исаченко В.Г.	Мир образов архитектора Аплаксина	177
Квятковский А.В.	Сампсониевский собор в работах отечественных историков и документах исторических архивов Санкт-Петербурга	184
Матвеева О.О.	Благотворительные учреждения при Сампсониевском соборе	201
Мокина Т.М.	Иконография храмовой иконы Сампсониевского собора «Святитель Николай Чудотворец в житии» ...	220
Никифорова Е.М.	Главный иконостас Сампсониевского собора. Архитектурно-живописно- скульптурный синтез	234
Окунев С.Н.	Дипломатические усилия России по нейтрализации Турции перед Полтавской битвой	248
Оснос О.А.	Из истории бытования храма во имя преподобного Сампсония Странноприимца	252
Парфенов В.А.	Бесконтактный метод копирования памятников из камня с помощью лазера и робототехники	262
Резина Е.Л.	История захоронений у Сампсониевского собора	272

Соколова Ю.С.	К вопросу о формировании иконографической программы Сампсониевского собора	287
Филиппова Э.А.	Образ Каплуновской Казанской иконы Пресвятой Богородицы - покровительницы Русской земли	296
Хвостова Г.А.	Особенности хранения и реставрации мраморной скульптуры Летнего сада в XVIII веке	303
Хитарова И.Ю.	К вопросу об авторстве подлинных икон Сампсониевского собора	316
Чернышева Е.К.	Празднование юбилеев Сампсониевского собора (по материалам изданий XVIII-XX вв.)	327
Чугреева Н.Н.	О Казанской Каплуновской иконе Богоматери	349
Кл. М. Трубетская	Гимн на 200-летие Полтавской победы	358
Перечень научных материалов о Сампсониевском соборе, подготовленных научными сотрудниками музея в период с 1985 по 2009 гг.		359
Наши авторы		365